

PITIRIM A. SOROKIN

*The Basic Trends
of Our Times*

COLLEGE AND UNIVERSITY PRESS. PUBLISHERS
NEW HAVEN, CONN.

ПИТИРИМ А. СОРОКИН

*Главные
тенденции
нашего
времени*

МОСКВА «НАУКА» 1997

УДК 316
ББК60.5
С19

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 97-03-16089*

Перевод с английского, послесловие и приложения Т.С. ВАСИЛЬЕВОЙ

Сорокин П.А.

Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. - М.: Наука. 1997.-351 с.
ISBN 5-02-013649-2

На русском языке публикуется книга известного русского и американского социолога Питирима Александровича Сорокина (1889-1968) о тенденциях развития человеческой цивилизации в прошлом, настоящем и будущем.

Книга адресована, по собственному выражению П.А. Сорокина, «интеллигентному читателю-непрофессионалу».

По сети АК
ISBN 5-02-013649-2

© Т.С. Васильева, перевод,
послесловие, приложения, 1997
© Н.Н. Михайлова, художественное оформление, 1997
© Российская академия наук, 1997

*Посвящается Гордону У. Олпорту
и
Карлу К. Циммерману*

Предисловие

В этих очерках в доступной для интеллигентного читателя-непрофессионала форме обрисовываются основные тенденции нашего времени и та гигантская борьба, которая проходит в уме, душе и теле всего человечества и во всех, больших и малых, социальных группах.

В первом очерке излагаются три главные, основные тенденции. Второй очерк более подробно рассматривает первую тенденцию - перемещение и распространение творческого лидерства с Запада на Восток - и дает диагноз и прогноз взаимоотношений между Востоком и Западом. В третьем очерке описываются все три основные тенденции, их отражение во взаимной конвергенции Соединенных Штатов и СССР и становление промежуточного типа.

В четвертом очерке рассматривается проблема единообразия как следствия всех великих катастроф, а именно единообразия религиозной и моральной поляризации в современный кризисный период истории человечества. Наконец, в пятом очерке очерчивается новое поле исследований - поле мистической энергии созидательной, неэгоистической любви, которой предстоит играть все более возрастающую роль в будущей жизни человечества, если оно избежит новых самоубийственных войн. Все вместе эти тенденции являются самыми важными в наше время, все другие тенденции - лишь частичные проявления этих основных процессов.

Питирим А. Сорокин

Выражение признательности

Я хочу поблагодарить следующие институты, в которых были представлены мои доклады, и издания, в которых они появились:

XXVIII-й и XIX-й Международные Конгрессы по социологии (в Нюрнберге и Мехико Сити, соответственно), на их пленарных заседаниях были прочитаны следующие доклады: «Три главные тенденции нашего времени», «Мистическая энергия любви» и «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный промежуточный тип»:

издателей документов XVIII и XIX Международных социологических конгрессов (Akten des XVIII, Internationalen Sociologenkongresses, Meisenheim am Glan, Verlag Anton Hain KG, vol. 1, 1961; the Memoire du XIXe Congres International de Sociologie, Mexico, D.F., vol. 3, 1961) и доклада «Главные течения современной мысли» (Main Currents in Modern Thought (vol. 16, 1960)), которые их опубликовали;

Колби-Колледж (Colby College), где в 1963 г. в серии лекций был прочитан известный доклад «Диагноз и прогноз отношений между Востоком и Западом»;

Принстон - Теологический семинар, в котором на конференции по вопросам религии и социальной жизни исторического отделения Духовной семинарии в 1963 г. был прочитан очерк «Религиозная и моральная поляризация нашего времени».

Посвящение этой книги профессору Гордону У. Олпорту и К. Циммерману – знак моей глубокой признательности за их дружбу и значительный вклад в психосоциальные науки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Три главные тенденции нашего времени

Три наиболее важные тенденции нашего времени - это, во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового - интегрального - социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности.

1. Перемещение творческого лидерства

Все мы знаем, что творческое лидерство, малого и крупного масштаба, в узкой и широкой сфере деятельности, перемещается с течением времени с места на место, от группы к группе, от института к институту, от страны к стране. Поэтому во времена У. Джемса, Дж. Ройса, Пирса, Пальмера и Мюнстерберга философское отделение Гарварда было, конечно, лидирующим среди философских отделений всех американских университетов. После смерти этих философов Гарвардское отделение потеряло свое бывшее превосходство и отделения философии других университетов присвоили себе лидерство. Около тридцати лет тому назад университет Чикаго, несомненно, имел лидирующее отделение социологии в этой стране. В конечном счете он потерял свою лидирующую роль. То же можно сказать и о других отделениях университетов и любых других видах лидерства. Около семидесяти лет тому назад Новая Англия была центром текстильной и других индустрии. Позднее центры текстильной, стальной и других индустрии переместились в другие регионы Соединенных Штатов. С 800 до 1600 г. Италия сделала примерно от 25 до 41% всех научных открытий и изобретений в Европе; с 1726 г. до настоящего времени этот вклад Италии снизился приблизительно до 2-4%. Вклад Соединенных Штатов составил только 1,1% всех открытий и изобретений за период с 1726 по 1750 гг.; эта доля увеличилась до 25,3% за период 1900-1908 гг.; в настоящее время она еще более возросла¹.

История сообщает нам, что когда-то великим центром политической власти был Египет; в другой период он переместился в Вавилон или Персию; затем в Индию или Китай, затем в Рим или Европу; и в самой Европе он продолжал переходить от одного народа к другому. Также и

¹ См. подробную статистику научных открытий и изобретений, сделанных разными западными странами с 700 до 1908 г.: P.A. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics* (New York: Bedminster Press, 1962), II, 141 ff; P. Sorokin, *Society, Culture and Personality* (New York: Cooper Square Publishers, 1962), pp. 570-572.

великие центры музыкального творчества в Европе были в какой-то период в Спарте; затем в Риме и Милане; затем, после средневекового периода, в Италии и Франции, Нидерландах и Англии, Австрии и Германии; и наконец, в России, Норвегии, Финляндии и Соединенных Штатах. За последние десять веков творческие центры экономических империй Европы были в Испании, Португалии и Италии, затем в Нидерландах, Франции, Англии, Австрии и Германии; теперь этот центр переместился в Соединенные Штаты и Россию.

Эти примеры ясно показывают, что подразумевается под перемещением творческих центров лидерства.

Наилучшим свидетельством этой мобильности является перемещение творческого центра человеческой истории, или лидерства всего человечества.

Приблизительно до четырнадцатого века творческое лидерство удерживалось народами и государствами Азии и Африки. В то время как наши предки на Западе имели еще самый примитивный образ жизни и культуры, в Африке и Азии великие Цивилизации - египетская, вавилонская, иранская, шумерская, хеттская, индийская, китайская, средиземноморская (крито-микенская, греко-римская, арабская) и другие - возникали, росли и переживали колебания расцвета и упадка в течение тысячелетий. Западные - евро-американские - народы были самыми последними, кто принял на себя творческое лидерство человечества. Они несли свой факел лишь в течение последних пяти или шести веков.

В течение этого короткого периода они блестяще выполнили свою творческую миссию, особенно в области науки, технологии, чувственных изящных искусств, политики и экономики. В настоящее время, однако, европейское монополистическое лидерство можно считать почти завершившимся. Настоящая и будущая история человечества уже представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африкано-американо-европейского космополитического театра. И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать - помимо Европы, Америк и России - возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира. Этот эпохальный сдвиг уже начался и проявил себя в распаде великих европейских империй, таких как британская и французская, в уменьшении политического и культурного влияния Европы в международных отношениях, в перемещении творческой активности некоторых европейских народов на другие континенты: англо-саксов - в Соединенные Штаты, Канаду и Австралию; испанцев и португальцев - в Латинскую Америку; в творческом росте азиатской России по сравнению с европейской частью и так далее. Еще более сильным показателем этого сдвига является несомненное возрождение великих культур Азии и Африки: индийской, китайской, японской, индонезийской, арабской, еврейской и других. Успешное освобождение этих народов от колониального рабства - быстрый рост их

политической и социальной независимости, их влияния в международных делах, их научного и технологического развития (включая рост числа нобелевских и других лауреатов); успешное распространение их религиозных, философских, этических, художественных и культурных ценностей в западном мире и многие другие явления свидетельствуют о начале этого возрождения. Все это и многие другие очевидные факты безусловно указывают на сдвиг в творческом лидерстве человечества от монополистического господства Европы в Америки, Азию и Африку. Этот сдвиг чреват важными изменениями во всех областях культуры и в социальной жизни всех наций. Его влияние на будущую историю человечества будет, несомненно, больше, чем влияние альянсов и дезальянсов западных правительств и правящих групп. Такова первая основная социокультурная тенденция нескольких последних десятилетий. (Дополнительную информацию об этой тенденции см. в следующем очерке «Диагноз и прогноз взаимоотношений между Востоком и Западом».)

2. Чувственный (sensate), идеациональный и интегральный социокультурные типы общественного строя

Другие две тенденции, продолжающийся распад чувственной социокультурной системы Запада и возникновение и рост нового - интегрального - социокультурного строя, возможно, еще более важны для настоящего и будущего человечества. Для того чтобы в полной мере раскрыть значение этого положения, я должен дать дефиниции этих терминов.

Около тридцати лет тому назад я поставил подробный диагноз современному положению западной культуры и общества с предсказанием грядущих тенденций, включая повторные предостережения о надвигающихся ужасных войнах, кровавых революциях, нищете и «высвобождении» в человеке «худшей из бестий». В форме резюме этот диагноз выглядел следующим образом:

«Каждый значительный аспект жизни, организации и культуры западного общества находится в чрезвычайном кризисе... И тело, и душа его больны... Мы - живем, по-видимому, между двумя эпохами: умирающей чувственной (секулярной) культурой нашего великолепного вчера и наступающей (новой) культурой творческого завтра. Мы живем, думаем и действуем в конце блестящего шестисотлетнего чувственного дня. Косые лучи солнца еще освещают славу уходящей эпохи. Но свет гаснет и в углубляющейся тьме, в тумане сумерек становится все труднее видеть и безопасно ориентироваться. Ночь переходного периода с ее кошмарами, пугающими тенями, разрывающими сердце ужасами начинает неясно выступать перед нами. Однако вдали, вероятно, поджидает заря новой великой культуры, чтобы встретить людей будущего».

Несмотря на враждебную критику моего диагноза кричаще оптимистичным общественным мнением 1920-х годов, мои предсказания в течение последних тридцати лет оказывались верными. Таким образом, история подтвердила мою правоту.

Поскольку переходное состояние современной евро-американской культуры и общества в значительной мере определяет его существенные черты, целесообразно обрисовать более тщательно природу кризиса, в котором они находятся в настоящее время.

Короче говоря, главные элементы кризиса следующие: он заключается в распаде чувственной формы нашей культуры, общества и образа жизни, которые преобладали в западном мире в течение последних пяти столетий; кризис охватывает все сферы этой чувственной культуры и общества; в этом смысле он всеобщий, эпохальный и величайший из всех кризисов в истории западного мира.

Чувственная культура

Чувственная форма культуры и общества базируется на том основополагающем принципе, что истинная реальность и ценность является чувственно воспринимаемой и что за пределами реальности и ценностей, которые мы можем видеть, слышать, ощущать во вкусе, прикосновении и запахе, нет другой реальности и нет реальных ценностей.

В целом система чувственной культуры представляет собой артикуляцию и «материализацию» этого основного принципа в ее науке и философии, немного в религии, в ее праве и этике, ее экономике и политике, изящных искусствах и социальных институтах. Этот основной принцип становится также главной детерминантой доминирующей ментальности, стремлений и образа жизни чувственного общества. Достаточно последовательно чувственная культура делает свидетельство наших чувств критерием того, что есть истина и что есть ложь. Она интенсивно развивает научное познание физических и биологических свойств чувственной реальности, которая мало способствует творческому развитию мысли в сверхчувственных сферах религии и теологии.

Хотя чувственное общество вполне успешно производит множество технологических открытий, имеющих целью увеличение телесного комфорта чувственной жизни, оно не достигает успеха в разработке эффективной техники для преобразования душ и «производства» сверхчувственных ценностей Царства Божия. В то время как оно весьма покровительствует развитию материалистической, эмпирической, позитивистской и других чувственных философий, оно не поощряет развитие идеалистической, мистической и сверхчувственной систем философии. Несмотря на свое поверхностное служение ценностям Царства Божия, оно заботится, главным образом, о чувственных ценностях благосостояния, здоровья, телесного комфорта, чувственных

удовольствиях и жажде власти и славы. Его доминирующая этика неизменно утилитарна и гедонистична. Оно рассматривает все этические и законодательные правила как простые изобретения человеческого ума, в высшей степени относительные и изменчивые. Его политика и экономика также чрезвычайно утилитарны и гедонистичны. И как мы увидим, его изящные искусства отличаются подобными же чувственными характеристиками.

Чувственная форма возникла в западной культуре в конце двенадцатого столетия и постепенно, после пятнадцатого века, стала доминирующей, вытеснив предшествующую ей религиозную, или идеациональную, форму, которая преобладала в средневековый период в западной культуре и обществе примерно с седьмого до тринадцатого века.

Идеациональная культура

Идеациональная культура и общество средних веков базировались и были артикулированы во всех своих аспектах на том основном принципе, что истинная реальность или ценность - это сверхчувственный и сверхрациональный Бог и его Царство, как определено в христианском Символе Веры; в то же время чувственная реальность или ценность либо просто мираж, либо даже что-то негативное и греховное. Более того, идеациональная культура признавала Божественные откровения как критерий истины и не признавала свидетельство чувств. В соответствии с этим, идеациональная культура мало заботится о научном подходе к исследованию чувственных феноменов или об изобретении технологических приспособлений; поскольку чувственный мир в целом это просто мираж и такая деятельность - лишь трата времени и энергии, исследование не более чем тень реальности и ценности.

Вследствие этого, идеациональная культура является нетворческой в области науки и технологии, так как она сосредоточивает свою познавательную энергию на изучении Царства Божия и реализации ценностей во время краткого земного путешествия человека к вечности. Слова Св. Августина *«Deum et animam scire cupio. Nihilne plus? Nihil omnino»* («Я хочу познать Бога и душу. Ничего больше? Абсолютно ничего») ярко выражают это свойство идеациональной культуры. По этой причине она является творческой в сфере религии: теология логически становится царицей наук, а наука функционирует лишь как служанка религии. Только идеалистическая, мистическая и сверхчувственная философии процветают в ее границах, в то время как материалистическая, механистическая, эмпирическая, позитивистская и другие чувственные философии в этом типе культуры не пользуются признанием. Она озабочена прежде всего спасением душ и ценностей Царства Божия и рассматривает как грех и искушение привязанность к материальным и чувственным ценностям. Ее истины и ее этические и законодательные

правила считаются откровением Божественных заповедей, универсальным и безусловным в своей истине и обязывающей силе, ее правление осознанно теократическое и ее духовный авторитет верховенствует над секулярными силами. Вдобавок, ее экономика обусловлена ее религиозными и моральными заповедями.

Наконец, для чувственной и идеациональной культур характерны совершенно различные типы изящных искусств, каждая из них творит в соответствии с основным принципом культуры. Два типа искусства отличаются друг от друга как по предмету, так и по стилю.

В соответствии с основными принципами идеациональной культуры, предметом идеационального искусства является сверхчувственное Царство Божие. Его «герои» - Бог, ангелы, святые и душа, а также таинства Творения, Воплощения, Искупления и другие трансцендентальные события. Это насквозь религиозное искусство. Оно уделяет мало внимания личностям, объектам и событиям чувственного мира. Поэтому в живописи мало пейзажа, жанра, спокойной жизни или портретов действующих лиц. Ее объект не должен доставлять наслаждение, удовольствие, развлекать, но приводить верующего к более тесной гармонии с Богом. Ее искусство священо и не допускает никакого сенсуализма, эротики, сатиры, комедии или карикатуры. Ее эмоциональный тон благочестивый, нравоучительный и аскетичный.

Доминирующий стиль идеационального искусства символический, оно лишь видимый, слышимый или чувственный знак невидимого или сверхчувственного мира ценностей. Поскольку Бог и сверхчувственные реальности не имеют каких-либо специфических материальных форм, их нельзя воспринять и изобразить натуралистически; их можно изобразить лишь символически. Изображения голубя, якоря или оливковой ветви в раннехристианских катакомбах были зримыми символами ценностей незримого Божьего мира. Погруженное в трансцендентальный мир вечности, идеациональное искусство статично, иератично, внешне просто и архаично, оно избегает чувственных приправ, помпы, показных проявлений. Будучи искусством общения человеческой души с Богом и с самой собой, оно не нуждается в профессиональных посредниках-художниках и является творением анонимного коллектива верующих, общающихся с Богом и своими собственными душами.

Все мы знаем, что высшие образцы средневековой архитектуры – это великие кафедральные соборы, посвященные Богу. Их внешние формы – крестообразное основание, купол или шпиль, и почти каждая архитектурная и скульптурная деталь символичны. Это поистине Библия в камне. Средневековая скульптура, в свою очередь, полностью религиозна и воспроизводит сюжеты Ветхого и Нового Заветов, «застывшие» в камне, глине, дереве или мраморе. Более того, средневековая живопись является художественным воплощением этих Заветов; она почти полностью символична и потустороння. Средневековая литература берет начало,

главным образом, из Библии. Средневековая музыка состоит из амвросианского, грегорианского пения и других незамысловатых мелодий, с их *Kyrie eleison, Agnus-Dei, Credo*² и полурелигиозными песнями пилигримов. Она облечена в форму одноголосную, неземную, избегающую любых чувственных украшений. Ведь это музыка общения человеческой души с Богом. Религиозные службы и церемонии главные формы средневековой драмы. Это искусство не создавалось для рынка, для целей выгоды, для славы, популярности или чувственного наслаждения. Оно было создано, как сказал Феофил, *«nec humane laudis amore, nec tem temporalis premil cupiditate ... sed in augmentum honoris et gloriae nominis Dei»* (не ради любви человека к похвале, не из алчности к мирской награде, но ради умножения чести и славы имени Господа). Короче говоря, господствовавшее в средние века искусство было поистине великим идеациональным искусством.

В соответствии с основным принципом чувственной культуры, чувственное искусство живет и развивается полностью в пределах эмпирического мира чувств. Эмпирический пейзаж, жанр, объекты, события и приключения, эмпирическая портретная живопись и чувственные ценности являются его предметом. Политические и деловые руководители, фермеры, рабочие, домохозяйки, девушки и другие человеческие существа - это его модели. Цель чувственного искусства – доставить утонченное чувственное наслаждение, отдых, стимуляцию усталым нервам, удовольствие, радость и развлечение. По этой причине оно должно быть сенсационным, страстным, патетическим, сладострастным и непрестанно новым. В похотливости и эротике своей перестойной фазы, оно отделяется от религии, морали, часто даже от науки, философии и других ценностей и называет себя «искусством для искусства». Поскольку оно должно развлекать, оно широко использует карикатуру, сатиру, комедию, фарс, разоблачения, смех и тому подобные средства. На перестойном этапе оно становится эклектичным и предлагает на своих выставках и в бестселлерах грубую банальную стряпню.

Его стиль натуралистический, визуальный, свободный от какого-либо сверхчувственного идеализма. Оно воспроизводит эмпирические феномены так, как они смотрят, звучат, пахнут или как-то иначе являются нашим органам чувств. Оно динамично в самой своей природе, в своей эмоциональности, в своих неистовых страстях, действиях и зрелищах. Оно вынуждено быть непрерывно изменяющимся в последовательности своих стилей и прихотей, иначе оно станет нудным и безрадостным. Это искусство поверхностных шоу, разодетое напоказ. Поскольку оно не символизирует никакие сверхчувственные ценности, оно, подобно шикарной девице, зависит от своей внешности. Чтобы сохранить свое очарование, оно должно обильно использовать «пудру и румяна», помпу и случай, грандиозность, ошеломляющую технику и другие средства

² Kyrie eleison (греч.), Agnus-Dei, Credo(лат.) - начальные слова христианских религиозных песнопений.

внешнего украшения. Это искусство профессиональных художников, угождающих своим патронам и инертной публике, а на перестойном этапе – требованиям рынка и различных коммерческих дельцов в искусстве.

Интегральная культура

Изредка появляется и расцветает на сравнительно короткое время третий основной тип культуры и изящных искусств, промежуточный между чувственным и идеациональным. Его основной принцип гласит, что истинной реальностью-ценностью является Неопределенное Многообразие (*Infinite Manifold*), которое имеет сверхчувственные, рациональные и чувственные формы, неотделимые одна от другой. Этот тип культуры можно назвать интегральным. Все его компоненты и его социальная жизнь выражают этот принцип. Он обращает внимание как на эмпирические, так и на сверхэмпирические аспекты истинной реальности-ценности. Наука, так же как философия и теология, начинают расцветать в нем, и они гармонично сотрудничают друг с другом. Предметы изящных искусств здесь частично сверхчувственные и частично эмпирические, но только в самых благородных и возвышенных аспектах чувственной реальности. Его герои отчасти боги, отчасти в высшей степени героические человеческие существа. Это искусство, намеренно пренебрегающее всем вульгарным, низким и безобразным в эмпирическом мире чувств. Оно облагораживает недостойное, украшает безобразное, омолаживает старое и увековечивает смертное. Его стиль отчасти символический и аллегорический, отчасти реалистический и натуралистический. Его эмоциональный тон спокойный, мирный и невозмутимый. Художник здесь просто *primus inter pares* в обществе, членом которого он является.

Каждый из этих трех типов культуры и изящных искусств был реализован несколько раз: среди племен, не имевших письменности, в Древнем Египте, Вавилоне, Иране, Индии, Китае, Греции и Риме и в западном мире. В жизнеописаниях греко-римской и западной культуры и искусства доминирующей формой греческой культуры и изящных искусств от девятого до шестого века до н.э. была идеациональная; со второй половины шестого до конца четвертого века до н.э. они были преобладающе интегральными; в течение последующих веков греко-римская культура и искусство стали преимущественно чувственными; после третьего века н.э. они дезинтегрировались в эклектичную смесь разных типов, и так было до тех пор, пока эклектизм не был заменен, после шестого века, христианской идеациональной культурой и изящным искусством, которые сохраняли свое господство до конца двенадцатого века. В конце двенадцатого века идеациональное искусство и вся идеациональная культура начали дезинтегрироваться, возникли и стали развиваться новые чувственные культура и искусство. В тринадцатом веке эти два потока встретились и произвели чудесную европейскую

интегральную культуру и искусство тринадцатого и четырнадцатого веков. В конце пятнадцатого века чувственный тип культуры для большинства европейских изящных искусств (кроме музыки, интегральный тип которой сохранял свое хрупкое превосходство почти до девятнадцатого века) стал доминирующим и господствовал до конца девятнадцатого века. В течение столетий его господства чувственная культура беспрецедентно прогрессировала в науке, технологии, экономике и политике, она создала огромную сокровищницу великоленных произведений чувственной музыки, живописи, скульптуры, литературы и драмы. Однако в конце девятнадцатого века эта творческая культура начала проявлять симптомы усталости и дезинтеграции³.

*Вспышка войн, революций и преступлений
как последствие дезинтеграции чувственного строя*

В двадцатом веке великолепный чувственный мир западного человека начал быстро разрушаться и затем гибнуть. Произошла, среди прочего, дезинтеграция моральных, правовых и других ценностей, которые изнутри контролировали поведение индивидов и групп и управляли ими. Когда прекращается контроль глубоко интериоризированных религиозных, этических, эстетических и других ценностей над человеческими существами, то они, и индивиды, и группы, становятся жертвами обмана и грубой силы, которые получают наивысший контроль над их поведением, отношениями и судьбами. В таких обстоятельствах человек превращается в человеческое животное, управляемое, главным образом, своими биологическими побуждениями, страстями и вождением. Вспыхивает индивидуальный и коллективный неограниченный эгоизм; борьба за существование становится интенсивнее; сила становится правом; и войны, кровавые революции, преступность и другие формы межчеловеческих раздоров и жестокости вспыхивают в беспрецедентном масштабе. Так это было во все великие переходные периоды от одного базисного социокультурного строя до другого; и так это происходит в настоящем столетии. Заметная дезинтеграция чувственного порядка возбудила вспышки первой и второй мировых войн, множество войн меньшего масштаба, кровопролитнейших революций, мятежей, преступлений и насилия в их наихудших формах. Эти вспышки сделали наше столетие самым кровавым из всех предшествующих двадцати пяти веков греко-римской и западной истории.

Войны, революции, мятежи и преступления, в свою очередь, ускорили дезинтеграцию чувственного строя. Она продолжается и в настоящее время, являясь одной из трех основных тенденций нашего века. К счастью для всех тех обществ, которые не погибают в период такого

³ См. подробную разработку и документирование этого очерка: Sorokin P. A., *Social and Cultural Dynamics*. 4 vols. (New York. Bedminster Press, 1962).

перехода от одного базисного порядка к другому, процесс дезинтеграции часто вызывает мобилизацию оппозиционных сил. Слабые и незначительные вначале, эти силы медленно растут и затем начинают не только бороться с дезинтеграцией, но также планировать и затем строить новый социокультурный порядок, который может более адекватно разрешить гигантскую задачу критического перехода и постпереходного будущего. Этот процесс возникновения и роста сил, планирующих и строящих новый порядок, уже заявил о себе и сейчас медленно развивается. Это третья главная тенденция нашего времени.

Эпохальная борьба между все более возрастающими бесплодными и деструктивными силами умирающего чувственного строя и созидательными силами возникающего интегрального социокультурного строя характеризует все сферы современной культуры и социальной жизни и глубоко влияет на образ жизни каждого из нас.

Эпохальная борьба в науке

В науке этот двойственный процесс проявил себя: с одной стороны, (а) все нарастающей разрушительностью морально безответственных научных достижений чувственного типа, подобных ядерным средствам войны, изобретенным и продолжительное время совершенствовавшимся учеными чувственного типа; с другой стороны, (б) все возрастающим числом ученых, которые отказываются сотрудничать в этом разрушительном злоупотреблении наукой и научным творчеством, в установлении и росте научных организаций, подобных нашему Обществу за социальную ответственность в науке, и наконец, в преобразовании базисных теорий науки в морально ответственном, интегральном направлении.

Все это уже сделало современную науку менее {материалистической, механистической и детерминированной - или менее чувственной, чем это было в предшествующие два столетия. Для современной науки материя стала лишь конденсированной формой энергии, которая дематериализуется в излучение. Материальный атом уже распался более чем на тридцать нематериальных «загадочных, таинственных, ошеломляющих, непостижимых, колдовских» элементарных частиц: электрон и антиэлектрон, протон и антипротон, фотон, мезон и т.д., или на «образы» волн, которые превращаются в волну вероятности, волны сознания, которые наша мысль проецирует вовне. Эти волны, подобно тем, которые ассоциируются с распространением световых квантов, не нуждаются для распространения в пространстве-времени ни в каком материальном субстрате; они не волнообразны ни в жидкости, ни в твердом теле, ни в газе. В современной квантовой механике и электронике основные понятия «материалистической и механистической науки», такие как материя, объективная реальность, время, пространство, причинность,

уже не применяются, и свидетельство наших чувств во многом теряет свое значение. Детерминированная причинность в субатомном мире уже уступила место принципу неопределенности Гейзенберга, забавным «прыжкам квантов», просто случайной связи, а в психосоциальных феноменах «волютаристским», «добровольным законам подчинения», или имманентной самодетерминации, свободной от причинности и случая. Эта последняя точка зрения подчеркивается такими лидерами в физических науках, как Макс Планк, Альберт Эйнштейн, А. Эддингтон, Е. Шредингер, В. Гейзенберг, Х. Маргенау, П. Дирак и многими другими.

Подобные преобразования имели место в новых, лидирующих теориях биологических, психологических и социальных наук. В противоположность устаревшим, хотя еще и используемым, клише механистической, материалистической и детерминистской биологии, психологии и социологии, восходящие значительные теории в этих дисциплинах ясно показывают, что феномены жизни, организм, личность, разум и социокультурные процессы не редуцируемы и не могут быть поняты как чисто материалистические, механистические и чувственно воспринимаемые реальности. Согласно этим теориям, они имеют, кроме своего эмпирического аспекта, гораздо более важные рациональные и даже сверхчувственные и сверхрациональные аспекты. В этих и других формах самая современная наука стала уже весьма интегральной по сравнению с той, что была в девятнадцатом веке. Что означает все возрастающее замещение отмирающих чувственных элементов науки новыми интегральными.

Интегральная концепция истинной и абсолютной реальности

Это замещение становится ясным, если мы рассмотрим некоторые главные проблемы в физических, биологических и социальных науках. Мы можем начать с проблемы истинной и абсолютной реальности. Как отмечено выше, чувственная наука предшествующих столетий явно и скрыто проявляла склонность редуцировать реальность или к материи, или к тому, что воспринимается нашими органами чувств. Такая наука или отрицала или имела агностическое отношение к любой нечувственной реальности. В настоящее время эта концепция реальности во многом уже отвергнута всеми науками как узкая и неадекватная. Она уже вытеснена несравненно более широкой и более адекватной концепцией абсолютной реальности. Сегодня эта абсолютная реальность есть размышление о бесконечном пространстве X бесчисленных качеств и количеств: духовного и материального, временного и вневременного, постоянно изменяющегося и неизменного, личного и сверхличного, пространственного и внепространственного, единичного и множественного. В этом смысле она постигается как истинная *concordancia*

*oppositorum*⁴ и *mysterium tremndum et fascinosum*⁵. Она является бесконечностью бесконечного. В своей абсолютности она не может быть адекватно описанной или обозначенной словами, идеями, определениями, знаками или символами, которые могли бы указывать, обозначать, описывать и определять конечные, ограниченные, специфические различия или пульсации бесконечного океана абсолютной реальности-ценности. Они могут определить некоторые из пульсаций этого океана, но не сам океан; он содержит в себе все пульсации и в то же время не идентичен ни с любой, ни со всеми ними.

Даже самые общие категории нашего мышления, такие как материя, количество, качество, отношение, время, пространство, субъект-объект, причина-следствие, бытие-становление, пригодны лишь для идентифицирования пульсаций, но не адекватны для определения абсолютной космической реальности-ценности. Высказывание И.С. Эриугены «Бог Сам не знает, что Он есть, потому что Бог не есть что» хорошо выражает эту неадекватность наших терминов и обозначений для определения абсолютной реальности-ценности. Она не идентична ни с чем, ни с кем, ни с он, она, оно, ни с материей, ни с духом, ни с субъектом, ни с объектом, ни с какой-либо иной из ее дифференциаций; и в то же время она включает в себе все известные и неизвестные ее качества. Это объясняет, почему множество мыслителей называли ее «Неизъяснимой», «Невыразимой», «Божественным Ничто», в котором постепенно сливались все предметы и их различия (*omnia exeunt in mysterium*⁶ этой реальности, по словам св. Фомы).

С другой стороны, будучи сами одной из значительных пульсаций абсолютной реальности, мы можем грубо воспринять некоторые из ее важных аспектов. Из ее бесчисленных модусов бытия, три формы представляются существенными: (а) эмпирически-чувственная, (б) рационально-разумная, в (с) сверхрациональная-сверхчувственная. Новая концепция не отрицает чувственную форму реальности, но делает ее только одной из трех ее главных аспектов. Эта новая концепция истинной реальности, будучи несравненно богаче и адекватнее старой, в то же время гораздо ближе к истине и абсолютной реальности практически всех религий, особенно их мистических направлений.

Интегральная теория познания и творчества

В соответствии с этим изменением, научная теория познания истинной реальности также изменилась. Хотя некоторые голоса еще твердят классическую формулу Джона Локка: «*Nihil esse in intellectu quod non fuerit prius in sensu*» (ничего нет в нашем разуме, чего не было прежде в

⁴ *concidencia oppositorum* – тайна ужасающая и завораживающая (лат.)

⁵ *mysterium tremndum et fascinosum* – совпадение противоположностей (лат.).

⁶ *concidencia oppositorum*⁶ и *mysterium tremndum et fascinosum* – все переходит в тайну (лат.).

нашем чувстве) и монотонно повторяют старый рефрен, что чувственное восприятие и наблюдение – это единственные пути научного знания и познания, эта теория познания также устарела и во многом заменена более адекватной теорией, соответствующей новой концепции абсолютной реальности. В соответствии с новой интегральной теорией познания мы имеем не один, а, по крайней мере, три различных канала познания: чувственный, рациональный и сверхчувственный-сверхрациональный. Эмпирический аспект абсолютной реальности воспринимается нами через наши органы чувств и их продолжения: микроскопы, телескопы и т.д. Рациональный аспект реальности постигается нами, главным образом, через наш разум: математическое и логическое мышление во всех его рациональных формах. Наконец, мимолетные впечатления от глубочайших сверхрациональных-сверхчувственных форм реальности даны нам истинной сверхчувственной-сверхрациональной «интуицией» или «божественным вдохновением», или «вспышкой просветления» всех творческих гениев: основателей великих религий, мудрецов, пророков и проповедников, титанов философии и этики, великих ученых, художников, моральных лидеров и других выдающихся творцов во всех областях культуры. Они единодушно свидетельствуют о том факте, что их открытия и их шедевры были созданы благодаря «благодати интуиции» - совершенно отличной от чувственного восприятия или логико-математического рассуждения - и затем развивались и проверялись в сотрудничестве с другими двумя путями познания и творчества, чувственным и рациональным.

Роль сверхсознания в научных достижениях и творчестве

Поскольку сверхсознательный способ познания и творчества еще подвергается сомнению мыслителями чувственного типа, которые непростительно смешивают его с бессознательным или подсознательным, целесообразно кратко обрисовать современный взгляд на эту проблему. О сверхсознании известно очень мало. То, что известно, можно суммировать следующим образом:

(а) Сверхсознание, по-видимому, является первоисточником величайших достижений и открытий во всех областях творческой активности человека: науке, религии, философии, технологии, этике, праве, изящных искусствах, экономике и политике. Без его гения и руководства, просто посредством сознательной и бессознательной деятельности, возможны только заурядные достижения. И никогда величайшие. Профессор английского языка или музыкальной композиции может досконально знать все рациональные правила и технику, необходимые для сочинения литературного или музыкального шедевра; и все-таки, если он лишен сверхсознательного гения, он не сможет никогда

стать даже дальним родственником Шекспиров и Чосеров, Бахов и Бетховенов.

(b) Сверхсознание творит и делает открытия посредством сверхсознательной интуиции. Она отличается от всех форм чувственной интуиции (восприятие, наблюдение) и от логического, математического и силлогического мышления. 1) В противоположность чувствам и разуму, интуитивное вдохновение, или познание, приходит как мгновенная вспышка, отличная от терпеливого чувственного наблюдения или математического, логического анализа. 2) Момент времени и обстоятельства этой вспышки едва ли можно предвидеть, предугадать или сознательно вызвать. 3) Вспышка часто происходит в наименее ожидаемый момент и в наиболее неожиданных условиях. Это справедливо как в отношении наций и других организованных групп, так и в отношении индивидов. Поток их творчества в какой-то одной и во всех областях ослабевает и течет, возрастает и спадает, перемещается от одной группы к другой в непредсказуемой и беспорядочной манере. 4) Интуитивная вспышка выявляет центральную или наиболее существенную природу интуитивного феномена, ноумена или связь с новой творческой ценностью. (5) Сверхсознательная интуиция лежит в основе *к* всего чувственного и логического познания или ценностного опыта. 6) Сверхсознание лишено эгоизма. Оно переступает границы эго полностью и безусловно. Руководимый сверхсознанием индивид становится его безличным инструментом, поднявшись над ограничениями эго. 7) Сверхсознание с его творческой интуицией и другими характеристиками было замечено давно и обозначалось различными терминами. «Самость» (*self* (vs. «эго»)), «атман», «пуруша», «Просветление», «Вечный разум», «Божественная Незыблемость» (*Sublime Stupidity*), «не-знание» (no-knowledge), «божественное безумие» (*divine madness*), «нус» (*nous*), «Божья благодать», «божественное или мистическое откровение», «пневма», «*docta ignorantia*», «внутренний свет» являются для него терминами, используемыми многими мыслителями и школами; «гений», «вдохновение», «творческий порыв», «наивысший разум, который во мгновение ока видит истину всех вещей в противоположность тщетному познанию», «божественное вдохновение» и «сверхразумная мудрость, которая выходит за пределы всех знаний», и еще другие его наименования.

Обрисовав сущность сверхсознания, взглянем на конкретные свидетельства его существования и действия.

Так называемые «*calculation boys*», или «математически одаренные дети», являют собой пример мгновенного действия сверхсознания, совершенно отличного от сознательного математического вычисления. Эти субъекты, зачастую низкого интеллекта и сознательно не способные к элементарному математическому рассуждению или пониманию, могут мгновенно производить сложные математические вычисления, такие как определение логарифма какого-либо числа седьмой или восьмой степени,

или интуитивное нахождение того, «какие множители составили бы любое большое, но не простое число»; так, если дано число 17.861, они могут мгновенно сказать, что оно равно 337×53 . Когда Араго на заседании Французской академии попросил Вито Манджиамеле (которому было десять лет и в других отношениях он был не образован) извлечь кубический корень из 3.796.416, ребенок примерно через полминуты дал ответ «156». Его спросили: «Что удовлетворяет условию, чтобы куб числа плюс его квадрат, взятый пять раз, равнялся этому числу, взятому 42 раза и увеличенному на 40?» Менее чем за минуту Вито ответил, что 5 удовлетворяет условию. И так далее.

Среди тринадцати таких одаренных детей мы имеем двух выдающихся способностей (Ампера и Гаусса) и трех, способности которых оцениваются как хорошие. Остальные имеют низкий или средний интеллект. Некоторые из них не могли понять элементарную математическую теорему или теорему Евклида. Следует также заметить, что талант у большинства из них проявлялся, главным образом, в юности, лишь в течение нескольких лет. Какова бы ни была природа этого дара, одно несомненно: она совершенно отлична от обычного арифметического вычисления и познания. Это операции сверхсознательного типа, непостижимые и иным путем невозможные.

В математических открытиях роль сверхсознательной интуиции огромна и необходима. А. Пуанкаре, Дж. Биркгоф, Араго, и целая интуитивистская школа математиков утверждают, что «интуиция и вера» служат «основаниями для рациональной сверхструктуры, воздвигнутой средствами дедуктивного и индуктивного мышления», что они обладают «эвристической ценностью», «чрезвычайно важны» и «превосходят разум».

Жак Адамар, сам хорошо известный математик, недавно провел специальное исследование психологии математических открытий. Наряду с другими источниками, он использовал ответы на свой вопросник ныне живущих выдающихся математиков.

Все эти математики утверждают, что их открытия были «внезапными и спонтанными», «без времени на обдумывание, тем не менее быстрыми». Они сообщают случаи, похожие на опыт Гаусса. Гаусс в течение многих лет бесплодно бился над математической задачей. Наконец, он сообщает:

«Я преуспел не за счет своих мучительных усилий, но Божьей милостью. Подобно внезапной вспышке света, загадка оказалась разрешенной. Я, сам, не могу сказать, что было ведущей нитью, которая связала то, что прежде я знал, с тем, что сделало мой успех возможным».

То, что было сказано о роли интуиции сверхсознания в математике, еще с большим основанием может быть отнесено и к другим естественным

наукам. Интуиция сверхсознания дает начало наиболее важным открытиям в этих науках.

Открытие Исааком Ньютоном математического метода бесконечно малых, закона гравитации и структуры света являются классическими примерами великих открытий такого рода.

То же самое верно относительно открытий Галилео, Галлера, Блэка, Гаусса, Ампера, Либиха, Хемфри, Фарадея, Е.Г. Моора, Макса Планка, Дэви, Бертло, Бертрана Рассела и других. В биологии роли интуиции придавал большое значение К. Бернар. 83% из 232 ученых естественных наук, опрошенных Американским химическим обществом, допускали вероятность непредсказуемой вспышки проницательности, которая решила бы их научные проблемы адекватно и окончательно.

Неудивительно поэтому, что многие великие ученые - такие как Паскаль, Кеплер, Ньютон, Галилео и другие - были не только интуитивистами, но и мистиками, в узком смысле этого слова.

Философия также признает интуицию. Начиная с Упанишад в Индии и даосизма в Китае, включая все мистические философии Востока и Запада; Платона, Аристотеля, неоплатоников (Плотин, Порфирий, Прокл), неопифагорейцев и гностиков; Св. Августина и Отцов Церкви; Псевдо-Дионисия, И.С. Эриугену, Николая Кузанского, большинство великих схоластов позднего средневековья (включая Св. Фому Аквинского, особенно в последний период его жизни); вплоть до более современных философов - даже таких явных рационалистов, как Декарт и Спиноза, таких скептически-критических философов, как Юм и Кант, не считая Шопенгауэра, Фихте, Шеллинга, Ницше, и таких объективных идеалистов, как Гегель, и вплоть до В. Соловьева, Л. Толстого, А. Бергсона, Н. Лосского, У. Джемса (в его последний период), Уайтхеда, Гуссерля и других «феноменологов»; Н.Бердяева, С. Кьеркегора, Ж. Маритена и неотомистов; М. Шелера, К. Ясперса, М. Хайдеггера и некоторых других экзистенциалистов - названные и многие другие философы, практически в подавляющем большинстве, признают некий род интуитивных аксиом, «форм разума» или интуитивных истин как основы всех математических, логических и чувственно-наблюдаемых истин во всех областях человеческого познания и творчества.

Интуиция сверхсознания играет, возможно, еще более важную роль в инициации технологических изобретений, чем в научных открытиях. Детальное изучение того, каким образом изобретателям случается постичь свои открытия, безошибочно показывает роль интуиции; в большинстве этих случаев первая идея открытия пришла как вспышка, неожиданная, часто в особых условиях и прочих обстоятельствах интуитивной проницательности.

«Истинно гениальный человек - тот, кто действует импульсивно... И гениальность есть благодать». Так Ж. де Местр сжато подытоживает

ситуацию в своем блестящем критическом очерке о *Novum Organum*⁷ Бэкона.

Еще более важна роль интуиции сверхсознания в открытиях и творческой деятельности в языкознании, изящных искусствах, гуманитарных и социальных науках.

Язык является необходимым условием человеческого мышления и творчества во многих областях. Его изобретение и создание - одно из величайших чудес человечества. Поскольку он является условием рационального мышления, он не мог быть изобретен сознательно и рационально. Создание всех естественных языков было в значительной степени сверхсознательным.

Ведущие философии, основные этические системы, главные кодексы законов и основные гуманистические и социальные научные теории в их самой возвышенной форме были сформулированы давно, когда не существовало ни лабораторий, ни статистики, ни рациональных методов, ни огромной массы эмпирических фактов.

Только благодаря сверхсознанию Платон мог создать свою великую философскую систему, к которой, уверяет А. Уайтхед, последующая история философии была лишь примечанием. То же самое можно сказать о месте сверхсознания в других великих философских системах прошлого, так же как и в великих теориях социальных наук, в этических и (до некоторой степени) юридических кодексах. Самые возвышенные этические системы великих религий были сформулированы давно. Все интеллектуальные этические теории не создали ничего равного нормам Нагорной Проповеди или подобного наставлениям даосизма, конфуцианства, Упанишад, Бхагавад-Гиты, йоги, буддизма, джайнизма, иудаизма или ислама. Все последующие этические теории и кодексы - всего лишь примечания к этим великим этическим системам.

Ницше прекрасно описывает эту роль интуиции, или «вдохновения». В состоянии творческого вдохновения:

«...некто становится только медиумом для сверхмощных влияний. То, что происходит, можно назвать лишь откровением; нужно сказать, что внезапно с невыразимой уверенностью и деликатностью нечто становится видимым и слышимым и потрясает и раскалывает до глубины существа. Внимаешь, не ищешь; принимаешь, не спрашиваешь, кто есть тот, кто дает; подобно свету впыхивает мысль, неизбежная, совершенная по форме. ... Это экстаз... состояние бытия совершенно за пределами самого себя... Все происходит в высшей степени произвольно, как в вихре чувства, свободы, энергии, божества».

⁷ «Novum Organum» – сочинение Ф.Бэкона «новый органон, или Истинные указания для истолкования природы» (лат.).

Многие великие поэты описывали подобным образом главное превращение, которое они испытали, «вдохновенные» или одержимые сверхсознанием.

И то же утверждают великие творцы музыки. «Вы спрашиваете, каков мой метод в написании и разработке моих крупных и громоздких произведений? - пишет Моцарт. - Действительно, я не могу больше ничего сказать об этом, кроме того, что я не знаю самого себя и могу никогда не узнать. Когда я нахожусь в особенно хорошем состоянии... тогда мысли спешат ко мне, и самые лучшие. Когда и как, я не знаю и не могу узнать».

Бетховен утверждает: «Вы спросите меня, откуда я беру свои идеи. Я не в состоянии ответить на этот вопрос положительно... То, что мы посредством искусства завоевываем для самих себя, это от Бога, божественное вдохновение... Каждое подлинное создание искусства независимо, в нем больше мощи, чем в самом художнике, и оно возвращается к Божеству посредством своей манифестации. Общее с человеком у него только в том, что именно оно свидетельствует о Божественном посредничестве».

Бетховен ясно подчеркивает неэффективность для творчества рационального склада мышления. «Короли и принцы, возможно, способны создавать профессоров и личных советников... но они не могут создавать великих людей...» «Новое и оригинальное рождается само, без чьего-либо размышления об этом».

Еще более подробно описывает этот процесс Чайковский:

«Обычно семя будущего музыкального произведения прорастает мгновенно и в высшей степени неожиданно. Если в удачный момент, главная трудность миновала. Остальное вырастает само... (Новая идея дает Чайковскому безграничную радость...) Забываешь все, становишься безумен... Иногда вдохновение исчезает, снова ищешь его - зачастую тщетно. В такой ситуации следует опираться на совершенно холодный, неторопливый технический процесс работы. И это неизбежно. Возможно, именно в такие моменты в произведениях великих мастеров появляются те места, где нарушена органическая связь, где можно обнаружить связь искусственную, грубые швы и обрывки мысли. Если бы это одухотворенное состояние художника, называемое вдохновением... продолжалось непрерывно, художник не смог бы прожить и одного дня... Струны порвались бы и инструмент разлетелся на куски. Одна вещь, однако, не допускает исключений; главная идея произведения, вместе с общим контуром отдельных частей, должна быть найдена не посредством поиска, но должна просто явиться как результат той сверхъестественной, непостижимой, не поддающейся анализу энергии, называемой вдохновением».

Подобные заявления делаются большинством писателей и поэтов. Шеллинг резюмировал их так:

«Как человек фатальной предопределенности судьбы исполняет не то, что он хочет или намеревается, но то, что он обязан выполнить под влиянием непостижимого рока, точно так же, по-видимому, художник ... находится под влиянием силы, которая ... заставляет его заявить о произведениях, которые он сам полностью еще себе не представляет и суть которых бесконечна».

Наконец, роль сверхсознания имеет чрезвычайное, решающее значение в сфере религиозного творчества и морали. Лао-цзы, Зороастр, Будда, Моисей и еврейские пророки, Махавира, Христос, Магомет - все великие учителя в сфере морали вплоть до более современных харизматических религиозных лидеров - открыто признают эту роль.

«Я и Отец одно» (Иисус, Иоанн 10:30)

«Ты (Бог) есть создатель этого» (Джайминийя Упанишад)

«И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Ап. Павел: Гал. 2:20)

«Деяния человека, которого ведет Дух Святой, больше деяния Духа Святого, чем его собственные» (Св. Фома Аквинский)

«Если какой-либо человек должен прийти к Богу, он должен быть порожним от всех трудов и позволить Богу трудиться одному» (Джон Таулер, *Подражание Христу*, с. 16, 17)

«Не я, а Господь трудится через меня» (Св. Тереза)

«Это Ты, кто хотел моего прихода и кто взял существо мое, чтобы служить Тебе знамением для людей» (Аллах).

Та же идея подчеркивалась мистиками в утверждении о том, что это должно умереть прежде, чем сможешь достигнуть единения с Богом.

Мы видим здесь то же превращение человека инструмент сверхсознания, которое мы наблюдали во всех сферах творчества. В религиозной и этической сферах эта «одержимость сверхсознанием» особенно заметна.

Я обрисовал наиболее существенное из того, что мы знаем о сверхсознании и его специфических функциях в истинно великом творчестве и глубоком познании. Его главная роль, по-видимому, - роль инициатора и верховного руководителя во всех значительных открытиях, изобретениях и шедеврах. Благодаря этой способности оно взаимодействует с чувственным и рациональным путями познания и творчества, чьи главные функции, по - видимому, состоят в развитии и проверке озаряющей идеи или образца, дарованного интуицией сверхсознания. Это означает, что каждое великое достижение или открытие всегда является результатом объединенных усилий всех трех - сверхсознательного, рационального и чувственного - путей познания и творчества. Что предостерегает против принятия всех видов ложных «интуиций» в качестве сверхсознательных. В самом деле, благодать этой

интуиции в ее полной и чистой форме посещает лишь редко очень немногих «избранных и призванных».

Истина творческого шедевра, постигаемая путем интегрального использования всех этих каналов познания, полнее и величественнее, чем истина, достигнутая путем либо только чувственного восприятия, либо логико-математического рассуждения, либо интуиции. История человеческого познания - это кладбище, заполненное искаженными эмпирическими наблюдениями, ложными рассуждениями и псевдоинтуицией. При интегральном использовании этих трех методов они дополняют и проверяют друг друга. Интегральное познание означает также, что мы узнаем об абсолютной реальности не только от ученых-эмпириков и философов-логиков, но и от великих религиозных и моральных лидеров, подобных Будде, Иисусу, Конфуцию, Лао-цзы, и от творцов в изящных искусствах, подобных Бетховену и Моцарту, Гомеру и Шекспиру, Фидию и Микеланджело. Они призывают к нам, по выражению Рихарда Вагнера, *uniyersalia ante rem*⁸. Итак, об интегральной концепции абсолютной реальности, познания и творчества сказано достаточно.

Интегральная теория человеческой личности

Подобная борьба продолжается между старой, чувственной и новой, интегральной теорией человеческой личности и человеческого разума. Чувственные теории рассматривали человека, главным образом, как животный организм вида *Homo sapiens* и были склонны интерпретировать его природу и поведение, прежде всего, в механистических, рефлексологических и других «физикалистских» терминах. Некоторые из этих чувственных теорий отрицали реальность человеческого разума. Другие видели в нем только две формы ментальной энергии: бессознательную и сознательную. Современная декадентская форма чувственных теорий, представленная «заметками» Фрейда, в значительной степени редуцировала разум или человеческий дух до бессознательного сексуального либидо, или соединила его с садистическим Эдиповым, Танатос и другими комплексами, с эпифеноменальным «эго» и «супер-эго», представляющими собой модификацию того же бессознательного под давлением семейной и общественной «цензуры». Этот род чувственной теории личности представляет собой лишь декадентскую и грубую разновидность предшествующих ей грубо чувственных концепций человека. В фрейдистской и подобных ей современных догадках порча и деградация человеческой природы упали до ее самого низкого уровня.

К счастью, возросшее знание о человеческой личности привело, в сущности, к отходу от декадентских чувственных теорий как научно-фантазмагорических, эстетически безобразных и этически деморализующих, к возникновению и росту новых, более научных и

⁸ *uniyersalia ante rem* – всеобщее прежде индивидуального (лат.)

адекватных концепций в этой области. В этих новых теориях человек постигается как чудесное интегральное существо. Он является не только животным организмом, но также и рационально мыслящим и деятельным: к тому же, он подтверждает свое сверхчувственное и сверхрациональное бытие как активный и важный участник высших творческих сил космоса. Он – не только бессознательное и сознательное творение, но, главным образом, сверхчувственный мастер творец (**master-creator**), способный контролировать и переступать пределы своих бессознательных и сознательных энергий в моменты «божественного вдохновения», в периоды наивысшего и наиболее интенсивного творчества. Как отмечалось раньше, величайшие открытия и творческие достижения человека имели место, в значительной степени, благодаря человеку - сверхсознательному мастеру-оператору (**master-operator**), которому оказывал помощь человек-рациональный мыслитель и человек-эмпирический наблюдатель и экспериментатор. Если бы человек был организмом, мотивируемым и управляемым только либидо или другими формами бессознательного, он имел бы так же мало шансов стать высочайшим творческим фактором во вселенной, как и другие биологические виды, управляемые лишь рефлексивно-инстинктивным бессознательным и рудиментами сознательного разума. Определенно, наделение *Homo sapiens* развитым рациональным умом и сверхсознательным гением ответственно за его истинно поразительное и все возрастающее творчество. Как мы видим, эта новая интегральная теория человеческой личности вновь оказывается довольно близкой религиозной идее человека как сына Божия, созданного по образу Высшего Творца (Supreme Creator). Она более четко формулирует триадические концепции человека, преобладающие в великих религиях. Эти концепции рассматривали человека как создание, имеющее три формы бытия: (а) бессознательную (рефлексивно-инстинктивный механизм тела), (b) сознательную (рациональный ум), и (с) сверхсознательный творец («Нус», «Пневма», «Дух», «Душа», «Божественное Я»). В рациональном и сверхсознательном свойствах человека лежит ответ на древний вопрос: «Что есть человек, что ты заботишься о нем?»

*Борьба за существование vs.
творческой неэгоистической любви*

В качестве следующего примера борьбы между обветшалыми чувственными и возникающими новыми интегральными теориями и практиками, мы можем взять проблему биологической эволюции видов, человеческого поведения и ментального, морального и социального прогресса человечества. Чувственные - биологические, психологические и социологические - теории девятнадцатого и двадцатого веков рассматривали эгоистическую борьбу за существование как главный

фактор эволюции видов и человеческого прогресса. Фрейдистская и другие современные вариации этих теорий считали половой, ненавистнический, разрушительный (садистский и мазохистский) инстинкты главными факторами человеческого поведения. Экономика и другие социальные дисциплины базировались на постулате эгоистического человека, всецело мотивированного своими эгоистическими интересами и неотступно преследующего эти цели в любых формах смертельного соперничества и более умеренного соревнования.

Эти мнения чувственного характера все еще повторяются вновь и вновь в такого рода высказываниях: «Это соперничество и соревнование сделали Америку великой»; «Борьба за существование - это высший закон жизни», «Для защиты наших национальных интересов все средства ведения войны, включая ядерные, совершенно справедливы и верны» и т.д.

Эти чувственные мнения беззастенчиво проводились в жизнь и в результате вылились в геноцидные войны и революции этого века, с массовыми убийствами миллионов не только сражающихся, но и несражающихся, включая женщин, детей и стариков; в массовое разрушение городов и густонаселенных регионов; в безумную гонку вооружений и приготовления к следующим ядерным и бактериологическим войнам, неограниченным никакими законами - ни божественными, ни человеческими. В этих и подобных средствах приверженцы таких чувственных теорий, особенно правительства могущественных наций, открыто объявили себя свободными от всех ограничений международного права и от всех моральных заповедей великих религий и этических систем. Короче, в течение последних нескольких десятилетий чувственные теории и практики совершенно выродились и привели человечество к крайней степени идеологической и практической деморализации, которая публично одобрялась правительствами и поддерживалась многими западными странами и советским блоком наций.

К счастью для всех нас, в течение последних десятилетий дезинтеграции чувственных идеологий и практик в этой области возникли и медленно развивались новые - и совершенно различные - теории и практики. Новые теории убедительно показали, что фактор взаимной помощи, сотрудничества и неэгоистической любви, по крайней мере, столь же важный элемент биологической эволюции, как борьба за существование; что взаимная помощь и дружеское сотрудничество играют несравненно большую роль в прогрессе человечества, чем враждебное соперничество и насильственное принуждение.

Эти новые теории показали далее, что в своем здоровом и созидательном поведении человек настолько же детерминирован симпатией, доброй волей и неэгоистической любовью, насколько и эгоистическими мотивами, ненавистью и садистскими импульсами, и что энергия этой любви незаменима для воспроизводства, преемственности и

роста живых форм, для выживания и размножения видов, и особенно для выживания и физического здоровья потомства, для выращивания ментально и морально здоровых граждан. Последние исследования показали также, что альтруистические личности живут дольше, чем эгоистические; что любовь является мощным противоядием против криминальных, нездоровых и суицидальных тенденций, ненависти, страха и психоневрозов; что она выполняет важные познавательные и эстетические функции; что это самая возвышенная, самая эффективная воспитательная сила для просвещения и морального облагораживания человечества, что она является сердцем истинной свободы; что она может остановить межиндивидуальные и межгрупповые конфликты и может обратить враждебные отношения в дружеские. Наконец, эти исследования показали, что минимум неэгоистической любви абсолютно необходим для продолжения существования любого общества и что в настоящий катастрофический момент человеческой истории возрастающая альтруизация индивидов и групп и распространение неэгоистической любви среди всех являются для всех необходимым условием предотвращения новых войн и избавления человечества от его тяжелейших болезней: кровавых конфликтов, преступлений, нездорового образа жизни, нищеты и ненависти⁹.

Если бы я не был ограничен размерами статьи, я бы также показал, что на протяжении последних нескольких десятилетий подобная радикальная ревизия имела место во многих других основных теориях психосоциальных наук: в проблемах методов социальных исследований, причинных связей, социокультурной структуры и динамики, в общем характере объяснения и интерпретации политики и экономики, этики и права, изящных искусств и других культурных ценностей. Достаточно сказать, что во всех этих областях борьба между декадентскими разновидностями чувственных и вновь возникающих интегральных теорий неумолимо продолжается.

Борьба в философии

Эта борьба продолжается также в других сферах современной культуры и социальной жизни. В области философии двойственность этого процесса проявляется, с одной стороны, в значительном распространении материалистических, механистических и других чувственных философий, поощряемых коммунистическими и марксистскими правительствами. С другой стороны, в совершенной неудаче всех официально поддерживаемых усилий создать современную рафинированную (*refined*) и научную систему материалистической и близких к ней философий. Несмотря на всю финансовую и другую помощь коммунистических и марксистских правительств современным лидерам материалистических и

⁹ Сравните детали и доказательства: P. Sorokin, *The Ways and Power of Love*. (Boston: Beacon Press. 1954).

подобных ей философий, никакой значительной вариации этих философий не было создано; не возник ни новый Демокрит, ни Левкипп, ни Маркс диалектической или других форм материализма. Вместо этого легион популяризаторов-лилипутов повторял примитивные и вульгарные вариации великих материалистических философий прошлого. Если некоторые из современных материалистически мыслящих философов и предложили более рафинированные интерпретации различных космических, биологических и социокультурных феноменов, то они сделали это ценой существенного отклонения от ортодоксальных принципов механистического, гилозоистского и диалектического материализма в пользу либо гегельянской диалектики, либо философии монизма. Этот упадок в творчестве материалистической мысли, несмотря на ее поддержку коммунистическими и марксистскими правителями, является убедительным свидетельством упадка чувственной культуры в области философии.

В более умеренной форме подобное же бесплодие поразило другие чувственные философии последнего времени, такие как эмпирицизм, позитивизм, утилитаризм, натурализм, физикализм и реализм. Современные вариации этих философских систем превратились в анемичных, примитивных и бедных родственников полнокровных и величественных систем прошлого. Хотя количественно все эти системы, по-видимому, еще доминируют в сфере современной философии, их господство быстро сходит на нет из-за недостатка творческого гения в этих течениях философской мысли.

В противоположность этому бесплодию, гораздо больше творчества проявляется во вновь возникающих системах философии, таких как феноменологическая, экзистенциальная, интуитивистская, неомистическая, неотомистская, неоведантская, неодаоистская, неореалистическая, неогегельянская и другие. Все они отличаются от материалистических философий и более близки по духу интегральным теориям абсолютной реальности, познания, человеческой личности и т.д. Если эти философии не могут считаться вполне развитой системой интегральной философии, то они ей предшествуют и способствуют ее развитию. С течением времени эти предшественники произведут полнокровную, великую систему интегральной философии во всех ее значительных вариациях.

Борьба в религии

В сфере религии две тенденции проявили себя в одновременном росте: 1(а) воинствующего атеизма и религиозных преследований, поощряемых коммунистическими правительствами и некоторыми другими группами, и (b) в сдержанном религиозном возрождении; 2(а) в возрастающем злоупотреблении и лицемерно искаженном использовании

христианства и других великих религий законодательно закрепившими свои имущественные права чувственными правящими группами и невежественными фанатиками, (b) в духовном очищении и моральном облагораживании традиционных религий теми верующими, которые не извращают свои великие миссии и следуют на практике тому, что проповедуют, особенно моральные заповеди своих вероисповеданий; и 3(a) в возникновении ненавистнических, невежественных и одиозных псевдорелигиозных сект, (b) в новых, глубоко духовных, проникновенных и истинно альтруистических движениях.

Борьба в этической сфере

В этической жизни человечества продолжающийся упадок чувственного строя проявил себя во многих формах. Во-первых, в прогрессирующей релятивизации и атомизации всех этических ценностей и правовых норм. Чувственная утилитарная и гедонистическая этика объявила все эти ценности, заповеди и нормы просто человеческими конвенциями, которые могут изменяться и даже отвергаться каждым, если они будут сочтены неудобными, бесполезными и мучительными для индивида или группы. Во-вторых, упадок проявил себя в крайней деградации этих ценностей и норм до уровня просто «рационализации», «дериваций» и «великолепного спектакля», маскирующих эгоистические интересы индивидов и коллективов, изобретенных умным меньшинством для эксплуатации глупого большинства. В чувственном обществе этого столетия этические ценности и правовые нормы стали лишь пудрой и румянами, маскирующими непривлекательное лицо «экономических интересов» в теории Маркса, «осадков» Парето, «либидо» и «комплексов» в теории Фрейда, «мотивов» и «доминантных рефлексов» в теориях психологов и социологов. В-третьих, в результате этой чрезвычайной атомизации и деградации этические ценности и правовые нормы потеряли свой моральный престиж и обязывающую силу как эффективные регуляторы человеческого поведения. Их «Ты должен» и «Ты не должен» постепенно теряли законную силу и сводились на нет и, подобно евангельской соли, которая потеряла свой особый вкус, они стали «не годны ни на что, кроме того, чтобы быть изгнанными и попранными ногой человека». В-четвертых, потеряв свой «особый вкус» и действенность, они открыли путь грубой силе как единственному контролирующему фактору в человеческих отношениях. Если ни религиозные, ни этические, ни юридические ценности не контролируют наше поведение, что тогда остается? Ничего, кроме голый силы и обмана. Отсюда современный моральный цинизм, нигилизм и принцип «сила есть право». В-пятых, это состояние крайней моральной анархии, естественно, породило чрезвычайные вспышки войн, революций и беспощадных конфликтов, которые сделали наше столетие самым кровавым за 25 прошедших веков

греко-римской и западной истории. Деградация и атомизация моральных ценностей вызвали также крайнее зверство и негуманность, продемонстрировавшие себя в этих войнах и конфликтах, и увеличили преступность и другие феномены чрезвычайной деморализации. Наконец, эта анархия привела человечество на грань апокалиптического саморазрушения в новых мировых войнах, которые представляют собой угрозу для выживания всего человечества.

Таковы основные проявления нарастающего распада чувственного морального строя.

К счастью для человека, параллельно с этой разрушительной тенденцией усиливается в противодействии ей, прежде всего, тенденция воссоздания и нового подтверждения вечных, универсальных и безусловно обязывающих моральных ценностей и норм. Эти ценности и нормы так же хорошо сформулированы в Нагорной проповеди, как и в основных моральных наставлениях всех великих религий, этических систем и всеми великими апостолами неэгоистической созидательной любви. За последние несколько десятилетий заметно возросшее знание моральных и правовых явлений ясно показало поверхностность, неадекватность, ошибки и губительные результаты крайне релятивистских, атомистических, утилитарных и гедонистических чувственных концепций этих феноменов и ценностей. Между прочим, это возросшее знание четко установило тот факт, что наряду с изменяющимися местными нравами, народными обычаями и правовыми нормами, существуют основные нравственные ценности и нормы поведения, которые универсальны, вечны и обязательны для всех обществ и индивидов, желающих здоровой и хорошей жизни. Действительно, было обнаружено, что эти вечные ценности и нормы действуют во всех таких обществах прошлого и настоящего. С другой стороны, было выявлено, что в них ощущается потребность, но они не действуют практически во всех тех группах, которые находятся в состоянии крайней деморализации, дезинтеграции и упадка.

Помимо этой важной тенденции подтверждения жизнестойкости вечных и универсальных моральных ценностей и заповедей, возникающий интегральный строй в области этики и права проявил себя в росте морального героизма, возвышенного альтруизма и облагороженного морального поведения в возросшем числе индивидов и групп; в форме многих организованных движений за уничтожение войны, кровавой борьбы, нищеты, болезней, бедности, эксплуатации и несправедливости; в форме социальных движений, содействующих витальному, ментальному и моральному совершенствованию человека и его среды. Хотя реклама чувственного порядка и общественное мнение уделяют мало внимания этим благородным движениям и действиям; хотя чувственные циники зачастую даже высмеивают их, давая такие прозвища их действиям морального героизма, жертвы и неэгоистической любви, как

«непрактичные и нереалистичные», «глупая сентиментальность» или «утопические мечтания», тем не менее, эти движения и действия устойчиво росли за последние десятилетия. Вместе с воссозданием вечных и универсальных моральных принципов, эти действия и движения являются первыми предвестниками наступающей весны интегрального морального строя в созданном человеком космосе.

Борьба в политике, экономике и социальной жизни

Двойственный процесс упадка чувственных и возникновения интегральных институтов и культурных ценностей продолжается также в политической, экономической и социальной жизни. Упадок чувственного политического и социального строя происходит двумя путями: (а) путем вырождения его свободных, договорных институтов, ценностей и идеологий в принудительных и мошеннических монстров, рожденных от договорных родителей; и (б) путем растущего обесценивания и устаревания этих родительских институтов, ценностей и идеологий.

Для того чтобы в полной мере осознать значение этих утверждений, нужно иметь в виду, что все различные формы человеческих отношений легко распадаются на три основных класса: (а) взаимоотношения по типу семейных (*familistic*), пропитанные взаимной любовью, преданностью и самопожертвованием; (б) свободные договорные (*contractual*) соглашения сторон для взаимной пользы, лишённые любви, ненависти, насилия, но выгодные для всех договаривающихся сторон; и (с) принудительные (*compulsory*) отношения, которые одна сторона навязывает другой против ее желаний и интересов. Из этих трех типов взаимоотношений отношения по типу семейных являются наидостойнейшими, принудительные наихудшими, в то время как договорные занимают промежуточное положение¹⁰.

Пропорция каждого из этих типов взаимоотношений в совокупной системе социальных связей каждого общества варьируется от группы к группе и от периода к периоду. Например, структура социальных связей в европейском средневековом обществе с восьмого до двенадцатого века включала, главным образом, отношения по типу семейных и принудительные отношения, и лишь в небольшой степени договорные. С шестнадцатого до середины восемнадцатого века доля принудительных отношений несколько возросла. В девятнадцатом веке форма человеческих взаимоотношений в западных обществах стала преимущественно договорной¹¹. Этот период был золотым веком западного контрактализма (*contractualism*). В этот период западное общество приняло удобную чувственную систему взглядов, основанную на выгодном, договорном или свободном соглашении для взаимной пользы его членов.

¹⁰ См. разработанный анализ этих отношений: P. Sorokin, *Society, Culture and Personality*, quoted, ch. 5.

¹¹ См. подробно об этих изменениях: P. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, IV, chs. 1-4.

Доминирующая капиталистическая система экономики западного общества была контрактной системой экономических отношений между сторонами, между работниками и работодателями. Эта контрактная (капиталистическая) экономика совершенно отличалась от насильственной системы рабства и крепостного права, так же как и от системы отношений между членами хорошей семьи, объединенной взаимной любовью, преданностью и самопожертвованием в единое «мы». В капиталистической экономике каждый индивид - почти свободный деятель, свободно выбирающий себе занятие, свободно принимающий (или отвергающий) договорное соглашение со своим работодателем или работниками.

В политической сфере подъем договорных отношений в девятнадцатом веке имел следствием уничтожение автократических, насильственных правительств и их замену демократическими политическими режимами, правительством, избранным на основе договора и ограниченным этим договором в своей власти, и обязанным уважать неотъемлемые права гражданина - его жизнь, собственность и стремление к счастью, его свободы слова, печати, религии, ассоциации, выбора профессии и т.д. Процесс выборности стал главным принципом в наборе аппарата управляющих и государственных служащих в штатах, муниципалитетах и ассоциациях. Договорное правление народа, для народа и с помощью народа в значительной степени заменило автократическое правление милостью Божией или насилием и волей самих правителей.

Помимо экономических и политических институтов, практически все другие значительные организации стали договорными. Свобода религии трансформировала прежде во многом насильственные религиозные общности и организации в свободные договорные организмы: каждый был волен вступать или не вступать в члены какой-либо религиозной организации. Подобная трансформация произошла и внутри семьи. Брак был объявлен чисто гражданским договором между свободными сторонами, в противоположность принудительному браку, в котором стороны были выбраны, зачастую против их желаний, родителями или другими уполномоченными лицами. Договорной при его учреждении, брак сделался также договорным в период своего действия и при расторжении, в противоположность средневековому браку, который был нерасторжим в принципе. Договорные свободы и неотъемлемые права каждого индивида чрезвычайно расширили и практически пропитали все организации, вплоть до контрактной армии свободных волонтеров в некоторых западных странах.

К несчастью, по некоторым важным причинам, которые не будут здесь обсуждаться, в начале двадцатого века весь чувственный социокультурный строй начал дезинтегрироваться, и с его упадком договорная ткань западного общества начала вырождаться также во все

менее свободную, замаскированно принудительную практику организации политических, экономических и социальных институтов Запада. С 1914 г. во многих евро-американских странах договорные формы правления и капиталистической экономики перестали существовать, в то же время во многих других они все более разрушались, навязывая с помощью принуждения или обмана видимость договорных правлений и экономических систем. Их место было занято различными тоталитарными формами правления и экономики: коммунистической, фашистской, нацистской, военной, олигархической и другими разновидностями царизма, милитаризма и диктаторства.

В договорном обществе девятнадцатого века правительства были выборными и контролировали лишь небольшую сферу социальных отношений и поведения граждан. Начиная с экономических отношений производства, распределения и потребления и кончая выбором занятий, развлечений, места жительства, брака, религии, образования, политического объединения, идеологических предпочтений и так далее, все эти проблемы свободно решались гражданами и частными группами.

В противоположность этому свободному обществу, в полностью или частично тоталитарных странах в настоящее время правительства не являются ни избранными, ни договорными, а самоназначенными. Если некоторые из них еще принуждают своих граждан участвовать в так называемых выборах, то эти «выборы» - лишь мошенническая пародия на реальные свободные выборы. И не индивиды, не частные группы, но правительство в настоящее время решает, контролирует и регулирует почти полностью поведение, менталитет и отношения граждан в автократических странах коммунистического блока, плюс таких странах как Турция, Саудовская Аравия, Формоза, Иран, Пакистан, Южная Корея, Таиланд и другие. В так называемых «демократических и свободных» странах, а также в Испании, Португалии, некоторых странах Среднего Востока и в Латинской Америке правительственная регламентация более ограниченная, но она также вышла далеко за пределы ограничений девятнадцатого века и продолжает расширяться. Маскирующий свою принудительную суть, работающий как машина, олигархический режим занял место договорного режима девятнадцатого века. Принудительный режим, во многом состоящий из назначающих самих себя диктаторов и олигархической клики, заменил правление народа, посредством народа и для народа. «Свободное предпринимательство» капиталистической экономики было полностью или во многом вытеснено правлением, ментально организованным и спланированным коммунистическим, фашистским, социалистическим «государством всеобщего благоденствия» и милитаризованными экономиками¹².

Подобное вырождение затронуло также многие «демократические» ценности, процедуры и организации. Свободное универсальное

¹² Сравните: P. Sorokin, *Crisis of Our Age* (New York: E.P. Dutton & Co., 1957), Ch. V.

избирательное право в выборах правительств и в решении жизненно важных национальных проблем или полностью уничтожено, или во многом ограничено, или заменено обманчивой видимостью. Его место занимали революционеры, милитаристы и различные хунты или путем насильственного захвата власти, или посредством экономического давления, демагогических махинаций и монополистической пропаганды через контролируемую плутократами прессу, радио, телевидение и другие средства коммуникации.

В других организациях, таких как семья, вырождение приняло форму ослабления ее единства, стабильности и святости. Тенденции непрерывного роста числа разводов, оставления семьи, распространения добрых и внебрачных сексуальных отношений, бездетных браков, неверия и неверности, ослабления взаимной любви, преданности и ответственности мужа и жены, родителей и детей являются, несомненно, проявлениями этого вырождения.

Свободные договорные профсоюзы постепенно превратились или в принудительные правительственные объединения, или в полупринудительные политические механизмы и «банды профсоюзных вымогателей», манипулирующие коррумпированными политиками и шантажистами, навязывающие свою власть огромным массам трудящихся обманом, угрозой и насилием.

Наконец, вырождение контрактуализма затронуло и межнациональные отношения. Триумф контрактуализма в девятнадцатом веке привел к договорным соглашениям между правительствами, к развитию международного права, к международным арбитражным судам, подобным Гаагскому трибуналу. Эти институты эффективно помогали предотвратить вспышки войн и сделали период с 1814 до 1914 г. одним из самых мирных столетий в греко-римской и западной истории. В 1914 г. этот мирный порядок был нарушен первой мировой войной. Начиная с 1914 г., сдерживающая сила международных трактатов и соглашений внезапно ослабла, международное право было выброшено на ветер; все правительства, без исключения, проводили двойную политику, насилие и обман в форме опустошительных войн и разрушительных революций сделались верховным арбитром всех международных конфликтов.

На фоне этого вырождения, чувственные ценности и институты также пришли в упадок, демонстрируя свои все возрастающие устаревание, бесполезность и пустоту.

В условиях этического атомизма и потенциального нигилизма, «контрактуализм проявляет тенденцию к вырождению в неправоное, ненормативное аморальное безбожное принуждение» или практику заключения псевдоконтрактов под давлением. **Какая польза от торжественных деклараций равенства всех людей или даже равных прав всех граждан «на жизнь, свободу и поиски счастья», когда в реальной жизни гигантски возросло огромное неравенство между**

мультимиллионерами и голодными массами, властными магнатами и зависимым «человеческим прахом», над которым господствуют все типы малых и больших боссов, начиная со старшины присяжных или мелкого политикана и кончая политическими, экономическими «заправилами» и рэкетирами? Какова цена свободы прессы или других средств коммуникации, когда газеты, радио и телевидение монополично контролируются небольшой группой «властной элиты»? Ценность свободного выбора занятия или поисков счастья также невелика, когда миллионы безработных не могут найти работы и когда миллионы несчастливы. Подобным образом все соглашения, обязательства по которым нарушаются заинтересованными сторонами, также наносят ущерб, как и соглашения членов преступных групп или боссов индустрии и финансов, или членов профсоюзов, выгодные для этих сторон, но приносящие ущерб обществу в целом. Все эти контракты, свободы и равенства с их помпезными лозунгами становятся лишь пустой мертвой шелухой великих ценностей, которые они некогда олицетворяли.

Подобный упадок вследствие возрастающей пустоты коснулся также принципа всеобщего избирательного права как метода выборов правительства в договорном обществе. Если в своих истинных функциях он дал «правительство народа, с помощью народа и для народа», то сейчас взамен в своей выхолощенной форме он обеспечивает лишь «правительство политиканов, посредством политиканов и для политиканов». Неудивительно поэтому, что вместо того чтобы рассматривать право голоса как великую привилегию, как это делали граждане действительно договорного общества, голосование сейчас рассматривается как помеха или бремя, или «только потеря времени» большей частью избирателей. Они предпочитают не раздражать самих себя этой помехой и не голосовать даже на выборах высоких государственных чинов. **Ценность голосования упала так сильно, что в ряде штатов граждан заставляют голосовать под страхом судебного наказания; неучастие в голосовании оказывается наказуемым преступлением.** Один этот факт свидетельствует о чудовищном вырождении принципа избирательного права. Некогда великая привилегия стала бременем, навязанным гражданам, причем неучастие в голосовании грозило им наказанием.

Подобное устаревание и деградация происходили со многими политическими и социальными идеологиями чувственного социокультурного строя на предыдущем творческом этапе. Были ли то идеологии Локка, Руссо, Маркса или другие вариации «демократической», «либеральной», «прогрессивной», «консервативной», «социалистической», «синдикалистской», «коммунистической», «анархистской» идеологий; или вариации «равенства», «свободы», «свободного предпринимательства», «плановой экономики», «общества всеобщего благоденствия», «нового курса и старого курса»; все эти идеологии, воодушевлявшие прежде великим энтузиазмом миллионы своих адептов, в настоящее время почти

мертвы; их «истины» объявлены ошибочными, их огонь угас, и пепел их остыл. В результате, в настоящее время большинство народов, их политические лидеры и идеологи, не имеют ни средств к существованию, ни вдохновения, ни творческой идеологии, чтобы с успехом встретить вызов нашего времени и мудро указать безопасный путь в великое будущее. Взамен все то, что они имеют, является отвратительной тряпней из тряпья и хлама устаревших идеологий, смешанных с «доморощенным» идеологическим рок-н-роллом и джазом. Если мы живем в век всеобщей неразберихи, то она особенно велика в области политических идеологий и ценностей.

Я обрисовал тенденцию упадка в политических институтах, ценностях и идеологиях чувственного порядка. Давайте теперь посмотрим на более обнадеживающую тенденцию - возникновение ростков в новом интегральном соцкополитическом строе.

В основании нового социополитического строя будет лежать современное научное знание и аккумулированная мудрость человечества; этот строй воодушевляется не «борьбой за существование и взаимным соперничеством», как в значительной степени были мотивированы договорный, тоталитарный и олигархический строй, но духом всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью, подразумевающей такие отношения.

Пока есть лишь несколько, и сравнительно скромных, манифестаций этого нового строя. Давайте кратко исследуем эти новые начинания.

Во-первых, в то время как договорный строй Запада распадается и заменяется насильственным тоталитарным режимом, многие азиатские и африканские общества перешли от господствовавшего до настоящего времени насильственного строя к свободной договорной системе социальной и политической организации.

Такой переход переживали бывшие колониальные народы, такие как Индия, Индонезия, Пакистан, Тунис, Марокко и другие, которые вновь обрели политическую и социальную независимость от своих колониальных хозяев. В этом отношении регрессивные политические перемены на Западе в какой-то мере компенсируются прогрессивным политическим преобразованием многих азиатских, африканских и других обществ.

Во-вторых, в то время как договорный порядок в международных отношениях в значительной степени распался, некоторые новые международные институты, подобные исчезнувшей Лиге наций и существующей ООН, возникли, пытаясь построить всемирный договорный порядок взамен «локальных» и «ограниченных» соглашений между несколькими правительствами, которые заключались в предшествующий период. Несмотря на многие крупные дефекты ООН и других подобных международных институтов, они, тем не менее, обладают большими потенциальными возможностями и могут развиваться в важные факторы

мира между народами в деле объединения всех отдельных государств, как минимум, в широко координируемое мировое сообщество.

О третьей и наиболее важной перемене свидетельствует тот факт, что не все является насильственным и коррумпированным в тоталитарном и олигархическом режимах, вытеснивших договорный строй. Хотя вся ткань этих режимов, в значительной степени, состоит из принудительных и поддельных волокон, они содержат, кроме того, немалую долю нитей или взаимоотношений по типу гармоничной семьи. Например, несмотря на то, что общая сеть социальных отношений советской политической и экономической системы строится, главным образом, на основе насильственных волокон, она содержит также значительную порцию нитей по типу семейных и небольшую часть договорных нитей. Это означает, что описанное вырождение договорного порядка девятнадцатого века в тоталитарный и олигархический строй не было абсолютно регрессивным; части прежних договорных взаимоотношений преобразовались в более достойные отношения по типу гармоничной семьи. Именно эти отношения представляют собой ту «скрытую энергию», которая дает тоталитарным системам их силу, моральный престиж и частичную справедливость. Без облагораживания, объединения и стимулирования связей по типу семейных, чисто принудительная часть Советов, Китая и других «принудительно-семейственных» обществ давно бы распалась.

Хотя Советы и подобные им режимы и ввели негуманную регламентацию жизни миллионов своих граждан, вместе с тем они освободили эти миллионы от многих прежних форм подчинения и эксплуатации. Проводя политику «коллективизации», «национализации» и отчасти «уравнивания», эти режимы сформировали у своих граждан не только менталитет и поведение регламентированных и поработанных заключенных, но также характер, энтузиазм и поведение членов свободного «мы-коллектива», добровольно объединенного взаимной симпатией и ответственностью, взаимной помощью, свободным сотрудничеством и неэгоистической любовью в одну огромную семью, или братство.

Такое сообщество в чем-то совершенно отлично от «одиноких толп» современных договорных и олигархических обществ: в сообществах семейного типа мало (если таковые есть) «чужих», «одиноких душ», «чрезмерно замкнутых», сосредоточенных» на своих эгоистических амбициях и лилипутских соперничествах, или «свободных обособленных индивидуумов», которые ни о ком не заботятся, и) никто не заботится о них.

Именно энергия неэгоистической любви, в ее грубой или возвышенной разновидностях, воодушевляет, мотивирует и санкционирует формы человеческого поведения, взаимоотношений, социальных, политических и экономических организаций, подобные тем, которые существуют в гармоничных семьях.

Это объясняет, почему преобразование некоторых контрактных взаимоотношений во взаимоотношения семейного типа и рост такого типа цветов среди сорняков тоталитарных режимов и среди увядших, высохших травяных газонов демократических и олигархических обществ имеет эпохальное созидательное значение.

В-четвертых, социальные институты семейного типа разрастаются не только в тоталитарных, но также в демократических странах в формах «благоденствующих и социалистических государств» «прогрессирующего республиканизма» и «либеральной демократии»; в росте различных сообществ строго семейного типа, таких как Общество братьев, гуттериты, меннониты, Сообщество друзей; в формах возрастающего социального сотрудничества, услуг и взаимопомощи в больших и малых городах и деревнях, число которых все растет; и во многих других формах. Все быстрорастущие взаимоотношения по типу семейных, сообщества, братства и социокультурные институты - предвестники нового интегрального социокультурного строя. В своей совершенной, развернутой форме этот строй обещает быть достойнее и прекраснее, чем принудительный и договорный порядки прошлого.

Возникающий социокультурный строй, интегральный и подобный гармоничной семье, предполагает к тому же некоторые радикальные перемены в правительствах государств, в больших деловых корпорациях, профсоюзах и других властных организациях.

Три значительные тенденции в профессиональных характеристиках новых правительств уже достойны внимания.

Первая из этих тенденций проявляется в быстро возрастающей роли ученых и экспертов в планировании, развитии, контроле и управлении все возрастающей частью наиболее ответственной правительственной деятельности и политики.

Многие из высших руководителей существующих правительств, корпораций и профсоюзов в значительной степени уже скорее номинальные фигуры, чем самостоятельные, энергичные правители. Политика, которую они проводят, свидетельствует о том, что значительная их часть стала просто исполнителями «безмолвных предписаний» современных научных открытий и изобретений. До 1940 г. ни администрация Трумэна, ни Сталина, ни Эйзенхауэра, ни Хрущева, ни генералы и адмиралы, ни кто-либо из современных руководящих государственных и политических деятелей не имели ни малейшего представления об «атомных», «водородных» и «космических» политиках, которые сейчас проводят все современные высшие руководители. В этом смысле, современные руководящие государственные и политические деятели все более становятся просто номинальными фигурами исполнителей «безмолвных приказов» науки и технологии, передав им свои права распоряжаться научными экспертами, советниками и членами комиссий.

Такая тенденция знаменует угасание существующих в настоящее время правительств политиков, посредством политиков и для политиков и их замену, в конечном счете, «правительствами ученых и экспертов». Принимая во внимание, однако, моральный нейтралитет современной науки и ученых, служащих как конструктивным, так и деструктивным целям, а также узкую компетенцию научных экспертов, достойное правительство близкого будущего будет нуждаться в успешном выполнении каждым научным администратором задачи интеграции узкого знания во взаимодействие с учеными мудрецами. Одновременно такому правительству потребуются моральные лидеры, чтобы направлять их на служение исключительно целям добра, а не зла. Не имея такого руководства из ученых мужей и святых, правительство научных экспертов может превратиться даже в нечто более ужасное, чем правительство политиков¹³.

Сказанное выше в достаточной степени объясняет, почему грядущим правительствам ученых и экспертов потребуются для эффективного руководства политикой универсальные и вечные моральные императивы, и почему будущие правительства, вероятно, будут правительствами ученых, мудрецов и святых, заменив правительства некомпетентных и часто безответственных политиков чувственного характера. Таковы некоторые тенденции возникающего политического строя.

Две тенденции в изящных искусствах

Упадок чувственных изящных искусств проявляется во многих отношениях. Во-первых, в убывающей творческой продуктивности. Творческие исполины все в прошлом, и сегодня мы, по-видимому, живем в мире карликов. В музыке Палестрина, Монтеверди, Бах, Моцарт, Гайдн, Гендель, Перселл, Люлли, Рамо, Куперен, Бетховен и др., все они жили и творили до или в начале девятнадцатого века. Это же столетие было представлено в музыке плеядой возвышенных творцов, таких как Шуберт, Шуман, Шопен, Берлиоз, Вагнер, Брамс, Чайковский, Мусоргский и др.; но даже они были не выше, чем фигуры Баха, Моцарта или Бетховена. Двадцатый век едва ли произвел мастера, равного мастерам девятнадцатого века. Подобно этому, и в литературе творческие исполины, как Шекспир, Гете, Бальзак, Гюго, Диккенс, Толстой, Достоевский, Мелвилл, Марк Твен, Уитмен и др., принадлежат к предшествующим девятнадцатому и непосредственно девятнадцатому столетиям; величайшие мастера литературы двадцатого века, нобелевские лауреаты – всего лишь карлики рядом с мастерами литературы более раннего времени.

Сходная ситуация в живописи и скульптуре, драме и других изящных искусствах. «На безрыбье и рак – рыба», – говорит русская

¹³ См.: P. Sorokin and W. Lunden, *Power and Morality* (Boston: Porter Sargent, 1959), chs. 11, 12.

поговорка. Наш век, по-видимому, богат большими и малыми раками, среди которых едва ли отыщется действительно крупная рыба.

Деградация изящных искусств и прекрасного до уровня всего лишь средств чувственного удовольствия – наравне с «вином, женщинами и песнями», бутылкой пива или пакетом воздушной кукурузы - или даже до уровня простого приложения к коммерческой рекламе – еще один симптом и следствие упадка чувственного искусства.

В идеациональном и интегральном искусстве, и на созидательном этапе чувственного искусства, ценность красоты и искусства рассматривалась как высшая цель и высшая ценность, нерасторжимо связанная с другими высшими ценностями: Богом, истиной, добром и величием самой абсолютной красоты.

В противоположность этому, в наши дни искусство стало предметом потребления, произведенным, прежде всего, для рынка, мотивированным, главным образом, **humanane laudus amore et temporalis praemil cupiditate**¹⁴ и нацеленным почти исключительно на полезность, развлечение, удовольствие, стимуляцию пресыщенных нервов или сексуальное возбуждение. Искусство, ориентированное на требования массового рынка, не может избежать вульгаризации. Вместо возвышения масс до собственного уровня, оно опускается до уровня обычного стада. Об упадке созидательной силы чувственного псевдоискусства в результате чрезвычайной его вульгаризации свидетельствует следующее.

Любая запись великого музыкального произведения едва ли была продана за последнее десятилетие во многих миллионах копий, как это произошло с записями сочинителей вульгарной фальшивой музыки, «руководителей популярных музыкальных групп» и «ночных клубов». Никто из величайших певцов нашего времени не стал так же популярен или не приобрел большого состояния, как легион «безголосых голосов», чье пение представляет собой, большей частью, мурлыканье, бляение, мяуканье, вопли и «рок-н-ролл». В то время как люди читают великие произведения литературы, по-видимому, все меньше и меньше, садистская и мазохистская «дешевая литература» об убийствах, безумии и сексе продается сотнями миллионов экземпляров.

Еще одно свидетельство упадка чувственного искусства – это его болезненная концентрация на патологических личностях и событиях. Из сферы Царства Божьего в идеациональном средневековом искусстве западное искусство через мир героического, полубожественного человеческого общества опустилось в мир нормальных человеческих существ и, наконец, в наше время, в социальный отстойник с ненормальной и недочеловеческой популяцией, состоящей, в основном, из убийц, ханжей, душевнобольных, сексуальных **маньяков и извращенцев, проституток, содержанок, циничных политиков, биржевых игроков,**

¹⁴ **humanane laudus amore et temporalis praemil cupiditate** – радости любви и преходящие успехи страсти (лат.).

безумных подростков, маклеров, торгующих искусством и наукой, вымогателей от религии и других деморализованных и десоциализированных человеческих тварей. Эти животные составляют основную массу персонажей и «героев» современных изящных искусств. Они сосредоточены, главным образом, на сокрытии преступников, сексе, безумии и насилии.

Для декадентской фазы развития чувственного искусства символично, к тому же, что подмены качества количественным размахом, классики - «бестселлером», духа – техникой, бессмертного произведения - краткоживущим сенсационным «хитом»¹⁵ совпадают по времени.

Параллельно с упадком чувственного искусства зарождается современное искусство и делаются первые попытки создания новых интегральных форм изящных искусств. Зарождение и рост современного искусства знаменательны как проявление бунта против «пустого» чувственного искусства и поиск искусства нового и жизненного. Современное искусство явно отчалило от берега декадентского чувственного искусства-подделки в поисках нового прибежища прекрасного, но, за несколькими счастливыми исключениями, современные моряки от искусства находятся еще среди не отмеченного на карте океана и не достигли «земли обетованной». Несмотря на это, их бунт против полудряхлого чувственного искусства и их усилия в создании новых форм искусства - это усилия предтеч и тружеников, вносящих свой вклад в зарождающееся интегральное искусство. Некоторые из этих предтеч уже преуспели в создании пока еще несовершенных произведений интегральной Красоты, воссоединенной с Истиной и Добром, ценностно нагруженной и осмысленной, украшающей безобразное, дающей бессмертие смертному, облагораживающей недостойное, ментально просветляющей и духовно вдохновляющей.

3. Воссоединение Истины-Добра-Красоты в возникающем интегральном строе

Таковы, в сжатом виде, три великие тенденции нашего времени. Если они воспринимаются адекватно, то миллионы единичных событий и изменений, происходящих непрерывно каждый день, становятся понятными. Многие из этих перемен можно даже предсказать и предвидеть.

Этот краткий анализ, между тем, показывает, что новый нарождающийся социокультурный строй обещает обеспечить добровольное объединение религии, философии, науки, этики и изящных искусств в одну интегрированную систему высших ценностей Истины, Добра и Красоты. Такое объединение означает конец разделения и конфликта науки, религии, изящных искусств и этики друг с другом -

¹⁵ Сравните: Sorokin's *Dynamics*, quoted, 1, chs. 5-13.

разделения и конфликта, типичных для перестойного чувственного строя. Согласно теории Сен-Симона относительно «критического» и «органического» периодов в жизни великих культур, это объединение означает новую «органическую» эру в истории человечества.

Борьба между силами прежде созидательного, но теперь во многом устаревшего чувственного порядка, и возникающими созидательными силами нового интегрального строя продолжается неотступно во всех сферах социальной и культурной жизни и во внутренней жизни каждого из нас.

Окончательный исход этой эпохальной борьбы в значительной степени зависит от того, сможет ли человечество избежать новой мировой войны. Если этой апокалиптической катастрофы можно избежать, то нарождающиеся творческие силы возвестят наступление прекрасной эры в человеческой истории.

Диагноз и прогноз отношений между Востоком и Западом

1. Разделение между Востоком и Западом уменьшается

Классификация человеческой популяции, культурных систем, стран и народов на восточные и западные во многом искусственна и фиктивна. После 1492 г. почти не было периода, когда бы народы и культуры Азии и Африки были абсолютно изолированы от народов и культур Европы и Америк, и их историческое развитие едва ли проходило независимо друг от друга. Все, что можно сказать на эту тему, это то, что примерно в течение трех тысячелетий контакты и взаимодействие народов и культур Европы и «европеизированных Америк» с народами и культурами Азии и Африки были менее интенсивными и постоянными, и их историческая жизнь менее взаимозависима, чем историческая жизнь народов, живущих на европейском и американском или афроазиатском континентах. После захвата афро-азиатского континента евро-американским «белым человеком» вследствие развития средств коммуникации и транспорта даже это относительное отделение друг от друга народов и культур Востока и Запада непрерывно уменьшалось в течение последних пяти столетий.

В настоящее время эта взаимная изоляция значительно уменьшилась, и, если не будет новой апокалиптической мировой войны, разделение, несомненно, будет становиться все менее и менее глубоким. Современные средства коммуникации и транспорта день за днем сближают Запад и Восток, и процесс этот будет продолжаться до тех пор, пока эти сегменты человечества не станут так же взаимозависимы один от другого, как большинство народов и образов жизни Запада или Востока.

Эта тенденция поднимает ряд вопросов, связанных с предстоящими взаимными влияниями евро-американских и афро-азиатских народов друг на друга. Нет сомнения, что эти влияния будут многообразными и сложными. В некоторых случаях западные ценности и институты будут заменяться восточными; в то же время в других случаях восточные ценности и институты могут возобладать над западными. В будущем в течение некоторого времени результат смешения культурных, социальных и политических черт Востока и Запада будет вынужденно эклектичным, как по большей части и в настоящее время. В конечном счете, если не произойдет всеобщая кремация и самоуничтожение человечества, эта «эклектическая мешанина» может иметь некоторый шанс быть замещенной культурным, социальным и личностным строем, состоящим из гармонично соединенных элементов великих культур Запада и Востока.

Поскольку в одной краткой главе невозможно показать связь всех взаимовлияний Запада и Востока, я предпочитаю рассмотреть только одну или две основные тенденции в отношениях Востока и Запада, которые уже

проявляются в настоящее время и, по всей видимости, сохранятся в будущем. Первая из этих тенденций состоит в прогрессирующем упадке монополистического творческого лидерства евро-американских народов, которая развивается параллельно с возрастающим участием в этом лидерстве афро-азиатских народов.

Вторая проблема, которой мы коснемся, это вопрос о том, какой вид интегральной культуры, социальных институтов и образа жизни может возникнуть в будущем, если современной смеси западных и восточных социокультурных скоплений суждено перерасти в единый социокультурный и личностный порядок в человеческом универсуме.

2. Перемещение творческого лидерства

Исходя из того, что было сказано об этой тенденции в предыдущей главе, можно было бы в целом утверждать, что в творческом лидерстве с доисторических времен до четырнадцатого века н.э. народы Западной Европы и Америк, по-видимому, значительно отставали от народов Азии и Африки: а) в соответствии с широко распространенной (во многом предположительной) теорией, возникновение человека как отклонение от генеральной антропоидной ветви имело место скорее в Африке или в Азии, чем в Европе; б) к тому же, в процессе развития от палеолитической к неолитической, меловой, бронзовой и железной эпохам, обитатели Западной Европы, по-видимому, отстали от обитателей Азии и Африки на несколько столетий, даже на тысячу или более лет; с) в исторические времена, когда евро-американские народы все еще жили в примитивных социокультурных условиях, в Африке и Азии великие цивилизации - египетская, вавилонская, шумерская, хеттская, иранская, китайская, индийская и индейская, средиземноморская (греко-римская и арабская) - возникали, развивались, достигали расцвета и приходили в упадок в течение столетий и тысячелетий.

Короче говоря, в течение тысячелетий евро-американские народы были «отсталыми» по сравнению с лидирующими народами Азии и Африки. Западные или евро-американские народы были последними, кто принял на себя творческое лидерство человечества. Приблизительно только с тринадцатого века они несли «факел творчества», главным образом, в областях науки, технологии, изящных искусств, философии, экономики и политики. В этих областях они не изменяли своей творческой миссии в течение пяти или шести столетий. Их беспрецедентные и непревзойденные научные и технологические достижения сделали Европу и европеизированные Америки истинным центром истории человечества в этот период. Они заслуженно сделали евро-американскую цивилизацию и народ временно превосходящими цивилизации и народы Азии и Африки. Эти достижения также позволили евро-американским народам оккупировать, подчинить и эксплуатировать население Азии и Африки.

Влияние научной, технологической, экономической и политической цивилизаций Запада на афро-азиатские народы и культуры было непреодолимым и подавляющим. Оно вызвало у афро-азиатских народов сильное желание и последовательные усилия адаптировать западную науку и технологию, чтобы искоренить или уменьшить свою нищету, бедность, неграмотность, голод и болезни; улучшить свой образ жизни и в конечном счете освободить себя от подчинения господству Европы и Америки. «Запад сам вызывает к жизни силы сопротивления его господству и наделяет подчиненные народы умениями и институтами, которые вполне эффективно могли бы быть использованы против него самого. Западное господство сеет семена собственной дезинтеграции»¹⁶, - так верно охарактеризовал ситуацию С. Радхакришнан. Не менее верно, уже в 1928 г., Ч. Берд в книге «Куда идет человечество» (*Ch. Beard Whither mankind*¹⁷) сказал: «Если когда-нибудь Восток сокрушит Запад на поле сражения, то это произойдет из-за того, что Восток полностью овладеет западной технологией».

В значительной мере это пророчество уже сбылось. С помощью западных стран восточные народы учредили свои собственные школы, университеты, научно-исследовательские институты; обучили в западных странах своих собственных ученых, техников, политических лидеров и бизнесменов и делают это все больше и больше. В Японии и евро-азиатской России они прогрессировали в этом направлении настолько, что почти достигли уровня науки и технологии западных стран. Большинство других восточных стран не развили свою научно-технологическую культуру так высоко, как Япония и Россия, но они быстро уменьшают разрыв между своей и западной наукой и технологией; и если не разразится мировая война, в не очень отдаленном будущем они, вероятно, полностью ликвидируют этот разрыв. Во всяком случае, эти «отсталые» народы развили свою научно-технологическую культуру настолько, что это позволяет им восстановить социо-политическую независимость, ликвидировать свой колониальный статус и «вышвырнуть белого человека» с господствующей позиции в своих странах - включая Китай, Индию, Индонезию, Бирму, Египет и практически все бывшие колонии Европы и Северной Америки.

Все это указывает на то, что творческое лидерство Запада, которое евро-американские народы монополизировали в течение последних пяти столетий, подходит к концу¹⁸. Население Африки и Азии сейчас играет все более активную роль, и их доля в этом лидерстве, по-видимому, быстро возрастает. В результате, творческий центр истории человечества, который был локализован в течение столетий в Европе и европеизированной

¹⁶ East find West (New York; Harpers, 1956). p. 108.

¹⁷ Whither mankind. A panorama of modern civilization / Ed. By Charter A. Deard. N.Y. (etc.). 1928 (англ.).

¹⁸ О завершении европейского лидерства см.: E. Fisher, *Passing of the European Age* (Cambridge; Harvard University Press, 1942); P.A. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics* (New York; Bedminster Press, 1962), IV, 234 ff.

Америке, окончательно перестал быть заключенным внутри этих границ. В значительной степени он распространился на Восток и становится «планетарным» в смысле активности не только на Западе, но также и на Востоке.

Впредь история человечества все более будет представлена на сцене азиатско-африкано-евро-американского театра. В дальнейшем, в великих «спектаклях» истории будет не просто одна евро-американская «звезда», но несколько звезд Индии, Китая, Японии, России, арабских стран и других культур и народов. Эта эпохальная тенденция уже действует и быстро растет изо дня в день. Она проявляется в распаде великих европейских империй, в восстановлении политической независимости почти всех колониальных народов Азии и Африки; в быстром росте политического и социального влияния этих народов в международной политике, в возникновении потенциально великих азиатских держав Индии, Китая, Японии и евро-азиатской России; в снижении политического и культурного влияния Европы; в ускорении научного и технологического развития азиатских и африканских народов; в возрастающем числе существенных научных открытий и технологических изобретений, сделанных азиатскими учеными и изобретателями (конкретно проявившими себя в возросшем среди них числе нобелевских лауреатов); в уменьшающемся престиже «белого человека» повсюду на афро-азиатском континенте и даже в таких симптоматических фактах, как все возрастающая в западных школах пропорция новостей, публикаций, конференций, лекций и курсов, которые посвящены событиям, культуре и народам Востока. По сравнению со скромным вниманием, которое уделяли этим темам на Западе шестьдесят лет тому назад, место, которое они занимают в настоящее время, достаточно заметное.

К этим проявлениям все более важной роли афро-азиатских народов в лидерстве человечества следует добавить возрастающее распространение на Западе восточных религиозных, философских, этических, художественных и культурных ценностей. В этих сферах Запад редко превосходил Восток. Помимо всего, западное христианство как религиозный, этический, правовой и даже эстетический фундамент западной культуры с пятого века до восемнадцатого и, в гораздо меньшей степени, до двадцатого было афро-азиатским творением, рожденным в Малой Азии и построенным на основе афро-азиатской религиозной, философской и этической систем иудаизма, зороастризма; особенно культов Митры и Мани, Кибелы, Изиды и Озириса; и религиозных и философских систем и практик индуизма, буддизма, даосизма, неоплатонизма, неопифагореанства и других афро-азиатских гностических и мистических течений¹⁹. Через христианство и, позднее, через

¹⁹ Об источниках иудаизма и христианства см.: J. Breasted, *Dawn of Conscience*, New York, 1933; F. Cumont, *Les religions orientales dans le paganisme romain*, Paris, 1929; *The Mysteries of Mithra*, Chicago, 1910; *After Life in Roman Paganism*, New Haven, 1922; S. Radhakrishnan, *East and West*, New York, 1956; A.H. Gardiner, *The Legacy of Egypt*, New York, 1947; S. Angus, *Mystery Religion and Christianity*, London, 1925; K.

магометанство Восток влиял на Запад на протяжении всей истории западной цивилизации и продолжает влиять до настоящего времени, хотя и в меньшей степени. В последнее время индийские, китайские, японские и другие восточные философии, религии и этические, правовые и художественные ценности начали проникать на Запад не только в рамках ограниченных групп академических, интеллектуальных и правительственных кругов, но и в более широкую среду обычных людей населения Запада. Появились сотни центров различных восточных культов - ведантистов, бахаев, магометан, буддистов, дзен, даосистов и других - и распространялись практически во всех западных странах. Только в Калифорнии в настоящее время существует несколько сот таких центров и культов. Различные техники йоги постепенно становятся так же популярны в западных психосоциальных школах, как и среди непрофессионалов и духовных лидеров. Значительные восточные религиозные, философские, психологические, литературные и другие труды все чаще переводятся на западные языки, тщательно изучаются, о них пишут и дискутируют, они стали доступны даже западным читателям-непрофессионалам. Сравнительно недавние восточные социополитические движения и их методы, такие как метод ненасильственного сопротивления Ганди, широко практиковались и имитировались различными социополитическими движениями Запада. Относительно новые восточные религиозные, философские и этические системы, подобные системам Свами Вивекананды, Рамакришны или Шри Ауробиндо, быстро распространяются и привлекают последователей в Америке и Европе. Художественные стили живописи Китая и Японии, восточной архитектуры и, в меньшей степени, литературы, скульптуры и музыки также стали оказывать все большее влияние на изящные искусства Запада. Это относится также и к некоторым восточным моделям одежды. Даже некоторые японские фильмы получили первые премии на международных киноконкурсах.

Короче, постоянное влияние, которое Восток косвенно, через христианство, оказывал на Запад, в последнее время стало прямым и легко признаваемым.

Можно не сомневаться, что с дальнейшим развитием средств коммуникации и транспорта это взаимопроникновение и смешение западных и восточных культурных ценностей, идей, институтов, образцов и нравов будет все более возрастать.

3. Возможность возникновения нового интегрального строя на Западе и Востоке

Lake, *The Beginnings of Christianity*, London, 1920-26 (3 vols); P. Gardner-Smith, *The Church of the Roman Empire*, Cambridge, 1932.

Иудаизм, как один из главных источников христианства, абсорбировал некоторые восточные религиозные, философские и этические течения мысли.

Эта тенденция взаимного проникновения и объединения западных и восточных социокультурных ценностей и реальностей поднимает важный вопрос: К чему приведет эта тенденция? Эта все возрастающая смесь намерена остаться в форме эклектичных скоплений из элементов восточных и западных цивилизаций или она имеет законный шанс интегрироваться в новое объединенное *Weltanschauung*²⁰ и социокультурный порядок, созданные из элементов и ценностей и Запада, и Востока?

Никто не может дать безошибочный ответ на этот вопрос, меньше всех я сам. Все, что можно предложить в ответ на него, является догадкой, которая может быть верной или неверной. Только в качестве догадки я рискну наметить свой «прогноз» в этом вопросе. Этот прогноз опирается на мою общую теорию социокультурных изменений и на мой диагноз современного состояния западной (и частично восточной) культуры - теория была разработана и документирована в моей работе «Социальная и культурная динамика» и других трудах²¹.

В этом эссе нет возможности ни обрисовать эту теорию, ни разъяснить, что я имею в виду под чувственным, идеациональным и интегральным (идеалистическим) социокультурными порядками. Достаточно сказать, что каждый из этих порядков опирается на главный постулат относительно природы истины и абсолютной реальности-ценности и выражает его во всех своих частях. Чувственный порядок опирается на посылку, что истина и абсолютная реальность-ценность является чувственно воспринимаемой (*sensory*) и что за ее пределами нет реальности и нет ценности. Идеациональная посылка подразумевает, что истина и абсолютная реальность-ценность является сверхчувственным сверхрациональным Богом (Дао, нирвана, Брахман, «Божественное Ничто» и другие эквиваленты) и Его Царством. Интегральный порядок строится на постулате, что истина и абсолютная реальность-ценность – многообразная бесконечность, *mysterium tremendum et fascinosum, истинная coincidencia oppositorum*, которая в своей бесконечной полноте не может быть воспринята или адекватно определена ограниченным человеческим разумом. Будучи рефлексирующей частью этой реальности, мы можем, однако, познать, по крайней мере, три главные формы бытия: *чувственную*, познаваемую через наши чувства; *рациональную*, понимаемую посредством нашего логико-математического (рационального) мышления и *сверхчувственную-сверхрациональную*, интуитивно постигаемую непосредственно сверх-чувственным-сверхрациональным человеческим гением, особенно всеми великими творческими изобретателями во всех сферах социокультурного универсума и - в гораздо более умеренной

²⁰ *Weltanschauung* – мировоззрение (нем.).

²¹ О полном развитии моих теорий см.: *Social and Cultural Dynamics* (4 vols); *Society, Culture and Personality*; *Man and Society in Calamity*; *The Reconstruction of Humanity*; *Crisis of Our Age*. Эти работы были опубликованы в нескольких иностранных переводах.

степени случайно - обычными людьми.

Ограничивая свои пояснительные заметки по этому поводу и допуская, что вспышки апокалиптически - ядерно - бактериологически - химической мировой войны не будет (хотя, по моему мнению, такая война сейчас имеет шанс 50 на 50), я могу высказать свои прогнозы в форме следующих гипотез:

А. Поскольку чувственный социокультурный порядок, господствующий в западном мире в течение последних пяти столетий, в настоящее время находится в состоянии упадка, он обречен быть замещенным новым, вероятно, интегральным, социокультурным порядком - если западным народам суждено продолжить свою творческую историческую жизнь. В настоящее время первые «весенние ростки» этого интегрального порядка уже появляются и медленно растут. Эпохальная борьба между умирающим чувственным и нарождающимся интегральным порядками имеет первостепенную важность; это глубочайшая и величайшая борьба нашего времени и грядущих десятилетий. Все другие конфликты - капитализм *versus* коммунизма, демократия *versus* тоталитаризма, религия *versus* атеизма или агностицизма, материализм *versus* идеализма, «свобода» *versus* «принудительной регламентации» и другие современные поля сражений - лишь частичные проявления этой всеохватывающей, тотальной и глобальной борьбы между дезинтегрирующим чувственным и наступающим интегральным порядками. Эта гигантская борьба продолжается сейчас во всех аспектах социальной жизни и во всех сферах западной культуры – в науке, философии, религии, этике, праве, изящных искусствах, политике и экономике. Она продолжается в наших душах, наших умах, наших телах и в нашем открытом поведении.

В. Под влиянием научной и технологической западной цивилизации традиционный, в значительной степени идеациональный, социокультурный порядок, который в течение долгого времени господствовал в Индии, Китае, Тибете, Цейлоне, Бирме, Японии, Индонезии, арабских и других восточных странах, также во многом дезинтегрировался и в настоящее время, несомненно, отмирает. По этой причине восточные народы поставлены перед неотложной задачей создания и установления нового социокультурного порядка. Этот новый строй, по-видимому, не будет ни модифицированной формой их умирающего, идеационального порядка, ни восточной разновидностью чувственного порядка. Наступающий строй, более вероятно, будет восточной формой интегрального порядка, похожей в своих основных чертах на нарождающийся западный интегральный порядок, но отличный от него в большинстве второстепенных характеристик.

Сейчас, и в течение некоторого времени в будущем, одним из главных отличий между возникающими западным и восточным интегральными порядками будет, вероятно, следующее. Установление

западного интегрального порядка из господствовавшего до настоящего времени чувственного порядка возможно при условии, что (а) материальные, физические реальности и ценности, занимающие чрезмерно большое место в чувственном *Weltanschauung* и цивилизации, будут лишены особого значения и (b) эти реальности-ценности будут дополнены рациональными и сверхчувственными, которые недоразвиты и недооценены в чувственных культурах. Интегральный порядок как объединенная система чувственных, рациональных и сверхчувственных-сверхрациональных реальностей и ценностей требует таких изменений. Без этой внутренней реконструкции никакой интегральный порядок не может быть построен из обломков прежде господствовавшего, но ныне умирающего чувственного строя.

В отличие от ситуации на Западе, установление восточного интегрального порядка вместо дезинтегрирующегося идеационального строя возможно лишь посредством большего подчеркивания идеациональных реальностей и ценностей и дополнения их самыми благородными формами чувственных и рациональных реальностей и ценностей, которые во многом были заброшены и недоразвиты в восточных идеациональных социокультурных порядках. Материальный стандарт жизни восточных народов все еще остается настолько низким, их бедность и физическая нищета настолько отталкивающие, а их основные биологические потребности удовлетворяются так скудно, что никакой интегральный порядок не может быть построен без заметного улучшения материальных условий существования населения восточных стран.

Другими словами, чтобы построить новый интегральный порядок, восточные народы в ближайшем будущем должны будут сфокусировать все свои усилия на улучшении своих материальных условий вместе с облагораживанием и интегральной реконструкцией своих рациональных и идеациональных ценностей. С другой стороны, чтобы построить интегральный порядок, западные народы будут все более «одухотворять» и «идеализировать» западный мир следующими средствами: (а) отказываясь от чувственных псевдореальностей; (b) с помощью облагораживающих вечных и универсальных чувственных ценностей; (с) дополняя их рациональными и сверхрациональными-сверхчувственными реальностями и ценностями и (d) интегрируя все эти формы реальности-ценности в объединенную интегральную систему.

С. Это означает, что начиная с почти противоположных форм социокультурных порядков, Запад и Восток поставлены перед сходной в основе задачей, которая заключается в построении нового интегрального порядка взамен старых распавшихся. Но это не значит, что эти интегральные порядки будут идентичны во всех отношениях. Если этот порядок будет реализован, то он будет, конечно, построен в «восточном стиле» на Востоке и в «западном стиле» на Западе - один от другого отличный в своих второстепенных характеристиках, конкретных формах,

оттенках, образцах и других деталях.

Д. Если удастся избежать самоубийственной третьей мировой войны, совокупность существующих социокультурных условий будет довольно благоприятной для создания западно-восточных разновидностей интегрального строя. Его возникновение и рост, по-видимому, более вероятны, чем (а) продолжение существования дезинтегрированного чувственного порядка в обновленной форме на Западе и «окаменевшего» идеационального порядка на Востоке или (б) неопределенно длительное существование эклектичной смеси разнородных социокультурных фрагментов на Западе, Востоке и в человеческом универсуме в целом.

Неограниченная продолжительность умирающих чувственных и идеациональных порядков в качестве доминирующих культурных систем ближайшего будущего невозможна по нескольким причинам. Периодически повторяющаяся история дезинтеграции доминировавших ранее социокультурных порядков показывает, что их упадок обусловлен, главным образом, истощением ограниченного запаса созидательных сил, которым каждый из них потенциально наделен. Подобно любой эмпирической системе, каждый социокультурный порядок имеет ограниченный запас творческих возможностей; иначе он был бы неограниченно созидающим богом, неистощимым в своих творческих силах. Реализовав свои ограниченные творческие возможности в своих достижениях, каждый строй, в конечном счете, истощает свой творческий резерв, становится бесплодным и не способным удовлетворять насущные потребности своего народа или общества. Однажды став творчески бесплодным, строй не может избежать дезинтеграции или мумифицировать свою пустую скорлупу. И если этот процесс начался, то обычно он продолжает развиваться до тех пор, пока умирающая система не потеряет свое доминирующее положение, не станет второстепенной в общей культуре данного общества и в качестве доминирующей не будет перемещена с жилого этажа истории в ее музей. Среди многих примеров такого рода дезинтеграции-мумификации великих социокультурных систем едва ли найдется один случай, когда этот упадок был остановлен и умирающая система ожила, чтобы продлить свое господство на сколько-нибудь продолжительное время.

По этим причинам едва ли вероятно, чтобы современный умирающий чувственный порядок на Западе и идеациональный порядок на Востоке можно было оживить и сделать полезными для человечества в ближайшем будущем.

Также невозможно для Запады, Востока и всей человеческой культуры оставаться неограниченное время в состоянии неопределенной громадной эклектичной «свалки», заполненной разнородными обломками чувственной, идеациональной, интегральной культур и других социокультурных скоплений. Дезинтеграция любой великой социокультурной системы в перманентно эклектичную культурную

«свалку» означает не только конец предшествующей системы, но и конец творческой активности людей, жизнь которых связана с этой системой. Это является красноречивым свидетельством их неспособности создать новую, унифицированную социокультурную систему. Любая великая культура, которая заканчивает свою жизнь превращением в этот вариант перманентной «свалки», теряет свою индивидуальность и становится просто материалом, просто «цивилизационным навозом и удобрением» для других великих цивилизаций или культурных систем. И любой народ, общество или нация, которая не может создать новый социокультурный порядок вместо того, который распался, перестает быть лидирующим «историческим» народом или нацией и просто превращается в «этнографический человеческий материал», который будет поглощен и использован другими более творческими обществами или народами.

Если в настоящем и ближайшем будущем новый и великий объединенный социокультурный порядок не будет установлен на Востоке или на Западе, или среди человечества в целом, это будет означать конец творческой миссии человека на планете, деградацию и регресс всех «исторических народов» до уровня нетворческих, «неисторических» человеческих орд, обреченных в конечном счете на гибель тем или другим путем; для человека созидательное творчество было и остается наиболее важным фактором выживания вида *Homo sapiens*, его возвышения над всеми другими видами, его овладения неорганическими, органическими и сверхорганическими силами, столь необходимыми для продолжения биологической и социокультурной жизни в прошлом, настоящем и будущем²².

Если современный человек сможет предотвратить надвигающуюся катастрофу новой мировой войны, регресс Запада или Востока, или человеческой расы в целом, будет, по-видимому, маловероятным. Такое несчастье часто случалось в прошлом и даже может произойти сегодня в рамках отдельного общества или с несколькими народами, но оно едва ли может случиться с целым западным или восточным континентами и еще менее со всем человечеством. Нет убедительных симптомов абсолютной потери творческой способности всеми современными народами или всей человеческой расой. Но существует огромная масса свидетельств того, что творческая деятельность человека непрерывно продолжается, что фактически в некоторых сферах, таких как наука и технология, были достигнуты высоты, о которых раньше и не мечтали, и что сейчас она еще стремительно растет.

По этим причинам, перспектива необратимой дезинтеграции всей человеческой культуры в вечную эклектичную «свалку» и всех «исторических», творческих народов в нетворческие человеческие орды, обреченные на гибель, не может быть принята как вероятная.

²² См. мой очерк «The Factor of Creativity in Human History», *Sociologia Internationalis*, 1963, Heft 1 55-56; *Main Currents in Modern Thought*, May, June, 1962.

Итак, если ни воскрешение упадочного чувственного или идеационального порядка, ни дезинтеграция всех человеческих культур во всемирную и постоянную эклектичную свалку не кажутся вероятными, то, по-видимому, остается лишь один путь к созидательной истории человечества в ближайшем будущем, а именно возникновение и развитие нового интегрального порядка как доминирующего строя на Востоке и на Западе. Его фундаментальной предпосылкой являются более адекватные и менее односторонние, чем чувственные или идеациональные, постулаты. Интегральная предпосылка содержит в себе оба этих постулата и объединяет их в интегральное целое (*Ganzheit*). Интегральная точка зрения позволяет нам познавать не только чувственные или сверхрациональные-сверхчувственные формы бытия истинной реальности-ценности, но и все ее три главных аспекта: чувственный - посредством наших чувств; рациональный - посредством нашего логико-математического мышления - и сверх-чувственный-сверхрациональный - посредством интуиции гения²³ и, в меньшей степени, в процессе обычного человеческого существования. Интегрализм, направляющий эти три канала познания и созидательности в один трехмерный канал, объединяет в одну высшую познавательно-созидательную упряжку науку, философию, религию, этику, изящные искусства и их специфические способы постижения истинной реальности-ценности (сейчас отделенные друг от друга).

Благодаря своему более широкому, более глубокому и более адекватному *Weltanschauung*, интегральная точка зрения предоставляет более благодатную почву для построения на основе ее постулатов более возвышенного и благородного социокультурного и личностного порядка в универсуме, чем две другие предпосылки. Так же, как в прошлом интегральный порядок в Греции пятого века до н.э. и в европейской культуре тринадцатого века были пиками в греческой и позднесредневековой европейской культурах, так и сейчас возникающий интегральный порядок будет, вероятно, более величественным и мудрым, более справедливым и прекрасным по сравнению с предшествующими, умирающими ныне идеациональным, чувственным и эклектичным порядками, доминирующими на Востоке и Западе.

Наконец, в настоящее время и на Западе, и на Востоке имеется необходимый материальный и социокультурный фундамент для создания нового интегрального порядка. На Западе – это очищающее (*purified*) христианство, богатый сад западной философии с ее великими эмпирическими, рациональными (включая «критическую» и скептическую) и мистическими системами, ее идеалистической и материалистической онтологиями. Это огромная сокровищница высокого мастерства изящных искусств и литературы, разнообразие систем

²³ По поводу дискуссии о сверхчувственной-сверхрациональной интуиции как высшем источнике творчества и познания и структуре человеческой души и личности в целом, см.: P. Sorokin, *The Ways and Power of Love* (Boston; Beacon Press, 1954), chs. 5, 6, 7, 19.

утилитарной, гедонистической, в высшей степени альтруистичной и категориально-нормативной этики и права, и особенно ее непревзойденные наука и технология – все это, вместе взятое, предоставляет неограниченно богатый и прекрасный материал для объединения и развития в величественный западный интегральный строй.

Восток обладает великими очищающими религиями - даосизмом, конфуцианством, буддизмом, джайнизмом, иудаизмом и магометанством; истинно великими восточными философскими системами начиная с Упанишад, даосизма и «шести ортодоксальных» философий Индии и кончая последними «интегралистскими» философиями Шри Ауробиндо и других восточных мыслителей; великими этическими системами Востока; неиссякаемым фондом высочайших достижений в изящных искусствах; непревзойденными и бесспорными методами различных йогов; экстраординарным проникновением в высочайшие и потому глубочайшие²⁴ состояния «Я»; мудростью различения истинного познания (*jnana, prajna, vidya*)²⁵ истинной реальности от поверхностного псевдопознания видимостей (*avidya*). Все это, усиленное и обогащенное быстро растущим развитием западной науки и технологии, предоставляет самый прекрасный материал для создания блистательного нового интегрального порядка на Востоке²⁶. Взаимное обогащение и перекрестное оплодотворение Западом и Востоком их материалов очень помогает обеим частям человечества в строительстве своих интегральных порядков.

Е. Установление этого порядка привело бы не только к более глубокому постижению всех трех аспектов истинной реальности-ценности и к большей власти человека над неорганической, органической и сверхорганической силами и формами бытия, но одновременно также к подавлению существующей ментальной, моральной и социальной анархии, к большей гармонизации межличностных и межгрупповых отношений, к уменьшению социальных антагонизмов, кровавых войн, бунтов и преступлений. Интегральная система ценностей в наибольшей возможной степени отвечала бы тому поиску ценностей и спокойствию духа, которые тщетно искало современное человечество среди умирающих чувственных и мумифицированных идеациональных ценностей. Во всех этих и в других отношениях установление нового интегрального порядка разрешило бы большую часть проблем, рожденных сегодняшним великим кризисом, и подняло бы человеческую расу на новые высоты в ее созидательной жизни-истории.

²⁴ По удачному выражению Кафки, «глубочайшее в человеке есть его высочайшее».

²⁵ *jnana, prajna, vidya...avidya* - Понятия древне-индийской философии (санскрит); Авидья понимается как неспособность к разграничению видимого и реального; авидья букв. - отсутствие знания, исходное зное затемнение сознания, неведение и невежество, которое вынуждает считать реальным и подлинным то, что таковым не является. Авидья поддается преодолению с помощью видьи -знания, которое, в частности, обладает способностью к разграничению. (Филос. Энци. Словарь. М., 1983. С. 10, 153).

²⁶ Сравните мои работы: *Ways and Power of Love*. Chs. 19, 20, 21; F.S.C. Northrop, *The Meeting of East and West*, New York, 1946; R.G.H. Siu, *The Too of Science*. New York, 1957; Stcherbatsky, *T. Buddhist Logic*, 2 vols, Leningrad, 1932.

Р. Как упоминалось выше, первая весенняя поросль этого строя уже появилась, растет и уже вступает в бой с отмирающими порядками. Если не будет самоубийственной войны, победа нового нарождающегося строя над его противниками будет совершенно несомненной.

С. Этот интегральный порядок, установленный по подобию идеального государства Платона, достигнув высшей точки своего развития, также в свое время придет в упадок после истощения своих творческих сил²⁷.

Н. Таковы, с вышеизложенными оговорками, мои «прогнозы» относительно будущих взаимоотношений Запада и Востока и наступления доминирующего порядка в обоих сегментах человечества. Более тридцати лет тому назад я рискнул сделать несколько подробных предсказаний о наступающих важных событиях²⁸. Они включали предсказания будущих разрушительных евойн, кровавых революций, тоталитарных режимов, гигантского разрушения, нищеты, высвобождения в человеке «худшей из бестий». Несмотря на суровую критику моих прогнозов некоторыми учеными, почти все они оправдались. Я надеюсь, что мои теперешние прогнозы будут столь же «удачны и правильны», как и те, что я делал раньше.

²⁷ *The Works of Plato*, Jowett Translation (New York; The Dial Press), pp. 308 ff.

²⁸ См. эти прогнозы в моей работе: *Dynamics*, quoted, все четыре тома, особенно Vol. III, Ch. 16 and Vol. IV, Ch. 17.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип²⁹

1. Три прогноза

Лидеры Запада уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому («свободное предпринимательство») типу общества и культуры. Напротив, лидеры коммунистических стран самоуверенно ожидают коммунистической победы в ближайшие десятилетия. В отличие от тех и других предсказаний, я склонен думать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть теперешнее угрожающее критическое положение, то доминирующим типом возникающего общества и культуры не будет, вероятно, ни капиталистический, ни коммунистический, а тип *sui generis*, который мы обозначим как интегральный тип. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим порядками и образами жизни. Он должен включать в себя большинство позитивных ценностей и быть свободным от серьезных дефектов каждого типа. Больше того, возникающий интегральный строй в своем полном развитии не будет, вероятно, простой эклектичной смесью специфических особенностей обоих типов, но объединенной системой интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности, существенно отличных от капиталистического и коммунистического образцов. Если человечеству не удастся избежать новых мировых войн и оно не сможет сегодня ослабить угрозу критических ситуаций, то его будущее станет проблематичным и мрачным. Таков вкратце мой прогноз альтернативного будущего человечества.

Мои главные основания для этого прогноза следующие три. Во-первых, в чистом виде оба строя, и капиталистический, и коммунистический, очень несовершенны и не могут удовлетворить потребность будущего человечества в достойной созидательной жизни. Во-вторых, оба строя работают только в особых условиях в особые периоды. В иных условиях и в иные времена они не работают и потому не нужны. В-третьих, за последние три десятилетия оба строя в западном и восточном блоках наций³⁰ все более и более теряли свои специфические

²⁹ Существуют германское, испанское и русское (сокращенное) издания этой главы. (В Российской Государственной библиотеке Русское издание отсутствует и о нем нет библиографических сведений. - *Прим. пер.*)

³⁰ В этой статье я ограничиваю свой анализ евро-американским континентом, сосредоточиваясь на переменах в Соединенных Штатах и России за последние сорок лет. В отношении Китая, где коммунистическая система находится еще во многом в своей первой, принудительной, фазе, я просто

черты и «заимствовали» и объединяли в себе характеристики друг друга. В этом смысле оба типа все более ослабевали и становились более подобны друг другу в своих культурах, социальных институтах, системах ценностей и образах жизни. Это означает, что оба типа, представленные примерами США и Советской России, переживают процесс объединения в промежуточный тип, отличный от коммунизма и капитализма.

Этот промежуточный тип в течение периода своего существования будет представлять собой эклектичную смесь характеристик обеих систем. Однако, если будет дано необходимое время для его мирного развития, он в конечном счете вырастет в единый интегральный социальный, культурный и личностный строй в человеческой вселенной.

2. Упадок реального капитализма

В этой главе я не собираюсь обсуждать в деталях первые два основания моего прогноза. Для моих целей достаточно сказать, что если бы капитализм был способен успешно удовлетворять крайне необходимые потребности современного человечества, он не пришел бы в упадок, как это произошло в ведущих капиталистических странах, и не встречал бы все возрастающего сопротивления для своего развития в так называемых «отсталых странах». Любая страна, и человечество в целом, если и отбрасывают какую-либо значительную ценность или институт - будь то политический, экономический или какой-либо другой -то редко, и постольку, поскольку эта ценность или институт реально служат удовлетворению насущных потребностей данного общества. Если, в нашем случае, от капиталистического социокультурного порядка все более отказываются даже в бывших ранее капиталистическими странах и заменяют его коммунистическим, социалистическим, государством всеобщего благоденствия, управляемой демократией, фашистским, нацистским, «корпоративным» и другими порядками, это означает, что капитализм все больше становится неудовлетворительным и несовременным. Этот вывод особенно очевиден на примере бывших капиталистических стран, таких как Германия, Англия, Франция, США и большинство западных стран, где отход от капитализма, начавшийся уже в

могу утверждать, что если бы китайскому коммунистическому порядку предоставить мирные условия для его свободного развития, в свое время он также испытает преобразование, существенно сходное с таковым в Советской России. Первая фаза любой насильственной революции, и особенно коммунистической революции, всегда преобладающе деструктивна, насильственна и бесчеловечно жестока. В конечном счете, если революция не подавлена, она переходит из деструктивной во все более конструктивную фазу. Преобладающе деструктивная фаза русской революции уже прошла, и сейчас она вступила в свою конструктивную фазу (к несчастью, прерванную второй мировой войной и очень отставшую в своем прогрессе из-за последовавших одна за другой горячей и холодной войн), в то время как китайская революция еще находится в конце своей деструктивной фазы и только вступает в конструктивный этап развития. См. об этих фазах в развитии практически всех великих революций: P. Sorokin, *Sociology of Revolution* (Philsdelphis, 1924) and in P. Sorokin, *Society. Culture and Personality* (New York, 1962). Ср. 31. Испанское издание этой книги озаглавлено *Sociedad, Cultura y Personalidad* (Madrid, 1960).

конце девятнадцатого столетия, часто инициировался самими лидерами этой системы (особенно теми, кто ввел «корпоративную экономику» («the corporation economy») и прогрессировал с того времени «естественно», имманентно, окончательно, без насильственных революций или военного принуждения со стороны иностранных армий. В настоящее время отход от капитализма зашел уже настолько далеко, что во всех евро-американских странах, включая США, подлинная «полнокровная» капиталистическая или «свободно-предпринимательская» («free-enterprise») система экономики превратилась лишь в один из секторов экономики этих стран, причем не всегда главный.

За последние несколько десятилетий, особенно начиная с 1914 года, бок о бок с этой «полнокровной» капиталистической системой, опиравшейся на «полнокровную» частную собственность, возникли и окрепли «экономика корпораций» и «экономика, регулируемая правительством» («the governmentally managed economy»), и та, и другая существенно отличаются от капиталистической системы. И с некоторыми колебаниями эти две системы экономики все более и более заменяют подлинный капиталистический экономический порядок. Чтобы сделать понятным последнее утверждение, нужно напомнить тот факт, что «полнокровный», классический, капитализм опирается на «полнокровную» частную собственность, которая означает право владеть, использовать, управлять и распоряжаться предметом собственности. В регулируемой правительством экономике чиновники не являются владельцами национальной собственности, которую они контролируют, владельцем является нация, а правительство выступает лишь распорядителем национальной собственности. Подобным образом, в корпоративной экономике совет директоров, который управляет, не является владельцем всей собственности большой корпорации; примерно в двухстах крупнейших корпораций США ни один из директоров не владеет даже пятью процентами собственности корпорации. Владельцами являются десятки и сотни тысяч держателей пакетов акций этих корпораций. Подавляющее большинство этих владельцев не руководит и не распоряжается собственностью корпорации. Эти функции выполняются советом директоров каждой корпорации, которые, подобно правительственным чиновникам, не являются ее собственниками. В регулируемой правительством и корпоративной экономике мы имеем базовое разделение «полнокровной» собственности: те, кто владеют, не управляют, те, кто управляют, не владеют. Это главное отличие от классического типа полного собственника, на которого опиралась капиталистическая система, делает регулируемую правительством экономику и экономику корпораций фундаментально отличными от классического капитализма (с которым - намеренно или нет - корпоративная экономика еще ошибочно идентифицируется, особенно корпоративными боссами, которые говорят о ней как о «свободном

предпринимательстве» или «капиталистической экономике»).

Практически во всех западных странах в последние десятилетия регулируемая правительством и корпоративная экономика систематически росли за счет «полнокровного» капитализма и, поскольку этот капитализм составляет уже незначительный сектор во всей экономике США и некоторых других западных стран, этот факт, как отмечалось выше, ясно свидетельствуют об упадке подлинно капиталистической системы.

3. Социальный закон флуктуации тоталитаризма и свободы

Несколько иначе то же самое может быть сказано о тоталитарно-коммунистической системе экономики. Под этим подразумевается система экономики, в которой частная собственность отменена; вся экономика страны «национализирована» и полностью регулируется правительством. Она является «централизованной», «плановой» экономикой, в которой правительство решает все вопросы регулирования производства, распределения, обмена и потребления экономических товаров. Коммунистическая система - просто разновидность этой тоталитарной системы экономики.

Эта система экономики появилась давно и не раз встречалась в истории человечества: при разных правительственных режимах и разных идеологиях в некоторые периоды Древнего Египта, особенно в Птолемеев период; в древней Спарте и Липаре; в Риме, особенно после 301 г. н.э.; в некоторые периоды Византийской империи; в древнем Перу; в некоторые периоды в Китае, Индии и многих других странах - упомянем лишь несколько выдающихся случаев. Она инициировалась и вводилась всеми видами правительств и при всех видах «приукрашивающих», «рационализирующих» и «освящающих» идеологий; египетскими фараонами, римскими и византийскими императорами, инками Перу, китайскими или европейскими самодержавными монархами, военными завоевателями; религиозными властями, такими как иезуиты в Америке, и многими монархистскими, республиканскими, демократическими, военными, социалистическими и коммунистическими правительствами. Не менее разнообразными были «идеологии», которые оправдывали, поддерживали, рационализировали и приукрашивали эту тоталитарную систему экономики и управления; все виды идеологий - религиозная, моральная, политическая, утилитарная, «националистическая», «экономическая», «социологическая» и другие начиная с традиционных египетских религиозных верований и культа фараона как Бога и кончая последними: коммунистической, социалистической, нацистской, фашистской, лейбористской, пентагоновской, государства всеобщего благоденствия и многими «диктаторскими» идеологиями - исполняли эту роль. Это означает, что коммунистическая система экономики и идеологии является только одной из многих разновидностей тоталитарных систем

экономики, идеологии и политического режима. В разнообразных формах они доминировали в прошлом и часто появлялись в последнее время.

Типы экономик, систем управления и идеологий во всех странах не являются чем-то постоянным, но непрерывно колеблются между полюсами тоталитарного и совершенно свободного режимов типа *laissez, passer, laissez faire*³¹ с минимумом правительственного контроля социальной жизни, взаимоотношений и поведения граждан. В течение чрезвычайного периода правительственный контроль может увеличиваться, и соответствующие системы экономики, управления и идеологий в разной степени подвергаются тоталитарной конверсии; в другой период в том же самом обществе масштаб и жесткость правительственной регламентации может уменьшаться, и его экономика, управление, идеологии и весь образ жизни детотализируются или реконвертируются в направлении свободной экономики, управления, идеологий и образа жизни.

Следует заметить, что в современной социологии существует даже генерализующая формула, которая удовлетворительно объясняет, как, когда и почему происходят эти колебания. Вот эта формула в упрощенном виде: всякий раз, когда в определенном обществе возникает значительный кризис в форме войны или угрозы войны, большого голода, большой экономической депрессии или опустошительной эпидемии, землетрясения или наводнения, анархии, беспорядков и революции или в виде какой-либо другой крупной критической ситуации, тогда масштабы и суровость правительственной регламентации неизменно увеличиваются, и экономика общества, политический режим, образ жизни и идеологии испытывают тоталитарную трансформацию; и чем сильнее кризис, тем значительнее эта трансформация. Напротив, каждый раз, когда сильный кризис в обществе уменьшается, масштабы и суровость правительственной регламентации уменьшаются, и экономические, политические, идеологические и культурные системы общества реконвертируются к мирным детоталитарным, менее регламентированным и более свободным образам жизни; и чем больше спадает кризис, тем больше свободная реконверсия. Я могу добавить к этому, что эти колебания - или тоталитарные конверсии и де-тоталитарная реконверсия к свободе - мало зависят от желаний правительств и случаются так же регулярно, как и колебания ртути в термометрах при изменениях температуры³².

В свете этого «социального единообразия» или «социального закона» понятно, почему правительственный контроль практически всех сфер социальной жизни неизменно усиливается в связи с внезапным началом войны или в связи с эпидемией, землетрясением, голодом,

³¹ *laissez, passer, laissez faire* – позволять действовать, позволять идти своим ходом (фр.) Лозунг физиократов.

³² Сравните: подробное обоснование этого единообразия и огромная масса подтверждающих доказательств см.: P. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics* (New York: 1962), Vol. 3, Ch. 7; сокращенное однотомное издание: *Dynamics*, chs. 29-30; P. Sorokin, *Man and Society in Calamity* (New York: E.P. Dutton & Co., 1942), Ch. 7.

социальными беспорядками или любой другой критической ситуацией. Между прочим, единообразием объясняется также регулярная и зачастую очень резкая тоталитарная конверсия «свободной, демократической» экономики и управления во время войны или других критических ситуаций. Далее, эта формула показывает, что различные тоталитарные трансформации систем экономики, управления и идеологий происходят отнюдь не редко, а напротив, довольно часто в истории практически всех народов.

Наконец, этот «социальный закон» также объясняет мое утверждение о том, почему коммунистическо-тоталитарная разновидность экономики, управления и образа жизни не может успешно удовлетворять жизненные и творческие потребности людей в хорошей жизни, свободной от безнадежных критических ситуаций, если завтрашнему человечеству суждено иметь такую хорошую жизнь. Коммунистическая и другие разновидности тоталитарной экономики, управления и образа жизни - это дети критических ситуаций -родителей. Это сильные, но опасные «лекарства», применяемые для противодействия безнадежной «кризисной болезни». В условиях этой «болезни» они иногда (хотя и не всегда) полезны в преодолении «болезни» и восстановлении нормального «здоровья» больного социального организма. Как только его здоровье улучшается, такое лекарство не только перестает быть необходимым, но даже становится вредным для общества. По этой причине оно постепенно отменяется и заменяется «нормальным» режимом социальной, культурной и индивидуальной жизни, свободной от чрезвычайной правительственной регламентации и других тоталитарных черт. И здесь мы получаем дето-тоталитарное возвращение к условиям мирного времени, которое регулярно происходит с ослаблением чрезвычайного положения, как показано в описанном «социальном законе» или «формуле единообразия».

Вывод из этого анализа по отношению к современным коммунистическим, «военным» (Пентагон), «нацистским», псевдодемократическим и всем другим «диктаторским» разновидностям тоталитарного строя таков: если в ближайшем будущем теперешние отчаянно критические ситуации (холодной и горячей войн, великой социальной смуты, исключительной бедности большей части человечества, смертельной радиации, перенаселения и др.) пойдут на убыль, то чем решительнее человечество отойдет от этих крайностей, тем больше следует ожидать упадка тоталитаризма. Если же взамен заметного спада современные продолжительные критические ситуации будут продлеваться или усиливаться в течение долгого времени, то коммунистические и другие разновидности тоталитаризма обязательно будут расти столь же долго, сколь будут продолжаться или расти критические ситуации. В конечном счете, продолжительные кризисы с их тоталитарными результатами могут привести человеческую расу к фатальной катастрофе и ограничить на долгое время, если не навсегда,

созидательную историю *Homo sapiens* на этой планете. Сильные затяжные критические положения, подобно тяжелой болезни, все больше подрывают здоровую и творческую жизнеспособность социальных организмов, и если не «залечить» их вовремя, они могут нанести фатальный вред и, в конечном счете, привести тяжело больные организмы государств, или даже все человечество, к бесславной смерти или к неизлечимой хронической агонии «нетворческой жизни в смерти». Если мы допускаем, что теперешние тяжелые кризисы могут ослабляться «нормальными», «некритическими» средствами и методами, то все формы современного тоталитаризма приговорены к упадку; если крайности будут продолжаться или увеличиваться, то ближайшее будущее принесет победу коммунистической и другим формам тоталитаризма. Если, после их победы, «опасно сильная терапия» не излечит тяжелые критические ситуации нашего века, то постоянная «жизнь в смерти» вырисовывается как судьба оставшейся в живых, лишенной иллюзий и тяжело больной части человечества.

4. Взаимная конвергенция США и Советской России

Никто не может предсказать с уверенностью, какая из этих альтернатив будет иметь место в будущем. Если человечество сможет избежать катастрофы мировой войны, то другие крайности можно будет исключить или уменьшить в большой степени. В этих условиях, по-видимому, будет возможен окончательный упадок всех форм тоталитаризма. Если катастрофы такой войны не миновать, тогда нет и шансов ликвидировать другие критические ситуации. В этих условиях следует ожидать временного триумфа разных форм тоталитаризма. До сих пор международные политики правительств противостоящих блоков государств не были успешными в ликвидации угрозы новой мировой войны и установлении продолжительного мира. И нет гарантий, что эти политики смогут изменить эту критическую ситуацию в будущем.

Если бы наши надежды в этом вопросе полностью зависели от политик существующих правительств, то будущее человечества было бы мрачным и неопределенным.

К счастью для всех нас, ход человеческой истории только отчасти зависит от политик правительств. В гораздо большей степени он определяется коллективными анонимными силами человечества - общностью действий и противодействий каждого человеческого существа, каждой человеческой группы, и в конечном счете, всего человечества. Если политики правительств противоречат ходу истории, который эти коллективные анонимные силы сознательно и бессознательно, в запланированной и незапланированной, в организованной и неорганизованной формах стараются реализовать, то в соответствующее время такие правительственные политики «аннулируются» и заменяются

политиками, содействующими этим коллективным силам. В этих условиях правительства часто «самораспускаются» и заменяются - организованным или насильственным путем - правительствами, которые проявляют волю и способность к реализации требований коллективных сил человечества или, если угодно, сил исторической судьбы или Провидения. Разногласие между ходом истории, продиктованным интересами человечества, и курсом правительств США и Советской России за последние сорок лет, особенно со времени прекращения военных действий, дает хороший пример исторической ситуации такого рода. Пока политические деятели обеих стран лихорадочно проводили политики взаимного поношения, вражды, горячей и холодной войны; пока они были заняты безумной гонкой вооружений и подготовкой самоубийственной мировой войны; пока оба правительства пытались навредить, дискредитировать и уничтожить друг друга всеми возможными способами; пока для этой цели в своей пропаганде они превозносили свои собственные добродетели и преувеличивали пороки другого правительства и необоснованно подчеркивали несовместимость ценностей и биологических, социальных и культурных различий между двумя правительствами и двумя народами; пока правительства содействовали этой политике войны, коллективные силы обеих стран, человечества и истории были заняты разного рода деятельностью, противоположной по своим задачам политикам обоих правительств, их политических деятелей и их «властных элит».

Вместо преувеличения якобы непримиримых различий в системе ценностей, социальных институтах, культуре и в образах жизни обеих стран, эти силы ослабляли и преуменьшали эти различия и делали обе страны более схожими друг с другом во всех этих сферах. Часто молча, но неотступно, эти коллективные силы постепенно устраняли несовместимость ценностей и реальных интересов обеих стран и строили мост для мирного сосуществования и сотрудничества. Вместо разделения обеих стран эти силы объединяли их в промежуточный тип, отличный как от чисто капиталистического, так и от радикально коммунистического типа. Обе страны все более заимствовали и адаптировали ценности, институты и культурные особенности друг друга. Эта конвергенция уже привела к тому, что в настоящее время обе страны гораздо больше похожи друг на друга - социально, культурно и в практических образах жизни - чем это имело место в начале русской революции³³.

Чистый результат этой конвергенции - последовательное

³³ Одна из крупных ошибок, ежедневно совершаемых воинственными политиками в их самонадеянных заявлениях, заключается в их представлении, что ни СССР, ни США не изменились за сорокашестилетний период с начала русской революции 1917 г. Американские политики все еще говорят о России на языке русской революции 1917-1920 гг. и русские политики говорят о Соединенных Штатах так же, как сорок или пятьдесят лет тому назад. Если бы эти политики проштудировали огромные изменения, которые произошли в Соединенных Штатах, Франции или Англии сорок шесть лет спустя после американской, Великой французской и кромве левской революций, они поняли бы большую ошибку, которую ежедневно совершают своими нелепыми высказываниями. Их критика, полностью применимая к любой из этих двух стран сорок шесть лет тому назад, совершенно не применима сегодня.

уменьшение и устранение практически всех аргументов для продолжения холодной или горячей войн, безумной гонки вооружений и политик вооруженной конфронтации. Конвергенция уже прогрессировала настолько, что в настоящее время нет причины, оправдывающей эти политики и взаимоотношения между двумя нациями. Если воинствующие политики будут продолжаться и если они в конечном счете приведут к новой мировой войне, единственными причинами такого рода катастрофы будут непростительная глупость, жадность, жажда власти и неверно понятые клановые интересы правительств, властных элит и подвергающихся «промыванию мозгов» масс в обеих странах. Нет уверенности, что эти слепые и иррациональные силы не будут временно превалировать в будущем, но если такая катастрофа случится, ее причины или мотивы нельзя квалифицировать как оправданные, рациональные и простительные.

Теперь давайте кратко подтвердим документами тенденцию увеличения сходства и взаимной конвергенции обеих стран в направлении смешанного промежуточного типа. Мы начнем это исследование с культурных ценностей, которые уже являются идентичными в обеих странах и свободными от какой-либо взаимной конфронтации по своему содержанию или функциям.

А. Естественные науки и технология

В начале коммунистической революции советское правительство хотело создать программу специфически «пролетарских» математики, физики, химии, технологии и биологии, более предпочтительных, чем «буржуазные» математические, естественные и технологические науки. После примерно трех лет безуспешных усилий реализовать эту цель нелепый проект был совершенно заброшен и русская наука и технология возобновили свое прерванное развитие как реальная наука и технология, чьи обоснования и утверждения были равно обязательны для коммунистов и антикоммунистов, для пролетариев и буржуа. В течение последних тридцати пяти лет научный и технологический прогресс в России был столь огромным и стремительным, что в настоящее время русская наука и технология продвинулись вперед так же, как и в любой другой стране, включая Соединенные Штаты. В некоторых областях они немного позади, в других продвинулись больше, чем наука и технология Запада. Но в общем, они достигли уровня развития науки и технологии большинства передовых стран Запада. И русская наука, и технология в своих принципах, утверждениях, теориях и методах те же, что и в остальном мире. Нет больше глупых разговоров о «пролетарской» и «буржуазной» науках и технологиях. Ученые, инженеры и изобретатели Запада и России говорят на одном и том же научном языке, хорошо понимают друг друга, и если их правительства предоставляют такую возможность, искренне сотрудничают друг с другом в развитии научных знаний и

технологического прогресса. Резюмируя, можно сказать, что в этой сфере нет конфликта, нет несовместимых интересов, нет существенного различия между двумя странами. Обе страны довольно схожи в этих сферах и находятся примерно на одном уровне развития. В нормальных условиях, без неоправданного употребления и злоупотребления научными и технологическими достижениями их правительствами и военными, обе страны получали бы взаимную пользу от своих научных открытий и изобретений. Это означает, что наука и технология как ценности не представляют никакой основы, никакой причины, никакого оправдания для продолжения воинственного противоборства ради «спасения науки и технологии от разрушения российскими (или американскими) варварами». Ученые обеих стран вполне успешно проявляют заботу о научном и технологическом прогрессе, особенно если им не препятствует правительственное вмешательство в их высоко значимых исследованиях.

В. Социальные и гуманитарные науки

Вот и здесь в начале русской революции коммунистическое правительство допускало интерпретации социальных феноменов только в рамках учения Маркса-Энгельса-Ленина по методу диалектического материализма. Все исторические, социологические, психологические, экономические, политические, этические и другие теории, которые противоречили или отклонялись от этого метода, были запрещены, их авторы зачастую преследовались, их труды нельзя было публиковать, и огромное число «контрреволюционных книг», опубликованных ранее, были изъяты из библиотек и уничтожены. Хотя диалектический материализм еще остается официальной доктриной советского правительства, тем не менее современная ситуация в области психосоциальных наук очень отличается от той, которая была в первые годы коммунистического режима.

Во-первых, советское правительство опубликовало миллионы экземпляров многих классических трудов дореволюционных ученых и социальных мыслителей, таких как труды великих русских историков В. Ключевского или труды выдающегося оппонента коммунистического правительства Г. Плеханова, труды выдающихся социальных мыслителей России - Белинского, Герцена, Чернышевского и многие другие дореволюционные труды и тексты и в социальных, и в психологических науках, которые имели мало общего с официальной догмой диалектического материализма.

Кстати, биологические, психологические и неврологические теории самого искреннего оппонента коммунистического режима Ивана Павлова стали сейчас краеугольным камнем многих биологических, неврологических, психологических теорий и практик советской биопсихосоциальной науки, образования и терапии. С другой стороны,

такие материалистические теории, как пансексуальные теории Фрейда, радикально отвергнуты современными советскими общественными психологическими и гуманитарными дисциплинами. (См. резкую критику и опровержение Иваном Павловым и другими советскими учеными Фрейда и выхолощенных фрейдовских теорий Э. Фромма, К. Хорни и Ф. Александера в «Вопросах философии» № 12, 1959, стр. 44-48, и других номерах этого журнала за 1958-1964 гг.)

Во-вторых, за последние два десятилетия русские ученые в этих областях опубликовали большое количество первоклассных работ по истории, психологии, психиатрии, этике и другим психосоциальным наукам, которые не следуют вообще линии диалектического или любого другого материализма. Эти работы были опубликованы с разрешения советского правительства правительственной печатью. В-третьих, кроме работ русских ученых и мыслителей, радикально отклоняющихся от официальной линии идеологий Маркса, Энгельса, Ленина, большое и быстро возрастающее количество немарксистских и нематериалистических исторических, экономических, психологических, психиатрических, политических, этических, юридических, социологических трудов иностранных ученых переводились и публиковались в Советской России в течение последних трех десятилетий. Например, мои собственные работы, прежде запрещенные в России, в последние годы были разрешены к импортированию туда в небольших количествах.

В-четвертых, хотя советская официальная социология еще остается социологией диалектического материализма, фактически под этим именем советские социологи развивают теории, которые в некоторых аспектах бывают более идеалистическими, чем многие господствующие теории Запада³⁴. Внимательно читая многие публикации советских социологов, я обнаруживаю, что по существу согласен с некоторыми из их теорий, принципов, методов и оценок. Будучи всегда очень критичным по отношению к основным принципам всех видов материалистической философии, я обнаруживаю сегодня в советской социологии, под

³⁴ Этот факт проявил себя как на четвертом конгрессе Международной Социологической ассоциации в Стреса (Stresa), Италия в 1959 г., так и в опубликованных докладах советских социологов об этом конгрессе и современной «буржуазной социологии» Запада. Советские социологи считают, что современная «буржуазная социология» пренебрегает великими социологическими системами девятнадцатого века, уклоняется от основных социальных проблем, изучает взамен незначительные, узкие проблемы коммерческих интересов различных деловых фирм, обслуживает, как служанка, бизнес-корпорации, лишена основных ценностей истины, добра и красоты, морально и социально нигилистична и цинична и, в основной своей массе исследований, в сущности, материалистична, гедонистична и утилитарна. Такой вид критики «буржуазной социологии», вместе с их собственными базовыми социологическим, этическим и философским принципами, привел на этот конгресс многих «буржуазных социологов» для того, чтобы сказать, что советская социология превратилась в более идеалистичную, чем многие социологии Запада. Любой социолог, который систематически следит за работой советских социологов не по поверхностным заявлениям, но по ее реальному содержанию, должен признать существенную корректность этого впечатления об идеалистических течениях в формально-материалистической советской социологии. См. доклады советских социологов о буржуазной социологии в советских журналах: *Вопросы философии*, № 12 (1959), стр. 72-86; также *Вестник истории мировой культуры* за 1958, 1959 и 1969 гг.

прикрытием официальной социологии диалектического материализма, целый ряд направлений «интегральной» или «идеалистической» социологической мысли.

Действительно, большинство советских социологов, психологов, экономистов и обществоведов еще ссылаются в своих работах на коммунистические «теологические» цитаты Маркса, Энгельса и Ленина. И на поверхностного читателя эти процитированные ссылки из трудов «коммунистических апостолов и отцов церкви» могут произвести впечатление, что ничего не изменилось в советских психосоциальных науках с начала русской революции. Однако, когда советских ученых спрашивали, чем объясняется их снисходительность в так называемых «теологических» вопросах, их ответ был: «Разве вы не заканчиваете все ваши письма «очень искренне» или «искренне Ваши»? И что вы реально имеете в виду в большинстве ваших писем? Не означают ли эти выражения просто следование принятой практике? Цитируемые нами ссылки означают только разновидность «искренне Ваши» и больше ничего». Этот ответ объясняет реальное значение цитирования советскими учеными.

В-пятых, даже коммунистические лидеры, подобные Хрущеву и другим, публично выражали свое несогласие со взглядами Маркса-Энгельса-Ленина по ряду таких важных вопросов, как неизбежность вооруженного конфликта между капиталистическим и коммунистическим мирами, и по другим теоретическим и практическим проблемам. Это официальное отклонение от ортодоксальной коммунистической догмы является дополнительным симптомом существенного изменения в советских психосоциальных науках.

В-шестых, в публичных, и особенно в частных встречах, советские и западные ученые в значительной степени уже нашли общий язык для обсуждения своих научных проблем и взаимопонимания друг друга. Наконец, особенно строгая критика советскими учеными «буржуазных» социальных и психологических наук за чрезмерную релятивизацию всех ценностей, моральный нигилизм, безудержный «физикализм», «крайний эмпиризм» и «позитивизм» и преследование, главным образом, материально-утилитарных интересов выражает тот же самый «скрытый идеализм» советской психосоциальной мысли. Следующие цитаты иллюстрируют эту точку зрения. Критикуя доклады западных ученых на IV Всемирном социологическом конгрессе, они отмечают, что доклад Р. Арона был «научно и морально нигилистичным», что «большая часть выступавших на секции социологии семьи, как правило, отказывалась от оценки излагаемых фактов и в особенности от моральной оценки ситуаций, возникающих в отношениях между членами семьи. Некоторые из этих социологов, пропагандирующих трезвое, свободное от иллюзий объективное исследование брачных отношений, по-видимому, не замечали, что они, по существу, смазывают различие между нравственным и аморальным. Вступая на путь абсолютного этического релятивизма, эти

социологи на деле отождествляют моральные нормы с догматами и, отвергая последние, утверждают, что к моральным действиям неприменимы такие понятия, как «право» или «неправо» (это-де юридические определения), «правильное» или «неправильное» (это-де логические определения)». Против такого рода атомизации всех ценностей выступили социологи СССР, Румынии и Польши, которые не только подвергли критике вышеуказанные концепции, но и противопоставили им марксистско-ленинское понимание семьи, неотделимое от основных принципов коммунистической этики³⁵. В отличие от вульгарного материализма, марксистский материализм ни в малейшей мере не умаляет значения нравственных мотивов в поведении личности³⁶.

Приведенные здесь семь групп фактов убедительно свидетельствуют о существенных переменах, происшедших в советских психосоциальных дисциплинах за сорок пять лет со времени русской революции. В настоящее время эти науки, несомненно, более свободны от жесткой марксистско-материалистической догмы, более «интегральны» или «идеалистичны», чем в начале коммунистического режима; по некоторым позициям они даже более «интегральны» или «идеалистичны», чем многие течения психосоциальных наук Запада. Ниже, при рассмотрении современных течений философской мысли в Соединенных Штатах и России, будут даны дополнительные доказательства для этих выводов.

Если за последние сорок пять лет психосоциальные науки в России испытали такие перемены, то в Соединенных Штатах (и на Западе) многие течения психосоциальной мысли развивались скорее в противоположном направлении, что нашло свое выражение в возникновении и росте марксистской, экономической, физикалистской, кибернетической, бихевиористской, рефлексологической, сексологической, биологической и других разновидностей материалистических интерпретаций человека, общества, культуры и ценностей в их структурных и динамических аспектах.

Едва ли приходится сомневаться в том, что за последние несколько десятилетий марксистская, фрейдистская, бихевиористская, кибернетическая, механистическая, физикалистская, натуралистическая, сексологическая (типа Кинси), рефлексологическая, биологическая, экономическая и некоторые формы количественных интерпретаций успешно вторглись в сферы американской психологии, психиатрии, социологии, антропологии, истории, экономики, политической науки, теорий этики, права, образования и других психосоциальных дисциплин. Если сравнить в каждой из этих дисциплин дюжину репрезентативных американских текстов начала этого столетия с современными

³⁵ Новая коммунистическая этика определяется как «этика солидарности, бескорыстной помощи и поддержки в борьбе за освобождение человека от ярма эксплуатации и угнетения». Эта этика противостоит этике буржуазного эгоистического индивидуализма: *Вопросы философии*, № 12(1959). С. 41-42.

³⁶ *Вопросы философии* № 12 (1959). С. 78-81; X? 8(1963). С. 13-36.

американскими текстами, сравнение ясно покажет рост этих течений психосоциальной мысли в США. Ранее я показал, что эти течения усиливаются в современных американских психосоциальных науках³⁷. И практически все эти течения в своих теориях, идеологиях и методах, по-видимому, так или иначе материалистичны.

Это не означает, что психосоциальные науки в США сейчас преимущественно материалистичны. Но это означает, однако, что за рассматриваемый период материалистические течения были здесь на подъеме и что теперешнее различие между советскими и американскими психосоциальными науками заметно меньше, чем это было в 1917-1925 годах. Эти дисциплины в обеих странах сближались в направлении промежуточной позиции, отличной от той, в которой они находились сразу после коммунистической революции.

С. Философия

Многие евро-американские политики, журналисты, министры и профессора осуждают материалистическую философию Советской России и подчеркивают непреодолимый контраст между нею и преобладающими нематериалистическими философиями Запада. Если эту проблему рассматривать поверхностно, без серьезного анализа реального характера советской философии диалектического материализма, это осуждение и излишнее подчеркивание различий между советской и евро-американской философской мыслью покажется правильным. Если, однако, мы серьезно будем изучать направленность сегодняшнего советского диалектического материализма и главные течения современной западной философской мысли, эти «правильные» выводы покажутся весьма некорректными. Да, официальная советская философия – это все еще марксистско-ленинский диалектический материализм. Но понимают ли обвинители, что его сегодняшние советские защитники неоднократно предостерегали от смешения его со всеми видами «вульгарного материализма»? Знают ли критики, что даже в ленинском «Материализме и эмпириокритицизме», опубликованном пятьдесят лет назад, и особенно в сегодняшних комментариях советских философов к новому изданию этой работы сама концепция материи (*matter*) определяется таким образом, что если вы заменяете «материю» в этой дефиниции гегелевским «духом» (*Geist*), то дефиниция подойдет к этому духу (*Geist* (или *Spirit*)) так же, как к материи (*matter*)! «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»³⁸. Спонтанное непрерывное движение или

³⁷ См.: P. Sorokin, *Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences* (Chicago, 1956), испанское издание под названием: *A Chaques y Manias de la Socio/ogia Moderna* (Madrid, 1957), французское издание под названием: *Tendances el deboires de la Sociologie Americaine* (Paris, 1959).

³⁸ Ленин В.И. *Собр. соч.*, т. 14, с. 117.

изменение является неотъемлемым и неотчуждаемым свойством этой реальности. «Мир есть вечно движущаяся и развивающаяся материя». «Она содержит потенциалы ощущений, рефлексий и сознательной мысли, которые *актуализируются* в ее диалектическом развитии»³⁹. Короче говоря, ленинская концепция материи мало отличается от гегелевской концепции непрерывно и диалектически саморазвивающегося объективного духа, познающего себя в диалектическом процессе становления духа «в себе», «в его инобытии» и «в себе и в инобытии» (тезис, антитезис и синтез). Поскольку Маркс и Ленин адаптировали и приняли практически всю структуру гегелевской философии, мы не должны удивляться, обнаруживая, что различие между гегелевской философией «объективного идеализма» и марксистско-ленинской философией «диалектического материализма», главным образом, терминологическое. Фактически разными терминами - дух и материя (*Geist* и *matter*) - Гегель, Маркс и Ленин обозначали, по существу, одну и ту же реальность и приписывали ей почти одинаковые свойства и диалектический процесс самопознания. Если рассматривать диалектический материализм с такой точки зрения, то он не кажется столь ужасным, столь отличным и столь контрастным по сравнению с гегелевской и другими разновидностями объективного идеализма в западной философии.

В высказываниях современных советских философов «скрытый идеализм» диалектического материализма и его сходство с объективным идеализмом проявляются еще более очевидно. Подобно объективному идеализму, диалектический материализм утверждает, что материя, подобно гегелевскому духу, существует как объективная реальность независимо от любых построений человеческого разума, что эта реальность познаваема через наши ощущения, восприятия и представления; подобно Св. Фоме Аквинскому, эти философы доказывают, что критерием истинного познания реальности является адекватность наших представлений о ней с ее объективными свойствами (*adequatio rei et intellectus*⁴⁰ св. Фомы); более того, наши представления не просто обозначения, лишенные какого-либо общего смысла, но они «реальны» и предполагают понимание основных свойств объективной реальности. В этих важных положениях диалектический материализм оказывается сходным с философским реализмом Платона, Св. Фомы Аквинского, Гегеля и другими разновидностями философии объективного идеализма, и совершенно противоположен всем формам философского номинализма, включая «конструктивистские философии» – «как бы» или «*als ob*»⁴¹, прагматизм, позитивизм, агностицизм, логический позитивизм, экзистенциализм, солипсизм, крайний эмпиризм, скептицизм, релятивизм

³⁹ Там же, т. 14, с. 124. См. также Ф.Т. Архипцев». Понятие материи», *Вопросы философии*, № 12, стр. 143 ff.

⁴⁰ *adequatio rei et intellectus* – единство мысли и дела (лат.).

⁴¹ *als ob* – «как если бы» (нем.). Понятие, введенное И.Кантом.

и другие виды преимущественно «критических» (в том смысле, который придавали Юм-Кант), скептических, агностических, номиналистических и «субъективных» философий Запада»⁴².

Кроме того, диалектический материализм сегодня открыто допускает категорию абсолютного (стандарты истины, добра, красоты и других ценностей) наряду с категорией относительного, так как, чтобы быть значимыми, эти понятия нуждаются друг в друге и так как, согласно диалектике, «категория относительного потенциально включает в себя категорию абсолютного. Будучи противоположными друг другу, в то же время эти категории взаимно проникают и взаимно переходят одна в другую». (В утверждениях такого рода легко увидеть гегелевское «тождество противоположностей», «отрицание есть утверждение» и другие положения гегелевского диалектического идеализма.).

Строго придерживаясь метода диалектической логики, некоторые советские диалектические материалисты по ряду важных философских проблем, касающихся понимания истинной реальности как *coincidentia oppositorum*, или философии томизма и платонизма, иногда развивают теории, близкие философии подлинного мистицизма типа Августина-Эриугены-Николая Кузанского. Эти тенденции объясняют, почему в трудах советских философов такое большое внимание уделяется сложным проблемам гегелевской философии (таким как «отрицание отрицания») или трудам некоторых современных (бельгийских, французских или германских) католических неотомистов. Намеченные в общих чертах характеристики советского диалектического материализма объясняют также его негативное отношение к агностической, «критической», релятивистской, «беллетризированной» или «конструктивистской» (типа «как бы» или *«als ob»*), номиналистской, «вульгарно материалистической», «скептической», «крайне эмпиристской» философиям Запада.

Короче, господствующая советская философия диалектического материализма содержит в себе множество «скрытых идеалистических элементов». Несмотря на использование ею материалистической терминологии, она намного ближе к философиям объективного идеализма Платона-Аристотеля-Эриугены – Св. Фомы Аквинского-Кузанского-Гегеля, чем к любым разновидностям «вульгарного материализма»⁴³. Во многих отношениях советская философия менее материалистична, или более идеалистична, чем скептицизм, агностицизм, крайний эмпиризм и релятивизм, прагматизм, логический позитивизм, инструментализм, экзистенциализм, конструктивизм, натурализм и физикализм в современной западной философии. В течение примерно сорока пяти лет

⁴² Сравните: П.В. Таванец «Об истинности понятий». *Вопросы философии*, № 12 (1959), с. 110 и далее.

⁴³ В 1962 г. было опубликовано 948 книг по философии, всего в количестве пятнадцати миллионов экземпляров. Среди них четырнадцать томов Гегеля в 30 000 экземпляров, шесть томов Канта, Аристотеля, Спинозы, Гоббса, Юма и многих других философов тиражом от 15 до 30 тысяч каждый. См. об этом подробно в статьях Калтахчана, Петрова, Курсанова и др. в журн.: *Вопросы философии*. 1963. № 8, С. 58-73.

после русской революции эти «идеалистические черты» все более проникали в советскую философию диалектического материализма. Поэтому нет реальных оснований бояться исчезновения идеалистической философии под влиянием диалектического материализма; и вообще нет причины, которая могла бы оправдать различные кампании по искоренению «атеистической и материалистической» советской философии. В ее настоящей форме она уже более идеалистична, чем идеологии многих участников этих кампаний. Предоставленная собственному имманентному развитию, философская мысль России в форме диалектического материализма и появляющихся все больше нематериалистических философий продвигалась и, вероятно, продолжает двигаться в направлении различных форм идеалистической, «интегральной» и других разновидностей философского знания.

Если официальная советская философия внешне кажется преимущественно материалистической, то «официальная американская философия» внешне выглядит чрезвычайно идеалистической и антиматериалистической. Наши политики, торговая палата, многие министры, наша популярная пресса, радио и телевидение [США] неумолимо осуждают «атеистические и материалистические» Советы и все разновидности материалистических философий и идеологий.

Если, однако, кто-то будет изучать эту проблему более серьезно, то это впечатление подвергнется значительному изменению. Главное, что обнаружится в результате такого изучения, состоит в том, что материалистические философии и идеологии занимают значительное место среди всех философий и идеологий этой страны. Во-первых, среди американских профессоров философии существуют приверженцы марксистской диалектики и других форм философского материализма. Во-вторых, большинство американских академических философов принадлежат к школам философии, которые едва ли могут называться идеалистическими, рационалистическими или «интегральными». Они содержат много черт, свойственных скорее материализму, чем нематериалистическому мировоззрению. Инструментализм, прагматизм, натурализм, физикализм (как имитация философии естественных наук), некоторые формы эмпиризма и позитивизма, бихевиоризм, утилитаризм, агностицизм, скептицизм, фрейдизм и психоанализ (взяты как философская система), атеистический экзистенциализм, религиозный квантитативизм, крайний релятивизм и социальные философии экономической, сексологической, эндокринологической, рефлексологической, инстинктивистской и тому подобных интерпретаций человека и социокультурного мира могут служить примерами этого типа философии, проникнутой материалистическими, механистическими, номиналистическими, релятивистскими и подобными чертами.

В-третьих, материалистические идеологии в их вульгарной форме, особенно в их экономической разновидности, являются любимыми

философиями многих торговых палат, деловых корпораций, политиков, журналистов, профессоров, педагогов и многих других групп - как «высоко-», так и «низколобых». В своих публичных выступлениях они часто демонстрируют свою преданность высокоидеалистическим философиям и ценностям; в своей повседневной деловой активности, выступлениях и объяснениях они следуют фактически целям, идеологиям и ценностям материалистического, коммерческого, ориентированного на получение выгоды характера, противоречащего их напыщенной идеалистической пропаганде. В своих «социальных и экономических философиях» они, вероятно, являются наиболее энергичными пропагандистами вульгарных экономических и материалистических интерпретаций человека, человеческого поведения и социологических фактов и ценностей. Такие идеологии называются ими «реалистичными» и «практичными», по контрасту со всеми идеалистическими философиями, которые они иронически титулуют «утопическими» и «нереалистичными».

В-четвертых, значительная часть рядовых американцев также пропитана «практическим материализмом» в форме чрезмерной погони за материальными ценностями благополучной комфортабельной жизни, чувственными удовольствиями и т.п.

Эти и другие формы материализма занимают довольно большое место в американском философском, социальном, экономическом, политическом и этическом мышлении и поведении, в американской системе ценностей и социокультурной жизни. По этой причине только совершенные идиоты или бессовестные лицемеры могут утверждать, что американский (или любой другой западный) народ свободен от «материалистической скверны», совершенно идеалистичен и свят, и, как таковому, ему дано право совершить «священный крестовый поход» против «атеистического материализма» Советской России или Китая.

Наряду с этими материалистическими течениями, существует огромный фонд идеалистической, рационалистической, «интегральной» и нематериалистической философий, ценностей, форм поведения, культурных и социальных институтов, частной и общественной деятельности в американской социокультурной жизни. В академической философии этот фонд представлен некоторыми объективными и субъективными идеалистическими философиями и такими течениями философской мысли, как критический реализм, неотомизм, феноменологизм, интуитивизм, неоведантизм, неодаосизм, интегрализм, неогегельянство, неоплатонизм, мистицизм и другие нематериалистические философии. В религиозной жизни практически все ортодоксальные теологические философии - христианская, индуистская, буддистская, иудаистская, магометанская, даосистская и другие являются идеалистическими. Они представляют философии масс населения. В социальной и культурной жизни идеалистические и нематериалистические силы проявляют себя в тысячах форм, начиная с множества социальных

движений и актов великодушия величайшего масштаба, вдохновленных высокими бескорыстными и идеалистическими мотивами, и кончая многими социальными институтами и культурными ценностями, служащими благороднейшим идеалам Истины, Добра и Красоты.

За последние несколько десятилетий и материалистические, и нематериалистические течения, по-видимому, были поглощены безжалостной идеологической, социальной и культурной борьбой за доминирование на американской сцене. Никто не может быть уверен, кто из соперников приобретает и кто теряет в этой борьбе. Но один результат, по-видимому, имеет место, а именно отказ от крайних форм в каждом течении, сближение значимых компонентов каждого направления и их преобразование в определенный тип «идеалистическо-материалистической» или «интегральной» философии.

Практический вывод этого обзора состоит в том, что в области философии реальное различие между советской и американской философией гораздо меньше, чем обычно думают. И если будут рассматриваться все виды философий - академическая, «официальная», популярные философии масс, «практические» философии повседневной жизни, философии, воплощенные в социальных институтах, культуре, социальных движениях, системах ценностей и поведении людей - никто не сможет вынести надежный вердикт о том, какая из наций является более идеалистичной или материалистичной. Поскольку идеалистические и нематериалистические течения, по-видимому, усиливаются в Советской России, даже в официальной философии диалектического материализма, и поскольку все возрастающее «сближение» этих течений происходит и в Соединенных татах, обе страны, по-видимому, приближаются к промежуточной - интегральной - философской позиции и становятся более близкими друг другу в этой важной области.

Д. Этика и криминальное право

Признанные этические системы и действующие кодексы законов обеих стран в настоящее время существенно похожи друг на друга⁴⁴. Основные этические предписания обеих стран превозносят принципы бескорыстной любви, взаимопомощи и другие моральные заповеди, записанные в этических кодексах практически всех религий и моральных систем. Главные различия в этой области можно суммировать следующим образом: (1) Советская этическая система рассматривает эти **предписания как обязывающие и обязательные (или как «категорические императивы»)** на основе их самоценности и необходимости для благополучного существования человека, общества и человечества, а не потому, что они рекомендованы Богом или сверхчеловеческими

⁴⁴ См.: П.М. Егидес, «Марксистская этика о смысле жизни», и Л.Н. Митрохин, «Проблемы человека в марксистской интерпретации», в журн.: *Вопросы философии*, 1963, № 8. С. 13-36.

авторитетами. В США сдерживающая сила этих предписаний все еще в значительной степени опирается на религиозные основания, рассматривающие их как заповеди Бога. (2) Советская этика подчеркивает некий более абсолютный, универсальный и вечный характер этих предписаний в сравнении со светской этикой (в противоположность абсолютистской религиозной этике) Соединенных Штатов, особенно в ее утилитарной и гедонистической разновидности. В этих ответвлениях этики ее ценности и предписания рассматриваются просто как полезные соглашения между людьми, которые относительно и могут изменяться в зависимости от обстоятельств. Эта релятивизация этических ценностей в ответвлениях американской этики сурово критикуется советскими этическими мыслителями и часто характеризуется как чрезмерная атомизация моральных ценностей, равносильная иногда полному моральному нигилизму и цинизму. (3) Что касается вопроса о том, в какой степени предписания не только проповедуются, но и применяются русскими и американцами, то на этот вопрос нельзя ответить определенно. Наиболее вероятный ответ таков, что большей частью нет существенного различия между странами: часть их населения следует тому, что проповедует; другая часть иногда осуществляет это на практике, иногда нет; и наконец, в обеих странах всегда имеется меньшинство, которое открыто отрицает эти заповеди или лицемерно признает, не применяя их в сколько-нибудь значительной степени. Нет веских оснований утверждать, что этически одна из этих стран святая, а другая - грешная.

Подобно этическим системам, современные кодексы уголовного права в обеих странах также существенно схожи друг с другом. Они запрещают (и наказывают) практически одни и те же преступления - убийство, государственную измену, кражу, воровство, изнасилование, непристойность и т.д. - против личности, государства, собственности, нравственности и общественной безопасности. Существуют, конечно, второстепенные различия в отношении некоторых действий, считающихся уголовными в одном кодексе и неуголовными в другом, и в отношении строгости наказания и судебных процедур, но они едва ли превосходят различия в уголовных кодексах западных стран. Возможно, наиболее важное различие между преступностью двух стран состоит в том, что, согласно официальной уголовной статистике, преступления в России совершаются реже, чем в США, и, соответственно, уровень преступности в России по большинству преступлений (исключая политические преступления против правительства и государства) ниже, чем в США.

Итак, если сразу после коммунистической революции имелись заметные различия этических и правовых кодексов двух стран, то к настоящему времени они во многом стерлись, главным образом, вследствие перемен в советском праве и морали, происшедших за сорок пять лет. Каждая из этих стран, как и все другие, может иметь

собственную позицию и при этом крайне нуждаться в существенном улучшении морального климата и поведенческих норм, однако такое улучшение возможно только благодаря доброй воле народов, а не путем военной угрозы и войны.

Е. Образование

В настоящее время в этой области нет между двумя странами ни значительных противоречащих ценностей, ни различий, которые оправдывали бы их враждебность друг к другу. По грамотности (100%), развитию школьной системы и массового образования Советская Россия вышла на уровень образования в США. Члены Российской Коммунистической партии сейчас так же хорошо образованы, как и представители американской правящей элиты. В 1928 г. среди членов Коммунистической партии насчитывалось только 6000 с университетским и средним образованием. Сейчас их около 2.000.000. В 1928 г. Россия имела только 521.000 техников и специалистов. Сейчас их около 6.400.000.

В настоящее время в России насчитывается около 30.000.000 учащихся начальных и средних школ, около 2.000.000 - в технических училищах и примерно 2.200.000 - в университетах и специальных высших учебных заведениях. Остальные различия носят скорее взаимодополняющий, чем несовместимый характер.

Фактически, обе страны уже заимствовали отдельные черты системы образования друг друга. Из существующих различий, может быть, наиболее важными являются два, а именно: в России, по-видимому уделяют больше внимания образованию и становлению характера учащихся (наряду с развитием их интеллекта), нежели в США; и российская система образования более привержена к «коллективистскому или семейственному» духу и отношениям (не слишком подавляя индивидуальности учащихся), тогда как система образования США больше поощряет дух и отношения индивидуализма (не превращая его в массовый эгоизм). Далее, отбор и поступление учащихся в студенты университета в России кажутся более строгими и больше учитывающими их личные успехи, чем в США, где многие студенты учатся в колледже или в университете лишь потому, что «посещать колледж» стало модным, а также потому, что американский высший и средний класс «может позволить себе» посылать туда своих детей. В России строгий отбор на основании личных успехов учащихся сочетается с гарантированным для всех способных студентов предоставлением государственных стипендий и привлечением к исследовательской работе. Это дает способным учащимся из бедных классов России повышенные возможности стать студентами университета и впоследствии занять важные высокие и средние должности - профессиональные, правительственные или «административные». Однако и эти, и другие различия в системах образования двух стран

вторичны и временны: каждая страна в настоящее время тщательно изучает систему образования другой и не стесняется адаптировать ее ценностные черты, либо исправлять какой-либо дефект своей собственной системы образования, используя опыт другой страны. Фактически в этой области дух взаимного сотрудничества, взаимодополнения и здорового соперничества уже побеждает дух враждебной несовместимости, все еще поддерживаемый некоторыми близорукими политиками и «участниками кампаний» в эгоистических интересах.

Р. Спорт и отдых

До революции американские разновидности спорта - хоккей, американский тип футбола, бейсбол, баскетбол, волейбол, гольф, сквэш и другие - практически не существовали в России. Другие формы спорта, такие как теннис, футбол (*soccer*), лыжи, плавание, коньки, и т.д. практиковались только как разновидность индивидуальных, домашних упражнений, не представляя большого интереса для региональных, национальных или международных соревнований. До революции профессиональный спорт играл в России небольшую роль, и в международных спортивных соревнованиях Россия не принимала участия.

В настоящее время ситуация совсем другая. В течение сорока пяти лет со времени революции все разновидности американского спорта широко распространились в России. Спорт играет сейчас важную роль, интенсивно развивается, частично принял профессиональный и соревновательный характер, и в результате Россия выступает на международной арене, в особенности на Олимпийских играх, где победы российских команд сделали Россию непревзойденной в этой области. Это означает, что в культурном плане сегодняшняя Россия имеет больше сходства с Соединенными Штатами (и с другими западными странами), чем это было до революции. С другой стороны, несколько удивленные успехами России в международных спортивных соревнованиях, США и другие западные страны удвоили усилия в совершенствовании своих команд, в очищении спорта от коррупции и в избавлении своих национальных атлетов от чрезмерного давления различных коммерческих интересов. Короче, и здесь мы отмечаем сближение обеих стран ради взаимной пользы и развития.

С. Изыщные искусства

В начале коммунистической революции правительство старалось развивать «пролетарские изящные искусства». В соответствии с этим величайшего поэта России Пушкина называли «глашатаем вырождающейся аристократии», запретили некоторые труды Достоевского, Толстого и других русских писателей, запретили также представления таких

музыкальных шедевров, как «Марш славянки» и увертюру «1812 год» Чайковского, несколько опер Римского-Корсакова и Глинки, и в других отношениях пытались сдерживать, подавлять и умалять многие другие достижения русских и иностранных «буржуазных» изящных искусств. Потерпев полный провал в этом нелепом предприятии, советское правительство отказалось от него, и с конца 1920-х годов радикально изменило свою политику по отношению к искусству. В настоящее время все предшествующие достижения русской литературы, музыки, драмы, живописи, скульптуры и архитектуры прославляются больше, чем когда-либо прежде. Их создателей превозносят как великих гениев. Их труды публикуются в миллионах экземпляров, репродуцируются, исполняются и популяризируются всеми доступными средствами коммуникации. Ныне живущие писатели, композиторы, художники, скульпторы и живописцы, наряду с учеными и преподавателями, стали - как с точки зрения их социального престижа, так и экономического стандарта жизни - новой советской аристократией.

Подобная же перемена произошла в отношении нерусских изящных искусств и их творцов. Если до революции Россия переводила литературные шедевры иностранной классики, возможно, больше, чем какая-либо другая страна, то теперь эта традиция была полностью восстановлена и даже получила широкое развитие. Следующая статистика книг, опубликованных в 1956 г. в Советской России, дает точную картину описанной ситуации. В 1956 г. в России было опубликовано 59.000 названий, всего в 1.107.000.000 экз., не считая журналов и периодики. Это примерно пять книг на человека, количественно значительно больше, чем в любой другой стране. Из всех опубликованных произведений литературы первое место занимают книги старых русских классиков; второе место - произведения иностранных классических и выдающихся авторов, произведения современных советских писателей занимают последнее место.

Подобная же ситуация и в других областях изящных искусств. В Советской России знают и ценят не только русские шедевры и их создателей, но и иностранных мастеров и их произведения. Гомер, Софокл, Данте, Шекспир и другие в литературе; Фидий, Пракситель, Микеланджело в скульптуре; Бах, Моцарт и Бетховен в музыке - почитаются в России так же, как и в любой другой стране.

Что касается взаимоотношений между Россией и Америкой в сфере изящного искусства, то широко распространенный обмен и сотрудничество между этими странами существовали даже до революции, особенно в области литературы, музыки и драмы. Великие русские писатели Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов и другие были хорошо известны в США и даже оказывали глубокое влияние на американских писателей. Это верно и в отношении русской музыки Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, Глинки, Рахманинова и других

известных русских композиторов. Русское балетное и театральное искусство, представленное Московским Художественным и другими театрами, высоко ценилось и даже оказало влияние на американский балет и драму.

С другой стороны, Марк Твен, Эдгар Аллан По, Уолт Уитмен, Джек Лондон и другие американские писатели были хорошо известны и популярны как в России, так и в Соединенных Штатах. Современная американская архитектура высоко оценивалась в России.

Хотя это важное плодотворное сотрудничество было прервано в период первых послереволюционных лет, сейчас оно полностью восстановлено и быстро растет. Помимо обмена выдающимися артистами, симфоническими оркестрами, театральными труппами, балетами и танцовщиками, музыка современных советских композиторов - Шостаковича, Хачатуряна, Кабалевского, Прокофьева, Хренникова, Мясковского, Глиэра и других - вполне дома в Соединенных Штатах, так же как музыка современных американских композиторов - Харриса, Пистона, Гершвина, Копленда, Бернстайна, Хансена, Блока и других - дома в России. В области литературы произведения современных американских писателей, таких как Синклер Льюис, Теодор Драйзер, Хемингуэй, Фолкнер, Стейнбек, О'Нил и других, переводятся и широко читаются в России, и в то же время произведения современных русских писателей, таких как Пастернак, Шолохов, Леонов, Дудинцев, А. Толстой и другие, известны американским читателям.

Примерно то же можно сказать и о других видах изящных искусств, особенно об американской архитектуре и об искусстве кино и телевидения. Все возрастающее взаимное обогащение искусств Америки и России приносит пользу обеим странам. В этой области нет ни малейших оснований для какой-либо враждебности между двумя нациями.

Н. Религия

В этой области ценности и интересы обеих стран многими участниками кампаний за религию или за атеизм декларируются особенно конфликтно и непримиримо. В США мы ежедневно слышим осуждение «безбожного атеизма» Советов во имя нашей веры в Бога и во имя вверенной Богу нации. Аналогично этому, в Советской России по-прежнему, во имя науки, отстаивается точка зрения в поддержку атеистической пропаганды, против всяческих религиозных предрассудков, невежества и эксплуатации масс при помощи «опиума для народа». В первые несколько лет после коммунистической революции этот вид конфликта между атеизмом и религией проявлялся очень сильно. В эти годы коммунистическое правительство проводило чрезвычайно воинственную атеистическую пропагандистскую кампанию против всех религий; сурово преследовали, лишали прав, заключали в тюрьмы, казнили

многие тысячи епископов, священников и верующих; конфисковывали собственность религиозных организаций; превращали церкви и храмы в коммунистические клубы и склады; препятствовали публичным религиозным процессиям и проповедям; словом, велась фанатичная борьба фактически против всех религий и верующих. Главной мишенью такой политики была так называемая антикоммунистическая «реакционная» и «контрреволюционная» пропаганда, а также политическая деятельность религиозных иерархий, лидеров и организаций.

По разным причинам преследования и антирелигиозная война советского правительства к концу 1920-х годов значительно смягчилась, и с некоторыми колебаниями эта тенденция сохранилась до сих пор.

Сегодня религиозная ситуация в Советской России в целом заметно отличается от той, что была в начале коммунистического режима. Произошло столь много и столь значительных перемен, что от непримиримости и противоположности между Советами, Соединенными Штатами и официально христианским Западом, которые без особых оснований утверждают первые - свой атеизм, другие - свою религиозность, ничего не осталось.

В Советской России религиозное - *quia*⁴⁵ религиозное - преследование практически прекратилось. Взамен Конституция Советов провозгласила религиозную свободу неотчуждаемым правом каждого индивида. Если кого-то иногда подвергают гонениям за какое-то преступление или политическую деятельность, связанную с религией, или если политика Советского правительства вступает время от времени в конфликт с политикой Ватикана или других религиозных организаций, то судебные преследования и конфронтация такого плана обусловлены сегодня не столько религиозной нетерпимостью советского правительства, сколько антисоветской, иногда даже антирусской секулярной политической деятельностью католической церкви и других религиозных вероисповеданий. На это может быть ориентирована как политика какого-либо вероисповедания в целом, так и деятельность отдельных лиц. К несчастью, некоторые религиозные иерархи и организации продолжают упорно проводить политику, враждебную советскому режиму и зачастую русскому народу.

Автономия русской православной церкви, протестантского, католического, магометанского, иудаистского и других вероисповеданий в религиозных вопросах установлена юридически и фактически. Более того, главные расходы русской православной церкви и ее патриархии оплачиваются советским государством. Оно субсидирует большую часть расходов администрации русской православной церкви, расходы на изготовление предметов религиозного ритуала и культа, на обучение священников, печатание религиозных книг и других публикаций. Государство также оказывает финансовую поддержку персоналу

⁴⁵ *quia* – как бы (лат).

религиозных организаций и т.д.

В настоящее время в России открыты и функционируют тысячи церквей; по крайней мере, десять богословских школ русской православной церкви с 1600-ми студентами, готовящимися стать священниками русской православной церкви; около 20.000 церковных приходов с 35.000-ми священников, выполняющих свои религиозные обязанности; около 650-и монастырей с 5000-ми монахов и монахинь; всего, согласно доступной статистике, русская православная церковь насчитывает сегодня приблизительно 50.000.000 членов (около 20% русского населения). Протестантские вероисповедания насчитывают около 5.000.000 членов. Баптисты протестантского вероисповедания особенно упрочились в течение двух последних десятилетий и имеют 5400 культовых зданий с 600.000-ми членов. Существует больше тысячи мусульманских и 1240 католических церквей. (Даже в предреволюционной России количество членов католической церкви было сравнительно небольшим. Отчасти это было обусловлено неудачной политикой Ватикана, которая зачастую бывала враждебна жизненным интересам русского народа. Обусловленное той же враждебной политикой Ватикана по отношению к советскому режиму -и время от времени к русскому народу, - членство в католической церкви слабо росло, но все еще остается небольшим по сравнению с членством в русском православном и протестантском вероисповеданиях.)

Приведенные факты дают представление о религиозной ситуации в России в настоящее время. Из государства, которое в начале революции вело атеистическую борьбу против всех религий, Россия превратилась сейчас в государство религиозной терпимости и свободы, и в этом отношении мало отличается от западных стран, включая Соединенные Штаты⁴⁶.

Я предвижу ряд горячих возражений на эти умозаключения. Разве атеистическая пропаганда все еще не поддерживается и даже не субсидируется в России советским правительством? Да, возможно, она еще поддерживается и субсидируется Советами, хотя намного меньше, чем раньше. Но не подразумевает ли право на религиозную свободу также и право быть атеистом? Если советское правительство субсидирует русскую православную церковь, то это не нарушение религиозной свободы, пока оно находит целесообразным поддерживать и атеистическое «вероисповедание», которое, как мы увидим, довольно значительно во всех западных странах. И разве атеисты Запада не свободно проводят свою антирелигиозную пропаганду и их деятельность не субсидируется из

⁴⁶ В этом отношении эволюция русской революции типична для большинства великих революций. Начиная с древнейшей исторически зафиксированной египетской революции (примерно в 3000 г. до Р.Х.) и кончая кромвелевской революцией в Англии и Великой Французской революцией, большинство великих революций проводило воинственное преследование господствовавших религий в своей первой деструктивной фазе и последовательно заменяло его политикой терпимости и некоторой свободой в их конструктивной фазе. Сравните: P. Sorokin. *Sociology of Revolution, and Man and Society in Calamity*.

различных источников, частных, а иногда даже общественных? Таким образом, с этой точки зрения между Россией и Западом, включая Соединенные Штаты, нет существенных различий.

Но, продолжают оппоненты, не является ли число атеистов в России неизмеримо большим, чем в западных странах? Ответ на этот вопрос зависит от того, что мы подразумеваем под «атеизмом». Если это означает неверие в догмы каких-либо институционализированных религий, особенно неверие в антропоморфного персонального Бога, то такие религии, как ранний буддизм и многие формы религиозного мистицизма, должны рассматриваться как атеистические⁴⁷.

Если под атеизмом подразумевается неверие в основные догматы главных христианских вероисповеданий, то остается неизвестным, где – в России, или в западных странах, включая Соединенные Штаты, – выше процент таких «атеистов» от общей численности населения. Эта проблема серьезно не изучалась. Из проведенных по этой теме исследований заслуживает внимания исследование профессора Дж. Лейба (J. Leuba. **The Belief in God and Immortality, Boston, 1916**), из которого следует, что примерно от сорока до шестидесяти процентов американских профессоров и студентов не верят в бессмертие души, божественную природу Христа, непорочное зачатие Иисуса или в некоторые другие догматы христианских религий. Недавний широкий опрос населения в разных европейских странах, проведенный Международной Исследовательской Ассоциацией, показал, что в Италии лишь пятьдесят один процент верит в эти догматы, в Норвегии сорок два процента, в Бельгии тридцать три процента, во Франции тридцать процентов; всего в Европе около семидесяти процентов опрошенных объявили себя агностиками и неверующими в эти догматы. Если эти результаты репрезентативны для Европы и Соединенных Штатов, то между Россией и западными странами в этом отношении нет большого различия.

Если под истинной религиозностью подразумевать, во-первых, «ощущение присутствия» (как это понимал выдающийся мистик Брат Лоуренс того, что за пределами эмпирической реальности наших ощущений есть другие и более высокие формы реальности; и во-вторых, практику моральных заповедей конфуцианства, даосизма, индуизма, буддизма, иудаизма, джайнизма, христианства, магометанства (все основные моральные предписания этих и других религий в сущности

⁴⁷ Ранний буддизм, очевидно, отрицал существование антропоморфного, персонального божества, души и какой бы то ни было субстанции. Единственные реальности, согласно раннему буддизму, это некие двадцать шесть «дхарм» и их непрестанно изменяющиеся комбинации. Многие течения мистицизма также рассматривают основополагающую, абсолютную реальность как бесконечное множество или океан, заключающий в себе все эти различия – личные и сверхличные, духовные и материальные, неизменные и постоянно изменяющиеся и так далее. Истинная *coincidentia oppositorum* в ее бесконечности неопределима и невыразима какими-либо словами и понятиями, и дефинициями. Согласно этим мистическим представлениям, любой институционализированный религиозный догмат выражает, в лучшем случае, лишь некоторые из бесконечных «пульсаций» этого *mysterium tremendum et fascinans*.

подобны), то у нас даже нет достаточного основания для утверждения о том, какое население - русское, американское или европейское - более религиозно. Основываясь на различных фрагментарных данных, я предполагаю, что по этому вопросу не существует большого различия между современной Советской Россией и евро-американскими странами.

Результат проведенного анализа состоит в том, что в области религии, несомненно, происходит взаимная конвергенция России и западных стран. По сравнению с первыми годами после коммунистической революции, религиозные конфликты и различия в настоящее время стали гораздо менее важны и значимы.

I. Брак и семья.

В первые послереволюционные годы коммунистическое правительство намеренно стремилось подорвать моногамный брак и семью, рассматривая их как краеугольный камень частной собственности и капиталистической системы. Юридически и фактически провозглашалась сексуальная свобода в добрачной и внебрачной формах наряду с полной свободой брака, развода, аборта и других аспектов сексуальной политики «стакана воды», согласно которой секс сравнивался с жаждой, которую можно и следует удовлетворять из любого доступного стакана.

Гибельные последствия этой политики заставили советское правительство, в конце 1920-х годов, пойти на ее радикальное изменение путем решительных ограничений сексуальной свободы. Вместо восхваления неограниченной сексуальной свободы советское правительство стало превозносить девственность, целомудрие, верность в браке и приступило к изданию серии декретов, юридически одобряющих, санкционирующих и требующих соблюдения этих добродетелей. В результате этой долгой и тягостной истории к настоящему времени в Советской России сложилось более стабильное, более моногамное и более викторианское отношение к семье и браку, чем в практике любой западной страны и особенно Соединенных Штатов. Развод юридически не запрещен, но его получение так сильно сдерживается финансовыми и юридическими трудностями, что это стало практически невозможным для подавляющего большинства русского населения. Аборты запрещены и наказуемы. Добрачные и внебрачные сексуальные отношения сурово осуждаются. В том же положении публикации, картины, спектакли, романы, радио- и телевизионные программы и все идеологии, защищающие и восхваляющие сексуальную анархию и сексуальную свободу. Вообще, секс и сексуальная озабоченность играют сейчас гораздо менее важную роль в социальной и культурной жизни России, чем в Соединенных Штатах и европейских странах (см.: P.Sorokin. *The American Sex Revolution*, Boston, 1956. Существуют шведское, японское, испанское, индийское и португальское издания этой книги).

Итак, в первые годы революции советское правительство и часть русского населения можно было обвинить в подрыве моногамного брака и семейной жизни и содействии сексуальной анархии и распущенности. В настоящее время обвинения сменились на противоположные: Советская Россия теперь отвергает чрезмерную сексуальную одержимость, сексуальную извращенность, сексуальную анархию, сексуальные оскорбления в коммерческих целях, проникновение секса во все сферы социальной, культурной и личной жизни, приводящее в странах Запада к распаду моногамного брака и семьи. Откровенно говоря, Россия имеет больше права на эти моральные порицания, чем страны Запада в отношении России. Учитывая, тем не менее, что современная сексуальная анархия никогда не одобрялась западным религиозным, моральным общественным мнением; что стабильный моногамный брак и семья все еще санкционированы и желательны; что в последнее время в Соединенных Штатах и в Европе возникло и растет сильное общественное движение за стабилизацию брака и семьи и за ограничение сексуальной анархии – рассматривая эти тенденции на Западе и трагический цикл со «счастливым концом», пройденный Россией на этом пути, мы получаем новые доказательства того, что и в этой сфере социокультурной жизни обе страны сближаются в вопросе формирования сходной организации сексуальной жизни, брака и семьи.

1. Экономическая система.

Во вводной части этой главы уже было показано, что реальное различие между экономическими системами обеих стран гораздо меньше, чем это кажется со стороны, и что обе страны приближаются к смешанному типу экономики, представляющему собой сосуществование (а) развитого свободного предпринимательства на основе частной собственности, (б) корпоративной экономики, и (с) экономики, управляемой правительством. В целом, в экономике обеих стран зона развитого свободного предпринимательства уже занимает меньшее место. В России она существует и функционирует, главным образом, в отношении потребительских товаров, включая такие товары, как накопленные сбережения, собственность на квартиру, автомобиль или дом, или небольшой участок земли, или небольшое собственное дело, или инструменты ремесленников, художников, ученых и т.п. Все подобные товары в России являются собственностью, и владелец может распорядиться ими или завещать их своим наследникам примерно так же, как всем этим владеют, распоряжаются и завещают в Соединенных Штатах. В Соединенных Штатах этот сектор экономики шире, чем в Советской России. Помимо потребительских товаров, он охватывает большую часть «малых бизнесов» и сельское хозяйство. Однако в этих последних двух сферах сектор экономики действительно свободного

предпринимательства, к несчастью, сократился за последние два десятилетия и этот процесс продолжается вплоть до настоящего времени. В Советской России, напротив, этот сектор несколько расширился за два последних десятилетия, главным образом в сельском хозяйстве. Расширились права колхозов и колхозников, особенно декретом от 17 февраля 1935 г. о Типовом уставе артели. Земля, возделываемая колхозом, остается в его распоряжении навсегда. Каждый колхоз ведет свое собственное хозяйство автономно. Каждый его член владеет «личной собственностью» - домом, участком земли для личного пользования, скотом - от 10 до 150 овец, от одной до 10 коров и другими домашними животными. Каждый получает вознаграждение в соответствии с количеством и качеством работы. Ни один колхозник не может быть исключен из колхоза кроме как за преступление или вопиющее нарушение колхозного устава, и не менее чем двумя третями голосов всех колхозников. Правление колхоза первоначально назначалось правительством; теперь оно демократически избирается собранием колхозников на определенный срок. Земля у колхоза не может быть отнята, продана или стать объектом спекуляции со стороны коммерсантов. По сравнению с положением американского арендатора, исполщика (sharecropper), сельскохозяйственного рабочего или даже владельца заложной фермы, находящегося под угрозой лишения права выкупа закладной, имущественные права русских крестьян шире и их положение безопаснее, чем у соответствующих слоев американского сельскохозяйственного населения.

Корпоративной экономики в Советской России формально не существует. Однако фактически, экономика американской корпорации - это близнец соответствующих подразделений национализированной промышленности в России. Полностью национализированная промышленность в России разделена, как и в Соединенных Штатах, на крупные отрасли промышленности - стальную, нефтяную и другие отрасли, каждая из которых управляется советом правительственных директоров, подобно совету директоров большой американской корпорации. Ни один из этих советов, как отмечалось выше, не владеет корпорацией и ее собственностью. Единственное различие между этими советами состоит в том, что в России директора назначаются правительством и ответственны перед правительством и народом, в то время как в США директора и управляющие высокого ранга назначаются или избираются тысячами собственников, т.е. держателей акций корпораций, и ответственны перед ними. Фактически они занимают свои посты благодаря небольшой, часто самосохраняющейся, олигархической группе более крупных держателей акций и управляющих. Проведенное ранее Дж. Минзом и А. Берли (G.Means и A. Berle, *The Modern Corporation and Private Property, New York, 1932*), а также недавнее исследование нескольких экспертов (E.S.Mason, ed. *The Corporation in Modern Society,*

Cambridge, 1960) показывают, что ни в одной из крупных американских корпораций директора не владеют даже пятью процентами их собственности и что этот самый крупный сектор американской экономики, и косвенно, экономики свободного предпринимательства практически управляется и контролируется совершенно независимо от его акционеров – примерно одной тысячей управляющих высокого ранга. Эти черты американской корпоративной экономики очень схожи с русской «национализированной корпоративной экономикой», которая управляется и организуется примерно также, одной тысячей правительственных чиновников. Далее, совет директоров в этом секторе экономики определяет цены на свою продукцию и размеры оплаты труда своих работников. В классическом капитализме цены определяются «законом спроса и предложения» на рынке свободной конкуренции. Эта характерная черта в значительной степени исчезла из экономик обеих стран. Американская экономика на базе корпораций бедного предпринимательства и, как таковую, противопоставлять управляемой государством экономике Советской России или в значительной степени национализированным экономикам Англии и некоторых других европейских стран. Во всех трех секторах экономики России и Соединенных Штатов быстро приближаются к «смешанному» типу экономики и становятся все более похожими друг на друга.

Это возрастающее сходство проявляет себя и во многих других отношениях. Хотя объем совокупного национального продукта Соединенных Штатов Америки пока еще больше и экономический уровень жизни американского населения намного выше, чем в России, тем не менее этот разрыв неуклонно сокращается. Заявления Н.С. Хрущева о том, что в ближайшие примерно семь лет Россия перегонит Соединенные Штаты по валовому национальному продукту и уровню жизни, являются хвастливыми и неправдоподобными, тем не менее эта перспектива может оказаться реальной в более отдаленном будущем.

В техническом плане обе страны уже стали существенно походить друг на друга. Обе они используют аналогичную производственную технику, вплоть до введения автоматизации и массового производства.

В итоге, взаимная конвергенция обеих стран к сходным «смешанным» системам экономики быстро прогрессирует.

К. Социальные отношения

Человеческие взаимоотношения во всем многообразии их форм могут быть классифицированы по трем главным категориям: (a) отношения, подобные семейным (*familistic*), проникнутые взаимной любовью, преданностью и самопожертвованием, чаще лежащие в основе отношений хорошей и гармоничной семьи; (b) свободные договорные (*free contractual*), возникающие по соглашению сторон, предполагающие

взаимную пользу и выгоду, лишённые любви, ненависти или принуждения; и (с) принудительные (*compulsory*) навязываемые сторонами друг другу против их желаний и интересов. Из этих трех категорий взаимоотношений отношения, подобные семейным (морально и социально), являются наиболее достойными, принудительные - наихудшими, в то время как договорные занимают промежуточную позицию.

Пропорция каждого из этих трех типов совокупной системы межчеловеческих отношений в социальной группе сильно колеблется от общества к обществу, от одного периода к другому. Если сравнить в целом социальные взаимоотношения людей в Соединенных Штатах и в России с этой точки зрения, то они обнаруживают ряд различий: Доля принудительных отношений в России значительно больше, чем в Соединенных Штатах; количество договорных отношений в Соединенных Штатах намного больше, чем в России; доля отношений по типу семейных в России ощутимо больше, чем в Соединенных Штатах. Во всех советских политиках национализации, коллективизации и частичного уравнивания движущей силой было не только жестокое принуждение и часто бесчеловечная правительственная регламентация, но и благородная сила мотивов, желаний и ценностей семейного типа, особенно среди масс русского населения. Установление и развитие отношений по типу семейных в общей системе социальных взаимоотношений России сообщило «реальную скрытую силу» советской политике национализации и коллективизации и самому советскому режиму. Без этой скрытой силы советское правительство с его политикой принуждения давно бы рухнуло.

В течение примерно сорока пяти лет со времени русской революции отмеченные различия между американской и русской системами социальных взаимоотношений имели тенденцию к уменьшению. С одной стороны, насильственная политика советского правительства стала более умеренной и распространялась на все меньший круг человеческих взаимоотношений; отношения по типу семейных, и в меньшей степени, договорные отношения, увеличивались за счет вытеснения принудительных. С другой стороны, в Соединенных Штатах доля отношений по типу семейных также выросла за счет договорных. Этот рост проявил себя в сотнях различных форм и в так называемой политике государства всеобщего благоденствия, в законах о социальных гарантиях, страховании безработных, минимумах заработной платы, прогрессивном налогообложении, страховании старости, различных сельскохозяйственных пособиях, в развитии школ и общественного образования, медицинской помощи и улучшении государственного здравоохранения, государственном жилищном строительстве, строительстве шоссе и дорог, электрификации сел и других государственных работах, в законодательстве по гражданскому праву и во множестве других мер, способствующих улучшению жизненного,

ментального, морального и социального благополучия всего американского населения, независимо от коммерческих интересов отдельных групп и индивидов. Во всех этих формах взаимоотношения по типу семейных успешно развивались в течение последних несколько десятилетий в преимущественно «капиталистических» Соединенных Штатах. Рост отношений по типу семейных и отчасти договорных взаимоотношений в Советской России за счет вытеснения принудительных и рост семейных взаимоотношений в Соединенных Штатах, главным образом, за счет договорных, означают, что в этом базовом пространстве обе страны движутся в направлении сходного типа межличностных и межгрупповых взаимоотношений преимущественно семейного характера с различной степенью чистоты и распространения.

L. Политическая система.

В первые годы коммунистической революции существовали, конечно, большие противоречия между политическими режимами России и Соединенных Штатов. В России был неограниченный тиранический, тоталитарный диктаторский режим высших лидеров коммунистической партии - самое автократическое государство, которое навязывало самую принудительную регламентацию для души и тела, поведения и взаимоотношений каждого гражданина и для всей социальной и культурной жизни нации. Правительство деспотично предписывало, что каждый из его субъектов должен есть, пить и надевать; в каком месте и каком помещении он должен жить; какого рода работу он должен выполнять; что он должен читать или слушать; что он должен говорить и во что верить; что одобрять и не одобрять; быть ли ему свободным или сидеть в тюрьме; жить или быть казненным. Короче говоря, государство пыталось превратить людей в простых марионеток, полностью подчиненных контролю диктаторов. Эта сверхтоталитарная политика усиливалась самым кровавым и самым бесчеловечным насилием - массовыми казнями миллионов «контрреволюционеров», заключением многих миллионов неподатливых оппонентов в тюрьмы и концлагеря, конфискацией их собственности и применением всех видов наказаний для всех тех, кто не был согласен с правительственными порядками. Во всей человеческой истории было немного случаев столь тиранического, столь сверхтоталитарного, столь бесчеловечно автократического государства. Такой режим, естественно, находился в конфликте с демократическим порядком Соединенных Штатов, с его избираемым правительством, его Конституцией и Биллем о правах, со свободой и неотчуждаемыми правами каждого гражданина. Основные ценности двух политических систем были действительно несовместимыми.

Однако в течение последующих лет произошли значительные перемены, особенно в советской политической системе. Главная тенденция

этих перемен в России заключалась в последовательном ограничении деспотизма и сверхтоталитаризма советского государства и в расширении круга свобод, которыми могли пользоваться советские граждане. В Соединенных Штатах тенденция перемен вплоть до настоящего времени заключалась скорее в противоположном процессе, т.е. в экспансии правительственной регламентации, цензуры и контроля за политическими идеологиями и поведением граждан, в соответственном уменьшении их свобод и неотчуждаемых прав, в росте тоталитарных тенденций во внутренней и международной политике. Эта тенденция к тоталитаризму была обусловлена большей частью трансформацией предыдущего просто национального правительства в самую мощную империю на земле. Ни одна страна или правительство не могут избежать большей или меньшей степени тоталитаризации, особенно в течение короткого периода времени, она изменяет статус одного из крупных государств и правительств на статус самой мощной империи или правительства. Такая трансформация обычно сопровождается ростом различных критических ситуаций, в особенности в борьбе за сохранение позиции величайшей мировой державы, которая неизбежно втягивает такую страну в бесконечную серию дипломатических и военных конфликтов с другими правительствами и, особенно в нашем случае, с советским правительством. Это, в свою очередь, создает для такой страны и правительства ряд других политических, экономических, социальных и моральных критических ситуаций, которые усиливают ужесточение правительственной регламентации и контроля.

Таковы, вкратце, главные тенденции в политических системах обеих стран. В России указанная «освободительная тенденция» проявилась во множестве юридических и фактических перемен. Юридически Конституция Советской России является одной из наиболее демократических конституций в мире; кроме всего прочего, она гарантирует все возможные свободы и неотчуждаемые права человека и гражданина. Произвольный деспотизм государства, особенно тайной полиции, теперь во многом заменяется правовыми нормами с соответствующим процессуальным обеспечением. Количество казней, заключений в тюрьмы и других суровых наказаний противников советского правительства значительно уменьшилось. Семьдесят процентов концлагерей с рабским трудом были демонтированы и в оставшихся лагерях сейчас более гуманный режим, предоставляющий более хорошую пищу, жилье и условия работы. Благодаря ряду законов (от 14 апреля 1957 г. и другие) граждане лучше защищены от произвола правительственных агентов. Большая часть политических преступников амнистирована.

Число осужденных за политические преступления сегодня составляет лишь около двух процентов от всего количества заключенных в России. Хотя обеспечение прав и свобод граждан, гарантированное конституцией, еще нарушается правительством время от времени, тем не

менее граждане пользуются гораздо большей свободой и независимостью, чем это было в начале революции. Формально, согласно конституции, советское правительство является демократическим правительством, избранным народом. Но выборный характер правительства остается еще во многом номинальным, будучи обусловлен однопартийной системой и только одним списком предложенных коммунистической партией кандидатов, за которых или против которых вынуждено голосовать население. В значительной степени Советское правительство все еще представляет собой правительство, назначенное коммунистической партией и ее лидерами. Тем не менее, во многих отношениях - прямо и косвенно - население оказывает гораздо большее влияние, чем раньше, и на выборы и на само правительство. По мере прохождения революцией ее деструктивной фазы правительство постепенно заменяло свою деструктивную политику конструктивной. В проведенной им гигантской реконструкции оно показало себя как очень способное и конструктивное руководство, преданное реальным интересам народа и государственным интересам России. В результате этой политики оно приобрело возросшую поддержку своих граждан. В настоящее время его власть уже не столько базируется на страхе и терроре - как это было в деструктивной фазе революции, сколько - на свободной поддержке и одобрении большинства советских граждан. Если предположить, что правительство представило бы на рассмотрение народа свою политику для проведения действительно свободного голосования, оно, вероятно, получило бы одобрение большинства избирателей. В этом смысле оно может титуловать себя демократическим правительством или правительством «народной демократии».

Эти очерки проясняют главные направления изменений политической системы России. Что может быть подытожено как движение от неограниченного тоталитарного деспотизма ко все более демократическому и конструктивно ответственному правительству, которое является и вождем, и слугой русского народа.

Политическая система и правительство Соединенных Штатов сначала представляли собой один из наиболее демократических режимов, известных истории человечества. В течение последних сорока лет они прогрессировали во многих отношениях в направлении еще большей демократии, развивающейся «по типу гармоничной семьи», которая служит народу и всему миру. Эти позитивные достижения и тенденции были, к несчастью, подпорчены некоторыми тоталитарными тенденциями, обусловленными указанными факторами возвышения Соединенных Штатов до положения самой мощной державы, а также рядом войн и других значительных критических ситуаций, которых едва ли можно было избежать в процессе столь быстрого взлета. Эти тоталитарные тенденции проявляли себя не только в огромной экспансии правительственного контроля и регламентации экономической и других сфер социокультурной

жизни, о чем говорилось выше, но и во многих отношениях государственной и межгосударственной политики и в различных изменениях политической системы нации. Объявив «священный крестовый поход» против коммунизма и приписываемого им себе «мирового господства», который фактически подразумевает воинственную кампанию против советского правительства, русского народа и против всех других коммунистических режимов, американское правительство вовлекло себя и американский народ в неминуемые последствия такой политики. Посредством обязательного набора оно вынуждено было увеличить американские вооруженные силы далеко за пределы, отвечающие потребностям мирного времени. И это расширение набора в армию, морские и воздушные силы до почти 3-х млн человек означает огромный шаг в тоталитаризации страны, поскольку военные являются самой тоталитарной из всех социальных групп. Вся жизнь и поведение солдата полностью контролируется и до малейших деталей регламентируется его начальниками и воинским уставом. Командир или любой старший по чину офицер в сражении может послать на смерть тысячи солдат. Пища, питье, униформа, казармы и вся деятельность военнослужащего в течение всех 24-х часов жестко расписаны. Их тела и души принадлежат не им самим, но вооруженным силам, начальникам и нации. Поэтому заметное расширение этих сил в любой стране ведет к приметному увеличению военного тоталитаризма всей политической системы. Однако естественно, что с расширением влияния высших военных властей на всю политическую жизнь также усиливается и политика страны. Она неизбежно запечатлевает черты «военного (или пентагоновского) тоталитаризма» - брата-близнеца всех, включая коммунистический, тоталитаризмов.

Холодная и горячая война со странами коммунистического блока привела к юридическому и фактическому объявлению вне закона всех коммунистических организаций, открытому преследованию всех коммунистов и «сочувствующих», «скрытой» дискриминации, лишению гражданских прав и действительным репрессиям не только коммунистических, но и многих других некоммунистических организаций, действующих как «фронты», а также репрессиям множества некоммунистов, иногда даже антикоммунистов как «сочувствующих», «симпатизирующих», «подрывных» и «изменников». В этих и других отношениях ряд американских граждан был запуган и ограничен в своих свободах и неотъемлемых правах. Эти действия американского правительства были лишь ответной реакцией на тоталитарную политику советского правительства по отношению к антикоммунистам и «подрывным» некоммунистам. В еще большем масштабе тоталитарные тенденции проявили себя в возросших официальных и полуофициальных требованиях «согласия» граждан с предписанными образцами политического мышления и политического поведения; в поощрении «наказаний за связь»,

в осуждении и преследовании под предлогом «неуважения к Конгрессу» или к суду всех тех, кто «отклонился» от официально одобренных образцов конформности; в заключении в тюрьмы и интернировании в концлагеря многих людей, «отказавшихся от военной службы по религиозным или другим соображениям», и религиозных неконформистов; в расширении инквизиторских функций различных комитетов Конгресса, таких как Комиссия по антиамериканской деятельности, Комиссия по государственной безопасности и другие, которые своей политикой и образом действий часто напоминали одну из наиболее жестоких инквизиторских организаций раннего советского режима. В ревностном стремлении к безопасности эти американские организации даже деградировали, придав первой и пятой поправкам к Конституции США ограничивающий права граждан смысл и пренебрежительно называя «разрушителями пятой поправки» всех тех, кто ссылаясь на эти поправки для защиты своей свободы в речах или прессе.

К счастью, развитие этих тоталитарных тенденций встретило сильное сопротивление со стороны американского общества и до сих пор сдерживалось и ограничивалось. Несмотря на рост этих тенденций в Соединенных Штатах и их спад в Советской России политическая система Соединенных Штатов все еще остается более свободной и более демократичной, чем советская система. Однако различие между этими режимами постепенно сужается и обе они конвергируют в некий промежуточный тип, соединяющий в себе черты демократии и тоталитаризма, отношений по типу гармоничной семьи и самодержавия, свободы и авторитарного лидерства.

Связанные этим возрастающим сходством, обе нации становятся все более похожими друг на друга в выборе своих правительств и в своих партийных системах. Как отмечалось выше, оба правительства являются выборными; но в России, с ее однопартийной системой, граждане могут голосовать только «за или против» кандидатов, предложенных только одной - коммунистической - партией. В Соединенных Штатах мы имеем двухпартийную систему и можем голосовать за кандидатов либо демократической, либо республиканской партии (кандидаты других второстепенных партий не имеют шансов быть избранными на высшие посты в федеральном правительстве или в штате). Однако различие между республиканской и демократической партиями стало сейчас столь малым и неощутимым, что оно, как правило, является менее значимым, чем различие между «левым крылом» и «правым крылом» членов одной и той же партии. Из этого следует, что фактически страна эволюционирует в направлении однопартийной системы, функционирующей под двумя различными наименованиями. По этой причине в своих основных чертах политические режимы обеих стран проявляют тенденцию ко все большему и большему сходству.

То же самое можно сказать и об их международной политике. В

ненужной и безуспешной холодной войне, с ее гонкой вооружения, бесполезной тратой огромных природных ресурсов, человеческой энергии и жизни (в одной корейской «акции поддержания порядка» общее число жертв было больше, чем во всех наполеоновских войнах), с нависающей опасностью ядерной, химической и бактериологической войны, обе страны следуют одинаковой политике использования всех доступных средств для нанесения ущерба и уничтожения другой страны и ее правительства. Все божественные и человеческие законы, все моральные принципы, положения международного права, ограничивающие войну, практически игнорируются правительствами обеих стран. Оба они вновь и вновь заявляют, что готовы убивать сотни миллионов граждан, не участвующих в боевых операциях, чтобы обратить в «мерзость запустения» города и села, чтобы отравить все источники пищи и питья, и если потребуется, сделать эту планету необитаемой для человеческой расы, как и для других форм жизни. В своей пропаганде они обращаются к одним и тем же пышным либеральным поучениям о справедливости, мире, свободе, демократии, истине; время от времени они даже цитируют Нагорную проповедь или другие высокие истины о самой возвышенной любви и бескорыстной взаимопомощи. Подобным образом оба правительства пытаются завербовать всеми доступными достойными и недостойными средствами различных союзников для участия в этом самоубийственном мероприятии. При этом они магически преобразуют все феодальные, автократические и олигархические политические режимы завербованных правительств в «свободные» и «демократические» или в режимы «народной демократии». В результате этой магии, диктаторские режимы Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Иордании, Формозы и все диктаторские режимы Латинской Америки, Южного Вьетнама и других стран, вступивших в союз с Соединенными Штатами, во мгновение ока предстали «свободными и демократическими», преданными «свободе и справедливому миру», в то же время все тоталитарные и автократические режимы, союзные с советским правительством, чудодейственно стали «народными демократиями» и «правительствами, приверженными свободе». Трудно решить, какое из этих двух правительств более цинично и лицемерно в своей борьбе за власть и господство. Реальная трагедия этой борьбы заключается в том, что она ведется ценой разрушения жизненного, ментального, морального и социального благополучия населения двух этих стран и всего человечества; ценой постоянного разрушения, деградации, злоупотребления и поругания в этой борьбе правящими элитами обеих стран всех великих всеобщих и непреходящих ценностей; и наконец, ценой выживания человеческой расы на планете.

В итоге, в политическом пространстве и Соединенные Штаты, и Россия становятся все более подобны друг другу как в позитивных, так и в негативных характеристиках.

5. Заключение

Предшествующий краткий анализ перемен и тенденций в главных сегментах культуры, социальных институтах, системах ценностей и социокультурной жизни обеих стран действительно свидетельствует о том, что во всех этих основных сферах обе страны становятся все более подобными друг другу и приближаются к строю смешанного типа: ни коммунистического, ни капиталистического, ни тоталитарного, ни демократического, ни материалистического, ни идеалистического, ни полностью религиозного, ни атеистическо-агностического, ни чисто индивидуалистического, ни коллективистского, ни слишком криминального, ни слишком святого. В настоящее время этот смешанный тип представляет собой эклектичную смесь характеристик обеих стран, лишенную цельности новой интегральной культурной, социальной и личностной системы.

Если форме правления современного смешанного типа будет дан реальный шанс для мирного и беспрепятственного развития, едва ли можно сомневаться в том, что он в конечном счете превратится в обеих странах, как и во всем мире, в единый тип великолепного интегрального строя. Каждая страна будет строить этот новый порядок в своей собственной вариации и каждая вариация будет, вероятно, благороднее, созидательнее и лучше, чем большинство существовавших до сих пор в человеческой истории социокультурных порядков. В этом свете конвергенция является обнадеживающим симптомом и жизнеспособным процессом. Как таковую, ее могут сердечно приветствовать все, кто действительно заботится о человеке, культуре и всех вечных ценностях, созданных человеком на этой планете.

Исследование показывает также, что в настоящее время в системах ценностей двух стран нет ничего, что оправдывало бы продолжение современной воинствующей политики и хотя бы в малейшей степени могло искупить великое преступление развязывания новой мировой войны. Но это вовсе не означает, что такая война не может начаться: несмотря на большой прогресс, человек все еще остается в значительной степени иррациональным, чувственным, деструктивным, жестоким и жадным созданием; и безнравственность еще остается весьма распространенной в человеческих существах, особенно среди представителей правящих групп. Если деструктивная борьба между двумя странами и двумя блоками наций будет продолжаться и, особенно, если начнется новая мировая война, реальными причинами этих катастроф будут не напыщенно провозглашенные великие ценности, к которым взывают преступные поджигатели большого мирового пожара, но в нашей глупости, иррациональности, жадности, безответственности и обыкновенной человеческой злобности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Религиозная и моральная поляризация нашего времени

1. Единообразии поляризации в кризисе

Запад и человечество в целом находятся сейчас в ситуации острого кризиса, угрожающего самому существованию человеческой расы. Эта катастрофичность нашего времени - главное, что определяет современную религиозную и моральную ситуацию. Тщательное исследование влияния великих национальных, социальных и политических катастроф на религиозную и моральную жизнь индивидов и обществ показывает, что вопреки двум господствующим теориям, это влияние состоит не в возрождении религиозности и моральном облагораживании, не в простом росте нерелигиозности и упадке морали, но скорее в этико-религиозной поляризации соответствующих популяций. Две эти противоположные тенденции сосуществуют и усиливаются за счет привычной, рутинной, несколько поверхностной религиозности и морали большинства популяций в нормальные [бескризисные] времена. Это большинство, в нормальных условиях, особенно в период благоденствия, ни слишком греховно или нерелигиозно, ни слишком свято и религиозно. Во времена великих кризисов, например, войн, революций, стихийных бедствий, моров, землетрясений, наводнений и других катастроф, это большинство имеет тенденцию к поляризации. Одна его часть становится более религиозной и нравственной, в то время как другая склонна к нерелигиозности и преступности. Таким образом, большинство уменьшается в пользу обоих противоположных полюсов - углубленной религиозности *versus* воинствующему атеизму и героической морали *versus* деморализации. В другой работе⁴⁸ я дал достаточно исторических, эмпирических и логических доказательств для подтверждения моей точки зрения.

Поляризация происходила регулярно фактически при всех великих кризисах, бедствиях и катастрофах в жизни-истории прошлых и современных обществ так же, как и в жизни обычных индивидов и исторических личностей.

Обычно негативная поляризация превалирует над позитивной в начальный период бедственных времен, в то время как позитивная

⁴⁸ См.: P. Sorokin, *Man and Society in Calamity* (New York: E.P. Dutton & Co., 1942), chs. 10-12. P. Sorokin, *The Ways and Power of Love* (Boston: Beacon Press, 1954), Ch. 12. Наше исследование показывает, что разные индивиды, начиная с преступников, осужденных к смерти, и кончая историческими лицами, по-разному реагируют на катастрофические и неблагоприятные условия. Некоторые становятся менее религиозными и моральными, менее творческими, апатичными, ментально неустойчивыми и склонными к самоубийству, в то время как другие более религиозными, моральными и творческими. В соответствии с этим, теории, которые связывают религиозное и моральное облагораживание всех индивидов или с несчастьем, или с полной религиозной и моральной деградацией, обе являются несостоятельными; они раздувают частный случай до общей закономерности.

поляризация становится преобладающей на последнем этапе критического периода и после его завершения, при условии, что общество, о котором идет речь, не погибает в катастрофе.

С 1914 г. до настоящего времени человек был и все еще находится, вероятно, в наиболее критическом периоде всей своей истории. Именно сейчас, при реальной угрозе самоубийственной кремации, этико-религиозная поляризация людей приобрела гигантские масштабы. Это проявляется во всех сферах социальной, культурной и личной жизни. Особенно огромной и все еще преобладающей является негативная этико-религиозная поляризация.

2. Негативная религиозная поляризация

Из тысяч проявлений необычайного роста нерелигиозности и упадка, особенно в институциональных формах религии, можно отметить следующие существенные симптомы:

(a) Громадный рост и распространение различных форм атеизма среди десятков миллионов населения коммунистических стран. Едва ли такой большой и такой быстрый рост воинствующего и радикального атеизма имел когда-либо место во всей человеческой истории⁴⁹.

(b) Устойчивый рост различных материалистических, агностических и родственных философий происходил параллельно с упадком разных религиозных и идеалистических *Weltanschauungen* начиная с тринадцатого столетия. В средние века на Западе, с 500 до 1300 г., едва ли существовала какая-либо материалистическая система философии; с тринадцатого столетия обе формы материализма - гилозоистская и механистическая - неуклонно усиливались и в девятнадцатом и двадцатом столетиях они уже составляли до 12,7 и 23,3% соответственно от всех философских систем, представленных в наиболее полных историях философии. Напротив, доля идеалистических философских *Weltanschauungen*, которые в прошлом повсеместно господствовали на средневековом Западе, сократилась до 55,9% в девятнадцатом и 40,3% в двадцатом веке. Если к материалистическим философиям прибавить различные агностические, «критические», «позитивистские», «натуралистические» и «научные» философии, которые отвергают почти все догматы институциональных религий и которые, в лучшем случае, устраняют Бога, как отставного профессора, от действенного контроля над природой и человечеством, то рост нерелигиозности в этом столетии окажется еще больше, чем это

⁴⁹ Из 220 миллионов русского населения лишь пятьдесят шесть миллионов сейчас принадлежат ко всем христианским и нехристианским историческим религиям. Подавляющее большинство не присоединяется ни к одной институциональной религии и должно считаться религиозно индифферентным и в значительной части агностическим и атеистическим.

доказывает появление строго материалистических философий⁵⁰.

(с) Это заключение подкрепляется практически всеми исследованиями действительной веры или неверия в главные религиозные догматы и ритуалы разными группами населения Запада. Уже труды профессора Дж. Лейба (*The Belief in God and Immortality*. Boston, 1916 и его более поздние работы) показали, что от 40 до 60% американских профессоров и студентов не верили в бессмертие души, божественную природу Христа, концепцию непорочного зачатия Иисуса и некоторые другие догматы христианской религии.

Более поздние исследования, по сути дела, подтвердили эти результаты. Недавно проведенный Международной Ассоциацией исследователей широкий опрос населения разных европейских стран обнаружил, что в Италии лишь 51% верит в эти догматы, в Норвегии 42%, в Бельгии 33% и во Франции 30%; и в Европе в целом около 70% всех опрошенных объявили себя агностиками и неверующими в эти догматы. Все эти исследования подтвердили значительный упадок веры в главные христианские догматы и в эффективность религиозных ритуалов на Западе в двадцатом веке и особенно в последние несколько десятилетий.

(d) Следующие признаки упадка институциональной религиозности свидетельствуют о значительном и систематическом уменьшении религиозных шедевров во всех областях изящных искусств, включая архитектуру, и в заметно ослабленной роли институциональной религии во всей западной социальной и культурной жизни. В области исторически известной западной живописи и скульптуры (моя выборка включает более ста тысяч картин и произведений скульптуры) с десятого до пятнадцатого века религиозная живопись и скульптура составляли от 81 до 97% всех значительных произведений живописи и скульптуры, известных в истории изящных искусств; затем, на протяжении последующих столетий, эти показатели систематически снижались до 64% в шестнадцатом веке и до 50%, 24%, 10% и 4% соответственно в семнадцатом, восемнадцатом, девятнадцатом и двадцатом веках⁵¹. Так же и в области великой западной музыки - средневековая музыка была почти на сто процентов религиозной; после двенадцатого века ее доля систематически снижалась, и составила до 42% в семнадцатом и восемнадцатом веках, до 21% в девятнадцатом веке и до 5% в двадцатом веке. И в архитектуре почти все великие сооружения средних веков - это кафедральные соборы, церкви, монастыри и аббатства. Они доминировали своими очертаниями на фоне неба над деревнями и городами. В течение последних нескольких столетий доминировавшие ранее религиозные сооружения начали систематически замещаться светскими зданиями - дворцами светских правителей, особняками богатых и могущественных, городскими и деловыми зданиями, театрами,

⁵⁰ См. подробные данные и методы расчетов этих цифр: P. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics* (New York: 1962), Vol. II, Ch. 4. Краткий обзор этих данных: P. Sorokin, *Society, Culture and Personality* (New York: Cooper Square Publishers, 1962). Ch. 41.

⁵¹ См. подробные таблицы и источники в: P. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*. Vol. I, chs. 5-13.

железнодорожными станциями и т.д. Среди таких конструкций, как Эмпайр Стейт Билдинг, Крайслер Билдинг, Мюзик Холл Радио Сити, и небоскребов больших муниципальных ежедневных газет теряются даже огромные кафедральные соборы наших городов. Та же тенденция отразилась в литературе, театре, драме, кино и телевидении. Великая средневековая литература и драма были почти на сто процентов религиозными. Их герои были божественными и духовными существами - Бог, ангелы, святые. Эта литература обращалась к трансцендентальным мистериям сотворения, воплощения, искупления, воскрешения, спасения человеческих душ и тому подобным темам. После двенадцатого века пропорция великой религиозной литературы постепенно уменьшалась, пока в настоящем столетии не стала незаметной частью современной литературы, драмы и театра, не говоря уже о кино, теле- и радиопостановках. В соответствии с этой секуляризацией мир литературы и его персонажи из Божьего Царства опустились в мир полубожественных героев, служивших образцом для подражания по примеру рыцарей Круглого Стола при дворе короля Артура, затем в мир обычных человеческих существ и, наконец, в двадцатом столетии - в субсоциальные отстойники преступности, нечистот и патологии.

Подобный же упадок имел место в области западной этики и права. Среди всех этических систем двадцатого века доля этики как системы абсолютных моральных принципов, неэгоистической христианской любви и священного права за период с 400 до 1400 гг. снизилась со 100% до 57% в двадцатом веке; в то же время доля секулярной, утилитарной, гедонистической, релятивистской этики, отсутствовавшей в тот же период с 400 до 1400 гг., возросла и составила примерно 43%. Священное право, основанное на божественных заповедях, практически исчезло в двадцатом веке и было заменено чисто светскими правовыми кодексами.

Наконец, практически влиятельные и престижные институциональные религии были во многом заменены наукой и ее эффективным контролем над социальной жизнью, мышлением и поведением индивидов и групп.

Отделение церкви от государства и объявление религии частным делом; замена церкви государством в регистрации рождений, браков и смертей; устранение религиозного образования из общественных школ, вплоть до недавнего решения Верховного Суда Соединенных Штатов, объявившего даже молитвы в школах неконституционными, - эти и legion подобных фактов дополнительно подтверждают упадок институциональной религиозности в последнее время.

Совокупность упомянутых тенденций вместе со многими другими, оставшимися неупомянутыми, делает тенденцию упадка институциональной религиозности или роста нерелигиозности в двадцатом веке совершенно очевидной. Хотим мы того или нет, но негативная религиозная поляризация нашего времени несомненна. Она имела место не

только в «атеистических» коммунистических странах, но едва ли в меньшей степени и в так называемых христианских странах Запада.

3. Негативная моральная поляризация

В периоды великих кризисов негативная религиозная поляризация обычно ассоциируется с негативной моральной поляризацией. Поскольку ряд моральных заповедей является неотъемлемой и наиболее значимой частью любой религии - в некоторых «гуманистических» религиях это их главная ценность - естественно, что за современным упадком религиозности последовал огромный всплеск деморализации на Западе. Исследование западной морали двадцатого века с 1914 г. до настоящего времени вполне определенно подтверждает эти ожидания. Действующая поведенческая мораль Запада в этот период опустилась на один из самых низких уровней во всей истории человечества. Из множества очевидных фактов деморализации я упомяну только несколько важных категорий. Их достаточно, чтобы обосновать такую точку зрения.

(a) Как упоминалось выше, главные моральные и правовые нормы поведения в средние века считались данными Богом, абсолютными нормами, безусловно связывающими все и вся. После пятнадцатого века они все более определенно стали рассматриваться как договоренности между людьми, относительные и изменчивые, в зависимости от обстоятельств, и оправданные только с чисто утилитарной или гедонистической точек зрения. В двадцатом веке вследствие релятивизации всех моральных ценностей произошла их чрезвычайная атомизация и потеря ими святости, собственного престижа и ценности.

Все более и более современные этические ценности рассматриваются лишь как «рационализации», «деривации» или «прекрасные речевые реакции», маскирующие эгоистические интересы, финансовые мотивы и склонности индивидов и групп к стяжательству. Правовые нормы, подобно этому, все более и более определенно рассматриваются как некое средство, которое правящие группы используют для эксплуатации других, более глупых и менее сильных групп, как разновидность трюка господствующего класса для подавления и эксплуатации подчиненных классов. Этические и юридические нормы, подобно пудре и румянам, маскируют довольно непривлекательный остов экономических интересов в теории Маркса, «осадков» Парето, «либидо» Фрейда, «комплексов», «стимулов» и «доминантных рефлексов» психологистов. Вместе с потерей морального престижа они последовательно утрачивали свою контролирующую и сдерживающую силу... Утратив свой особый «вкус» и эффективность, они открыли путь грубой силе как единственной контролирующей власти в человеческих

взаимоотношениях. Если ни религия, ни этические, ни юридические ценности не контролируют наше поведение изнутри, что тогда остается? Ничего, кроме голый силы и обмана. В результате - современный принцип «Сила есть право». Это главная черта кризиса в нашей этике и праве»⁵².

Действительным результатом этого радикального обесценивания моральных и правовых ценностей и чрезвычайной релятивизации и атомизации была общая моральная неразбериха, моральная анархия и триумф принципа «Сила есть право», который применялся в современном мире как лидерами, так и их последователями. Крайняя деморализация популяций этого века проявлялась как в беспрецедентной вспышке международных и гражданских войн, мятежей, революций и кровавых групповых конфликтов, так и в поразительной деморализации личных и межличностных взаимоотношений. Эти кратко изложенные факты делают гигантскую негативную моральную поляризацию нашего века совершенно несомненной.

(b) Если главной моральной заповедью всех религий и этических систем было «Не убий», то двадцатый век стал наиболее кровопролитным и негуманным веком из всех предшествующих двадцати пяти веков греко-римской и западной истории.

В двух мировых войнах и в более мелких войнах этого века было убито и ранено гораздо большее число человеческих существ, чем во всех войнах предшествующих десяти веков вместе взятых - «гораздо большее число» не только в смысле абсолютных цифр, но и в относительном смысле числа раненых и убитых в войне на один миллион населения⁵³.

То же самое верно относительно числа жертв гражданских войн, революций и значительных внутренних волнений. Двадцатый век превратился в эпоху не только самых кровавых международных войн, но и в самый беспокойный и смертоносный в гражданских войнах и внутренних конфликтах век из всех предыдущих двадцати пяти веков греко-римской и западной истории. Общее число жертв русской и гитлеровской революций превышает общее число жертв всех революций за несколько предшествующих веков западной истории⁵⁴.

(c) Крайняя деморализация Запада в двадцатом веке проявлялась не только в непревзойденной кровопролитности войн и революций, но также

⁵² P. Sorokin, *Society, Culture and Personality* (New York: 1962), p. 628. Более подробно см. также: *Dynamics*, Vol. II, chs 13, 14, 15.

⁵³ См. подробную статистику потерь в людях во всех войнах греко-римских и западных стран с 600 г. до н.э. до настоящего времени: P. Sorokin, *The Dynamics*, Vol. III, chs. 9-11; Q. Wright, *A Study of War* (Chicago; Chicago University Press, 1942), 2 vols.; Б.Л. Урланис, *Войны и народонаселение Европы*. Москва, 1960. Хотя и различаясь в деталях, все эти (как наиболее существенные) труды единогласны в этом заключении.

⁵⁴ См. подробную статистику о количестве жертв всех гражданских войн, революций, значительных внутренних беспорядков в *греко-римской* и западной истории с 600 г. до н.э. до настоящего времени: P. Sorokin, *The Dynamics*, Vol. III, chs. 12,13; и Б.Л. Урланис, там же, с. 180 и след.

в открытом и преднамеренном нарушении ограничений божественного и человеческого права, которые препятствуют уничтожению невоюющего населения, особенно женщин, детей и стариков, - а такое ограничение широко соблюдалось в войнах и революциях предшествующих столетий. Две мировые войны и последние революции вызвали так называемую «тотальную войну», в которой уничтожалось все население городов, деревень, регионов или «враждебных классов», включая не участвующих в боевых операциях женщин, детей и других граждан. В предшествующий викторианский век едва ли какой-либо государственный деятель отважился бы на такую «тотальную войну». После 1914 г. государственные деятели, политики, военные и революционные лидеры начали открыто похвастаться своими успехами в истреблении целых популяций враждебных стран или целых социальных классов. Войны и революции превратились в беспорядочную массовую резню, безразлично, участвующих или неучаствующих в боевых действиях враждебной страны или социального класса. Таким образом, не только заповеди морального закона, но и сдерживающие меры международного права были брошены на ветер.

Несмотря на все помпезные декларации о священности человеческой жизни и достоинстве индивида, человеческие существа более безжалостно уничтожались в наше время, чем в любой из предшествующих периодов, как в тоталитарных, так и в демократических странах.

(d) Неудивительно поэтому, что в настоящее время правительства и властные элиты западного и советского блоков наций лихорадочно и открыто готовятся к кремации в третьей мировой войне. Они нагло декларируют свое рвение использовать все ядерные, химические и бактериологические средства войны для поголовного уничтожения сотен миллионов, возможно, даже всей человеческой расы. Поскольку такие дьявольские политики правительств поддерживаются значительной частью их наций, то один этот факт говорит о том, что общественная мораль этих народов опустилась до безумно низкого уровня или последнего предела деморализации, что грозит массовым уничтожением человеческой расы.

(e) В войнах, революциях и других межгрупповых конфликтах двадцатого века наиболее тяжкая форма преступления - убийство человека человеком - выросла до беспрецедентных размеров, то же самое верно относительно мелких преступлений против личности, нравственности и прав собственности. Массовое отчуждение от свободы в форме массового заключения в тюрьмы, концлагеря, ссылки и т.д., причинение врагам различных -физических и душевных - страданий, насилия, сексуальных оскорблений, массовая конфискация собственности и другие примеры негуманности -все эти нарушения моральных и правовых норм были совершены в войнах, революциях и в других насильственных межгрупповых конфликтах этого века в беспрецедентном масштабе. Они часто совершались с хладнокровной, «научной» жестокостью. «Худшая из

бестий» в человеке вышла из-под контроля, как никогда в прошлом, и Человек-Убийца и -Разрушитель стал «звездой» исторической трагедии нашего времени.

(f) Апокалиптическая деморализация межгрупповых или общественных отношений, естественно, соответствует гигантской деморализации в межличностных или личных отношениях индивидов. Из сотен форм этой личностной деморализации здесь могут быть упомянуты следующие:

1) Систематический рост межиндивидуальной преступности - молодежи и взрослых - почти во всех западных странах.

2) Рост психических заболеваний, употребления наркотиков, самоубийств и *аномии* жертв моральной анархии.

3) Рост морального цинизма, коррупции, грубой чувственности типа «Ешь, пей и женись, так как завтра мы умрем» в правящих кругах и в частной жизни населения.

4) Рост нарушений договорных обязательств частными лицами, правительствами, профсоюзами и администрацией и всеми видами групп и объединений. Древний сдерживающий принцип *pacta sunt servanda*⁵⁵ во многом забыт и множество индивидов и групп не колеблясь нарушают свои договорные обязательства как только подвернется для этого удобный случай. Наряду с другими нарушителями все без исключения существующие правительства сами показали себя «хроническими обманщиками».

5) Этот вид нарушений также глубоко проник в сферу брачных и семейных отношений, что подтверждается большим и систематически возрастающим количеством разводов, раздельного жительства супругов, случаев оставления семьи и ростом добрачных и внебрачных сексуальных связей.

Даже опуская длинный ряд других доказательств гигантской деморализации, приведенная последовательность уродливых фактов делает ее едва ли оспоримой. Действительно, мы живем в век огромной негативной нравственной поляризации, которая редко наблюдалась в прошлой истории человечества.

4. Позитивная религиозная поляризация

Если бы для современной религиозной и моральной ситуации, которую я обрисовал в общих чертах, была характерна лишь негативная поляризация, то большая часть человечества уже погибла бы в межгрупповой и межиндивидуальной *bellum omnium contra omnes*⁵⁶ -, уже разразились бы ядерная, химическая, бактериологическая мировые войны

⁵⁵ *pacta sunt servada* – Договоры должны соблюдаться (лат.). Одно из положений международного права.

⁵⁶ *Bellum omnium contra omnes* - война против всех (лат.). Цитата из книги Т.Гоббса «Левиофан» (М., 1936. Ч.1. гл. 13. С.115).

и у оставшейся жалкой части человеческой расы не было бы ни достойной жизни, ни порядка, чтобы можно было выжить и продлить свое существование. И если этот трагический финал еще не наступил, то это во многом было обусловлено сопротивлением сил позитивной религиозной и моральной поляризации, которое они оказали деструктивной работе сил негативной поляризации. Деструктивное действие последней, по-видимому, было как-то ограничено и нейтрализовано благодаря конструктивному противодействию позитивных сил.

Обзор религиозных и моральных феноменов нашего века, основанный на фактах, показывает, что наряду со вспышкой сил негативной поляризации появились и растут силы позитивной религиозной и моральной поляризации. Хотя в настоящее время силы негативной поляризации еще преобладают, силы позитивной поляризации уже вполне заявили о себе. Если в течение примерно одного десятилетия силы негативной поляризации не преуспеют в подготовке всеобщей кремации человечества, то конструктивные религиозные и моральные силы обязаны вырасти в достаточной степени, чтобы в конечном счете одержать победу над деструктивными, создать новый общественный, культурный и личностный порядок в человеческом универсуме. Таким был способ выхода из многих великих кризисов в прошлом (когда общества, вовлеченные в кризис, не погибали и преодолевали свое критическое состояние)⁵⁷ и таков должен быть выход из современного опасного положения, в котором оказалось человечество. Давайте взглянем на некоторые проявления позитивной поляризации нашего века.

(a) Одно из доказательств поляризации дает население России. Несмотря на все суровые преследования религий в первый период революции, несмотря на частичное лишение гражданских прав, эта религиозная общность еще существует; несмотря на воинствующий крестовый поход атеизма, существует еще около пятидесяти миллионов членов русской православной церкви; около пяти миллионов членов протестантских вероисповеданий; несколько миллионов католиков, магометан, евреев и членов других институционализированных религий с их церквями; тысячи священников и богословских школ; не считая миллионов религиозно мыслящих людей - мистиков, гностиков и т.д., неприсоединившихся к институциональным религиям. И с течением времени число таких религиозных людей скорее растет, чем уменьшается. Выживание и рост религиозности в чрезвычайно неблагоприятных условиях возможны только благодаря чрезвычайно усилению, очищению и одухотворению религиозности этих миллионов⁵⁸. Просто рутинная внешняя религиозность нормальных времен была бы неспособна

⁵⁷ См. исторические факты в: P. Sorokin, *Man and Society in Calamity, quoted*, chs. 10-13.

⁵⁸ В первые годы революции я лично был свидетелем этой интенсификации и спиритуализации религиозности верующих: это было очень похоже на готовность ранних христиан страдать за свои религиозные ценности; атмосфера религиозных служб, проводившихся в некоторых оставшихся церквях, напоминала службы в раннехристианских катакомбах.

вынести преследования, лишения гражданских прав, атеистические нападки и уступила бы под давлением гигантского пресса антирелигиозных сил, как это все-таки случилось со многими миллионами населения России, которое нерелигиозно или индифферентно, по крайней мере, в своем отношении к институционализированным формам религии.

Во многом обусловленные этой позитивной поляризацией, религиозные преследования, *два* религиозные, в настоящее время практически прекратились; автономия всех институционализированных религиозных властей в религиозных вопросах установлена юридически и фактически; даже основные расходы патриархии русской православной церкви оплачиваются советским государством.

Атеистическая пропаганда в значительной степени ослабла. Даже философия диалектического материализма, как основа атеистических идеологий, стала заметно более идеалистической, чем это было в начале революции. Если исключить материалистическую терминологию, то в остальном она ближе к гегелевскому объективному идеализму и в ряде пунктов к философиям Платона или Фомы Аквинского, чем к «вульгарному» механистическому материализму (как называют его советские философы диалектического материализма)⁵⁹.

(b) В Соединенных Штатах (и в некоторых других странах) позитивная религиозная поляризация заявила о себе ростом числа приверженцев институционализированных религий, с 47% населения в возрасте 14 лет и старше в 1926 г. до 63% в 1960 г.; расширением финансовых вложений в религиозные институты, в строительство религиозных сооружений; и другие признаки религиозного развития.

(c) Еще более важный признак этой поляризации – рост неинституционализированной религиозности и интенсивный поиск основополагающей реальности и высших ценностей. Рост неинституционализированной религиозности выражается, помимо всего прочего, в возникновении и умножении числа различных духовных сект и альтруистических моральных групп типа «высоколобых» (таких как «гуманистические» и «этические» группы) и «низколобых» («Свидетели Иеговы» и т.д.). Эти секты и группы относятся к своим религиям и моральным предписаниям гораздо более серьезно, чем обычные верующие санкционированных государством религий в нормальные времена. Они считают свои религиозные ценности священными и неприкосновенными и пытаются не только проповедовать моральные заповеди, но и следовать им в своих действиях.

Что касается поиска высшей реальности и высших ценностей, который является центральной проблемой всех религий, то несмотря на отсутствие статистических данных о числе лиц, занятых таким поиском,

⁵⁹ См. предыдущую главу «Взаимная конвергенция США и СССР в третий смешанный социокультурный тип». Эта статья была опубликована в немецком переводе: *Zeitschrift für Politik* дек. 1960 и в испанском переводе: P. Corokin, *Convergencia de Estados Unidos y la U.K.B.S.*, Costa-Amie; Mexico, 1961.

достоверно установлено, что этот род поиска продолжается сегодня в миллионах душ наших братьев. Общая небезопасность нашего времени (особенно из-за ожидания всеобщей кремации); разочарованность в преходящих и случайных материальных ценностях; скептицизм и неверие в догмы и ритуалы старых религий; безудержные кровавые военные конфликты, мятежи и внутренние волнения; трагически тяжелые экономические, политические, социальные и общие ситуации многих групп и миллионов индивидов; общий дух беспокойства и обесценивания всех ценностей - эти и многие другие причины вынуждают миллионы индивидов искать новые или пытаться восстанавливать старые, высшие ценности и непреходящие реальности. Несмотря на свою неосязаемость, этот поиск является, возможно, наиболее значительным проявлением позитивной религиозной и моральной поляризации. Точно из такого же рода поиска возникли в прошлом все великие религии как новые ответы на трагические проблемы тех времен и обществ. И есть высокая вероятность того, что теперешний поиск новых или вновь открытых старых основополагающих истин выявит новых пророков и новых творцов будущих великих религий. В этом и заключается в наше время особое значение такого поиска для миллионов человеческих душ.

(d) Следующие признаки позитивной поляризации таковы: 1) воодушевляющие евангелические проповеди и поучения, подтверждаемые примерами успешной пропаганды многих религиозных лидеров; 2) многочисленные обращения в веру, достигнутые благодаря их деятельности; 3) использование для религиозных целей современных средств коммуникации, таких как радио, телевидение, кино и пресса; 4) заметно увеличившееся число религиозных публикаций и периодических изданий; 5) различные специальные усилия духовенства для более честного и компетентного выполнения своих обязанностей, включая необходимый для этой цели научный тренинг; 6) лучшая организация религиозных органов для более действенного и эффективного выполнения их функций и некоторые другие усовершенствования религиозных организаций, их деятельности и духовенства.

(ё) Более важный симптом этой поляризации возникает в результате сотрудничества и унификации различных христианских и других вероисповеданий в ходе их согласованной религиозной работы. В этой работе они теперь гораздо большее значение придают общим ценностям различных религий, чем их различиям и «преимуществам». Эта тенденция заметно ослабляет во многом бесплодное соперничество между вероисповеданиями и усиливает задачу религиозного воспитания человечества в согласии с основными общими ценностями всех религий. Наряду с другими позитивными результатами, это привело к слияниям нескольких вероисповеданий, к согласованной работе и организации различных межрелигиозных представительств, кульминацией которых являются Всемирный Совет церквей, Экуменические религиозные

конференции и Всемирные конгрессы религий. Это объединение и сотрудничество в духе ведического девиза «Бог Один, но люди называют его разными именами», уже дало многие значительные результаты. Вышеназванные и многие другие движения делают возникновение и рост позитивной религиозной поляризации достаточно очевидным. Хотя она пока кажется менее заметной, чем негативная поляризация, тем не менее, в наше время сам факт ощутимого институционального и неинституционального религиозного возрождения вполне очевиден и реален.

5. Позитивная моральная поляризация

То же самое может быть сказано о позитивной моральной поляризации нашего времени.

(a) Как противодействие смертоносным войнам, кровавым конфликтам и продолжающейся угрозе новой мировой войны во всех странах возникли тысячи антивоенных организаций, которые быстро развивают свою деятельность. Начиная с Организации Объединенных Наций и кончая многочисленными пацифистскими и ненасильственными группами и ассоциациями - местными, национальными и международными, - эти силы мира и моральные авторитеты уже оказывают довольно сильное влияние на правительство и другие силы милитаризма, организованного убийства и насилия. Война и кровавое насилие как средства разрешения межгрупповых и межличностных конфликтов уже во многом морально дискредитированы. Едва ли в какой-либо период в прошлом во всем организме человечества имело место такое отвращение к этим насильственным средствам и такое распространение ненасильственного сопротивления злу, как это можно наблюдать в настоящее время. Все возрастающая часть человеческой популяции со все большей определенностью стремится изгнать из истории человечества позор войн и реализовать величайший моральный императив «Не убий», так же как и другие универсальные и непреходящие моральные заповеди.

И если новая апокалиптическая мировая кремация не разразилась до настоящего времени, то это во многом благодаря мобилизации и деятельности этих моральных сил. Фактически и потенциально они представляют, возможно, самую важную форму позитивной моральной поляризации.

(e) Еще одно проявление позитивной поляризации - это финансовая и нефинансовая помощь, которая бескорыстно предоставляется многими правительствами, общественными и частными организациями группам и лицам, срочно нуждающимся в такой помощи. Одни только Соединенные Штаты потратили многие миллиарды долларов на «слаборазвитые страны» и на многие другие группы, нуждающиеся в помощи. Крупные суммы расходуются с этой целью и другими странами. В дополнение к

финансовой помощи, техническая, научная и культурная помощь великодушно предоставляется многими группами и организациями народам и группам, которые в ней нуждаются. Этот вид альтруистической деятельности достиг сейчас исключительной степени, несопоставимой с тем, что было прежде.

(с) То же верно и относительно бескорыстных акций одних индивидов по отношению к другим. Хотя такие моральные деяния гораздо реже становятся достоянием общественности, чем индивидуальные агрессивные действия, тем не менее они каждодневно совершаются миллионами людей в их межличностных отношениях. Почти любое агрессивное и жестокое действие одного индивида по отношению к другому в наше время встречает бескорыстное противодействие, зачастую то подразумевающее великую жертву, то достигающее высот морального героизма.

(d) Даже в политической сфере, где политика «Сила есть право» особенно практиковалась и где негативная поляризация особенно сильна, позитивная поляризация развивалась и уже достигла многих позитивных результатов, таких как освобождение почти всех колониальных народов от колониального рабства, ликвидация многих расовых, этнических, религиозных и других ограничений гражданских прав и неравенств, рост потенциальной свободы, ослабление политической коррупции и безответственности и другие моральные последствия.

Все возрастающая часть человечества настоятельно стремится сейчас построить более достойные и лучшие формы политической организации и социальной жизни и в значительной степени преуспевает в решении этой задачи - и не только в западном, но не меньше и в восточном блоке наций. Наряду со строгой регламентацией миллионов своих сограждан, советский и подобные ему режимы освободили эти миллионы от многих форм подчинения и эксплуатации, от которых они прежде страдали. Посредством политики коллективизации, национализации и частичного уравнивания эти режимы требовали от своих сограждан не только ментальности и поведения дисциплинированных и порабощенных заключенных, но также характера и поведения свободного коллективного «мы», спонтанно объединенного в одну огромную семью симпатией и ответственностью, взаимопомощью, свободным сотрудничеством и бескорыстной любовью. В таком сообществе мало изолированных индивидов, полностью поглощенных своими эгоистическими стремлениями, не заботящихся о других и не ощущающих ничьей заботы.

В несколько иной форме к задаче создания в человеческом универсуме морального и социально более достойного порядка довольно энергично стремятся и в западном блоке государств. В стремлении к этой цели оба блока наций освобождаются от негативных и устарелых дефектов так называемых капиталистических и коммунистических порядков и движутся к новому интегральному порядку, воплощающему реальные

ценности образа жизни и организации того и другого. Несмотря на превалирующие политики правительств и политических деятелей обоих блоков, все еще лихорадочно занятых своими «горячими и холодными войнами», эта тенденция быстро набирает силу. Если в ближайшем будущем не разразится третья мировая война, эта тенденция безусловно сохранится и будет в конечном счете преваллировать над деструктивными, во многом устарелыми политиками капитализма и коммунизма. Реализация интегрального порядка означала бы эпохальный моральный шаг человечества вперед в его созидательной миссии на этой планете.

(e) Позитивная поляризация имела место также и в области научных теорий моральных феноменов. Стимулируемое бедствиями этого века более тщательное исследование этих феноменов привело к коренному пересмотру многих предположительно научных теорий, господствовавших до недавнего времени, и замене этих неадекватных «идеологий» более достоверными научными идеями.

1) Во-первых, модные идеологии, которые рассматривали моральные феномены лишь как декоративное убранство для экономических и других материальных интересов, были признаны неадекватными и односторонними. Теории, которые отрицали эффективность моральных сил в обусловливании человеческого поведения, и индивидуального, и коллективного, также были признаны во многом ошибочными.

2) В качестве специфической детали этих умозаключений современные биологические и психосоциальные науки довольно единодушно подчеркивают, что моральные факторы взаимопомощи, сотрудничества, симпатии и бескорыстной любви (в ее инстинктивных, рациональных и сверхрациональных проявлениях) играли, по крайней мере, такую же важную роль в биологической и психосоциальной эволюции живых форм и, особенно, в истории прогресса человеческой расы, как и чрезмерно подчеркивавшийся ранее фактор борьбы за существование, который включает эгоистическое соперничество, ненависть и грубую силу. Последние исследования роли бескорыстной творческой любви показали, что она была и продолжает оставаться реальной силой, которая может: (a) остановить межличностную и межгрупповую агрессию; (b) преобразовать враждебные отношения в дружеские; они также показали: (c) что любовь пробуждает любовь, а ненависть порождает ненависть; (d) что любовь может влиять на международную политику и умиротворять международные конфликты; (e) что любовь - это дающая жизнь сила, необходимая для физического, ментального и морального здоровья; (f) что альтруисты живут дольше, чем эгоисты; (g) что у детей, лишенных любви, больше шансов стать морально и социально дефективными; (h) что любовь является сильным противоядием против преступных, патологических и суицидальных тенденций, против ненависти, страха и психоневрозов; что любовь выполняет важные познавательные и эстетические функции; (j) что она

является самой возвышенной и самой эффективной воспитательной силой для просвещения (enlightenment и морального облагораживания человечества; *(k)* что она является сердцем и душой свободы и всех основных моральных и религиозных ценностей; *(l)* что минимум любви абсолютно необходим для продления существования любого общества, и особенно для гармонического социального порядка и созидательного прогресса; *(m)* наконец, что в настоящий катастрофический момент истории рост «производства, накопления и циркуляции любви-энергии» и значительная альтруизация индивидов, групп, институтов и культур является необходимым условием для предотвращения новых войн и смягчения межличностных и межгрупповых раздоров⁶⁰.

3) Следовательно, все теории, которые рассматривают моральные нормы и ценности как просто договоренности между людьми, которые могут изменяться по их воле, и все модные идеологии, которые подчеркивают неограниченный релятивизм и атомизм, базируются на ложном фундаменте. Более тщательное изучение моральных феноменов (правовых кодексов, нравов, народных обычаев и моральных систем) показывает, что наряду с локальными, временными и постоянно меняющимися родовыми моральными и правовыми нормами, существуют и определенные универсальные и вечные моральные и правовые нормы, которые необходимо применять во *всех* обществах по отношению к их членам и они совершенно необходимы для поддержания жизненного благополучия любого общества или индивида. Главные моральные заповеди всех великих религий, всех правовых кодексов, всех нравов и народных обычаев относительно соответствующих членов группы, их «Ты должен» и «Ты не должен» очень сходны, часто идентичны. Индивиды или группы могут, конечно, нарушать эти нормы, как они, к сожалению, и делают; но за нарушение моральных законов, как и за нарушение физических законов природы, они должны заплатить тяжкую цену в виде различных губительных для них последствий. В связи с этим современные научные теории моральных феноменов в значительной степени дискредитировали псевдонаучные идеологии неограниченного морального релятивизма и атомизма и заложили научное основание для практического создания системы всеобщих и вечных моральных ценностей, которые связывают всех и необходимы для благополучия любой группы и любого индивида⁶¹.

4) Недавно подобная ревизия произошла и в отношении теорий человеческой личности. Человек рассматривался ранее в основном как животный организм вида *Homo sapiens* и интерпретировался прежде всего с механистической, материалистической, рефлексологической,

⁶⁰ См. подробности и соответствующие доказательства этих утверждений в: P. Sorokin, *The Ways and Power of Love* (Boston: Beacon Press, 1954). Существует огромная литература по этим проблемам. См. также следующую статью: Мистическая энергия любви.

⁶¹ Сравните для развития и подтверждения этих положений: P. Sorokin, *Dynamics*, quoted, Vol. II, chs. 13-15.

либидональной и эндокринологической точек зрения. На этом типе интерпретации базируется нынешнее дурное обращение человека с человеком и то, как расходуется человеческая жизнь. Новая интегральная теория человеческой личности не отрицает, что человек является животным организмом, наделенным «бессознательным», рефлексивно-инстинктивным механизмом тела, но она подчеркивает, что помимо этой формы бытия, человек – это сознательный, рационально мыслящий и сверхсознательный творец, или дух, (что отсылает к Nous (Коиз), Пневме, Духу, Душе, или Божественному Я человека). Благодаря этим формам бытия человек становится исключительной самоценной величиной, которую нельзя считать просто средством для кого или чего-либо⁶².

Эти и другие пересмотры научных теорий моральных и родственных им феноменов являются не только одним из проявлений позитивной поляризации, но они закладывают научное, философское и идеологическое основания для создания более достойного морального и религиозного строя.

Что касается проявления позитивной поляризации, здесь можно добавить многие другие симптоматические факты. Именно потому что они всеобщие, они демонстрируют реальность этой поляризации. Хотя силы негативной поляризации кажутся все еще преобладающими, тем не менее силы позитивной поляризации обнаруживают уже заметную способность для сдерживания и уменьшения губительных действий сил нерелигиозности и деморализации. Вместе с силами позитивной религиозной поляризации они сейчас включаются в решительную борьбу со своим противником. Эта борьба является одним из самых главных конфликтов нашего времени.

6. Прогноз

Каким будет окончательный результат этой эпохальной борьбы?

Никто, и меньше всего я сам, не в состоянии предсказать с уверенностью, какая из этих сил победит. Человечество двадцатого века, особенно его властные элиты, обнаружили такую гаргантюанскую глупость, грубость и садистскую разрушительность, что даже энтузиаст, верящий в прогресс человечества, сдерживает свой кандидовский оптимизм. С другой стороны, история человеческой расы свидетельствует, что она каким-то образом способна преодолевать многие катастрофы на протяжении своего долгого исторического существования. Одну вещь, однако, можно сказать: если силы негативной поляризации решительно будут превалировать, их победа будет отмечена вспышкой новой апокалиптической (ядерной, химической и бактериологической) мировой войны, которая, конечно, положит конец если не навсегда, то на долгие времена, миссии человека во всех областях созидания, включая

⁶² См. об этой интегральной теории человеческой личности: P. Sorokin, *The Ways and Power of Love*. chs. 5,6,7.

религиозную и моральную сферы. В этом случае более подходящим был бы торжественный реквием по *Homo sapiens* (если кто-то останется в живых, чтобы исполнить его), чем ученый трактат о религиозных и моральных последствиях всемирной кремации.

В сотрудничестве со всеми созидательными факторами, силы позитивной поляризации должны сделать все, чтобы предотвратить траурный *финиш* истории человечества. Для того чтобы выполнить эту задачу и затем строить новый культурный, социальный и личностный порядок в человеческом универсуме, эти силы сами должны испытать некоторые существенные перемены и перестройки в своей стратегической деятельности. Из большого числа таких самопреобразований и перестроек здесь можно отметить следующие:

(а) Ради настоящего и ближайшего будущего все религиозные и моральные силы должны использовать все возможное влияние, чтобы предотвратить новую мировую войну и другие кровавые конфликты. Поступая таким образом, они выполняют одну из главных заповедей всех религиозных и истинно моральных систем, а именно: «Не убий». До настоящего времени они в этом часто терпели неудачи: они даже благословляли и одобряли войны, мятежи и узаконенные убийства различных «врагов»; в лучшем случае они часто проповедовали эту заповедь и редко практиковали ее. Даже в проповедях они больше беспокоились об угождении разным «Цезарям», чем о Боге и его моральном императиве. Сейчас пришло время, когда поверхностному полуханжескому исполнению этого императива должен быть положен конец. Иначе соответствующие религии и моральные системы или сделаются неэффективными, или станут одной из многих деструктивных сил негативной поляризации. Провидение, или Судьба, предъявила ультиматум всем религиозным и моральным системам: или они решительно начнут реализовывать этот императив, или станут пустыми оболочками некогда созидательных сил. Если бы, однако, религиозные и моральные силы всех вероисповеданий вышли за пределы своих родовых интересов и искренне, иногда даже наступательно по отношению к другим силам, направили авторитет на предотвращение новой мировой войны и реализацию заповеди «Не убий», они выполнили бы свой долг перед Богом и сослужили бы великую службу человечеству. Этой услугой они продемонстрировали бы свою собственную, не поддающуюся оценке ценность и созидательную способность. В этом отношении они стали бы одним из великих спасителей человечества и строителей более достойного миропорядка.

(b) Ради той же цели все религии, старые и новые, должны усилить свою работу в области моральной трансформации внешнего поведения своих приверженцев, понуждая их не только заявлять о своей вере, но и следовать своим моральным заповедям, особенно главной заповеди «Бог есть Любовь». Если такая «легковесная религия» не подкрепляется

деяниями бескорыстной любви и выражается только вербально и ритуально, то она мало помогает предотвращению угрозы всемирной кремации. Иисус, Св. Иаков и Св. Павел верно утверждали, что «вера без дел мертва!» Из-за необходимости систематически исполнять заповедь любви - главную заповедь морального кодекса - следовать ей намного труднее, чем просто применять «словесно-ритуальное» исповедание веры; поэтому истинно верующие, неукоснительно следующие моральным заповедям, были всегда незначительным меньшинством в любой религиозной группе. Среди миллионов христиан немного таких, кто регулярно исполняет большинство наставлений Нагорной проповеди. То же верно и относительно последователей других религий со многими миллионами приверженцев. Глубокая пропасть между благородными наставлениями и недостойными практиками объясняет скромные результаты религий в деле предотвращения и устранения кровопролитных раздоров между людьми.

Современная, в высшей степени критическая ситуация, в которой находится человечество, и глубокая пропасть между благородными вероисповеданиями и недостойными практиками настоятельно требуют от всех религий максимально возможной концентрации на проблеме морального преобразования человеческой расы в направлении созидательной и бескорыстной любви, не только проповедуемой, но и практикуемой. С другой стороны, сомнительно, что религии, в которых большую роль играет словесно-обрядовая сторона, смогут стать духовными и моральными лидерами в преодолении гигантских опасностей настоящего и строительстве будущего мира. Мы не должны забывать, что практически все великие религии возникли в обстановке катастроф и в первоначальный период были прежде всего и больше всего *моральными* социальными движениями, вдохновленными симпатией, сочувствием и Евангелием Любви. Они намеревались достичь морального возрождения деморализованного общества. Только позднее эти движения стали обрастать сложными теологическими догмами и действующими на воображение ритуалами. Это одинаково верно относительно даосизма, конфуцианства, зороастризма, индуизма, джайнизма, буддизма, иудаизма Моисея и пророков, христианства и других этико-религиозных движений. В прошлом, в героической фазе развития этико-религиозные движения очень помогли преодолению катастроф в древнем Египте, Вавилоне, Китае, Индии, Персии, Израиле, Греции, Риме и других западных странах. Сейчас эту задачу существующие религии могут выполнить сообща для всего человечества. Поскольку главные моральные заповеди всех великих религий существенно схожи, они могут вполне сотрудничать в деле альтруистического преобразования внешнего поведения, социальных институтов и культуры народов. Это сулит им реальную общую основу для такого сотрудничества, позволяя каждой из религий сохранять индивидуальность своих теологических догм и обрядов.

(с) В выполнении этой задачи, однако, существующие религии должны заменить прежде доминировавшие родовые взгляды на всеобщие, отвечающие необходимости практического исполнения, моральные заповеди не только по отношению к представителям данной конкретной религии, но и ко всем человеческим существам независимо от их вероисповедания, расы, национальности, социального положения, пола, возраста и других различий. Хотим мы того или нет, этап родового строя человеческой истории во всех его формах миновал. Человеческая раса уже стала в значительной степени одним взаимозависимым целым. Любое существенное изменение в любой значительной социальной общности – будь то национальная, государственная, религиозная, профессиональная, расовая или этническая группа, социальный класс или любой другой коллектив - вполне ощутимо влияет на жизнь и благополучие остального человечества. Замена эгоистической родовой политики всеобщей продолжается даже в конструктивной политике государств, социальных классов и других властных групп. Для религиозных организаций такая замена не только более актуальна и необходима, но и более легко достижима, потому что моральные заповеди почти всех мировых религий были адресованы всем человеческим существам, были всеобщими, неродовыми в своей сущности. На практике, однако, они часто применялись только к представителям конкретной конфессии, а не ко всем человеческим существам. Этап родового строя человеческой истории завершен. Универсальные моральные императивы, подразумевающие их всеобщность, нуждаются в исполнении их сегодня на практике. Время эгоистических родовых религий, поскольку это касается моральных заповедей, истекло.

(d) Замена религиозного трайбализма универсализмом, между прочим, включает: 1) отказ от монополистических притязаний многих религий на исключительную истинность и бесспорное превосходство над всеми другими религиями, а также отказ от политики религиозного империализма с его нетерпимостью, неуважением и преследованием других религий. Это последнее довольно часто применялось в прошлом такими «империалистическими» религиями, как иудаизм, христианство и магометанство (в меньшей степени религиями даосизма, конфуцианства, индуизма, джайнизма и буддизма). В своей беспредельной полноте Истинная и Высшая Реальность Бога еще остается *mysterium tremendum et fascinans, coincidentia oppositorum*, «Божественным Ничто», в котором сливаются все предметы и исчезают различия между ними. Как нечто целостное Бог едва ли может быть понят ограниченным человеческим разумом или ограниченными человеческими верованиями. Поэтому никакая человеческая религия не может притязать на монополию адекватного постижения Бога, выступать в качестве исключительного конфидента и агента Бога. С другой стороны, бесчисленные пульсации этого Беспредельного Океана позволяют различным группам верующих

отобрать то, что наиболее привлекательно для них. Таким образом поняты отличительные признаки в избранных «пульсациях» обычно выражены в догматах и ритуалах различных религий, и нет никакой необходимости в том, чтобы разные вероисповедания были антагонистичны друг другу или рассматривали свои собственные верования как единственно верные, а исповедания других религий как абсолютно ложные. Бережно храня свои собственные верования, последователи любой религии могут равно уважать верования других как дополняющие их собственные, открывая дополнительные аспекты *mysterium tremendum et fascinans*. Рассматриваемые таким образом религиозные различия можно воспринимать не только терпимо, но и искренне приветствовать и уважать. В совокупности они передают нам более полное познание Высшей Реальности, чем то, которое дается какой-либо одной религией. Такое рассуждение дает твердую основу для искреннего сотрудничества всех религий в решении великой задачи «ощущения Присутствия» (согласно Брату Лоуренсу) или лучшего познания «Божественного Ничто» и в реализации путей Господних в человеческом мире.

К счастью для нас, этот вид сотрудничества уже начался и быстро развивается. Он представлен такими движениями и организациями, как Всемирный Совет церквей, Экуменическая Конференция, созываемая Папой, Международный Конгресс религий, Конференция христиан и иудеев, совместные действия католиков, протестантов и иудеев по объединению двух или более вероисповеданий в единый религиозный организм и тому подобные феномены. Очень вероятно, что в ближайшем будущем истинно экуменическое сотрудничество всех религий, христианских и нехристианских, будет быстро расти и реализует эту важную задачу более полно.

(e) Наряду с сотрудничеством всех религиозных сил в духовном и моральном преображении человечества, все религии должны установить также гармоничные отношения и искреннее сотрудничество с наукой.

1) В то время как такие истины моральных кодексов, как Нагорная проповедь, едва ли могут быть усовершенствованы с помощью науки или какого-либо нового открытия методами действенного внушения этих заповедей в умы и повлиять на открытое поведение людей, религии с помощью научного познания и специальных методов преобразования человеческих существ и их поведения могли бы оказать большую помощь⁶³.

⁶³ В качестве примера можно упомянуть недавнее сотрудничество разных религий с психиатрией. Однако в этом отдельном случае, поскольку многие религиозные органы выбрали фрейдистскую Психиатрию и психологию, их выбор этой во многом псевдонаучной разновидности психологии и терапии едва ли удачен. Религии сами имеют гораздо более научный «монастырский психоанализ», который может быть обогащен знанием более здоровых или научных типов психологии и психиатрии. См. о «монастырском психоанализе» и различных методах действенного преобразования человеческих существ: P. Sorokin. *The Way and Power of Love*, chs. 16-22; P. Sorokin (ed.), *Forms and Techniques of Altruistic and Spiritual Growth* (Boston: Beacon Press, 1954).

2) В то время как в своей главной концепции Высшей Реальности (Бога) религии могут быть во многом независимыми от науки, их теологические поучения относительно эмпирических проявлений этой реальности следует рассмотреть и принять во внимание научные выводы об эмпирических феноменах. Наука, специализирующаяся в их изучении, знает о них больше, чем метафизика, теология и философия. Будучи более верными, научные выводы относительно эмпирических форм реальности не могут быть оспорены чисто спекулятивными и мифологическими идеологиями, еще присутствующими в догматах многих религий. Такая замена в религиях отживающих эмпирических мифологий научными выводами представляет собой еще одну форму сотрудничества и гармонизации религий и науки.

3) Сотрудничество может пойти дальше и глубже и может распространиться даже на область основных концепций абсолютной и истинной реальности, путей познания этой реальности и истинной природы человеческой личности. Здесь наука и религия могут действительно дополнять друг друга. Работая вместе, они могут прийти к более глубокому познанию этих основных проблем, чем работая порознь или воюя друг с другом. Отметим здесь, что признаки более глубокой кооперации уже появились в наше время. Об этом можно судить по основательным изменениям в современных научных теориях относительно абсолютной реальности, путей познания этой реальности и концепции человеческой личности - изменениям, которые заметно приблизили современные научные теории к лучшим религиозным философиям по этой проблематике.

То же может быть сказано и о последних научных теориях познания реальности⁶⁴. В этой интегральной теории познания «сверхчувственный-сверхрациональный» путь близок по духу «божественному откровению» религий.

Так и доминировавшие ранее чувственные теории человека как животного организма вида *Homo sapiens*, чья природа и поведение могут быть интерпретированы, главным образом, в механистических, материалистических, рефлексологических и других «физикалистских» терминах, быстро вытесняются более адекватной триадической концепцией человека, которая также близка по духу концепциям многих религий.

Приведенные примеры показывают, что я подразумеваю под более глубоким сотрудничеством науки и религии. В этом сотрудничестве они объединяются в одно *Ganzheit*, гармонично работающее для большей славы Господа и облагораживания человека.

Я упомянул лишь несколько путей ускорения роста и творческой

⁶⁴ Сравните детали этой интегральной теории познания и творчества и доказательства функционирования «сверхчувственного-сверхрационального» метода познания и творчества: P. Sorokin. *The Ways and Power of Love*, chs. 6-8; Sorokin's Reply in Allen's (ed.) volume *P.A. Sorokin in Review*. Durham N.C.: Duke University Press, 1953: очерк «Три главные тенденции».

способности сил позитивной поляризации. Если этот рост не будет прерван новой мировой войной и другими катастрофами, то эти силы будут, конечно, превалировать над силами негативной поляризации; они, в конечном счете, введут человечество в новую эру созидательной истории. Есть надежда, что в этой эре духовно и морально облагороженная религия будет искренне сотрудничать с морально ответственной наукой и просветленными и утонченными искусствами. Истина, добро и красота вновь объединятся в высшую триаду ценностей – раскрывающую все полнее тайны Высшей Реальности и преданно служащую человечеству в его творческой миссии на этой планете и за ее пределами. Наше время благоприятно для этой великолепной возможности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Мистическая энергия любви*⁶⁵

1. Новая область исследования

В течение последних десятилетий наука открыла для себя несколько новых областей исследования и применения. Проникновение в мир атома и использование атомной энергии – вот только два примера таких прорывов научного знания. Самое позднее из них это, наверное, открытие мистической сферы альтруистической любви. Несмотря на то что изучение этой сферы только начинается, ей, по-видимому, предстоит стать в будущем одним из важнейших объектов изучения.

До первой мировой войны и последовавших за ней катастроф нашего времени наука избегала эту область. Феномены альтруистической любви рассматривались скорее как предмет религии и этики, нежели науки. Их считали хорошими темами для проповедей, но отнюдь не для исследования и обучения. Более того, довоенная наука гораздо активнее интересовалась изучением преступников и душевнобольных, чем святых и гениев, и проявляла гораздо больше интереса к таким явлениям, как борьба за существование, эгоизм и ненависть, нежели к таким, как взаимопомощь, любовь и сострадание.

Волна гигантских бедствий, последовавших за 1914 г., а теперь и надвигающаяся опасность новой самоубийственной войны радикально изменили ситуацию. Эти бедствия стимулировали научное изучение бескорыстной любви. Они же привели и к основательному пересмотру многих теорий, считавшихся до этого научными, в особенности тех, которые исследовали причины и средства предотвращения войн, революций и преступлений.

Помимо всего прочего, этот пересмотр показал, что модные рецепты избавления человечества от бедствий не способны достичь своей цели, если они не принимают в расчет энергию неэгоистической любви. Этот вывод в равной степени относится ко всем тем рецептам, которые пытаются предотвратить конфликты только средствами политики, образования, религиозного осуждения, экономики, либо только военными средствами. Например, мы склонны думать, что если бы завтра во всем мире установилась демократическая форма правления, мы, наконец, обрели бы длительный мир и социальный порядок, в котором нет места преступлениям. Тем не менее, недавно проведенные скрупулезные сравнительные исследования преступности на примере 967 войн и 1629 внутренних смут из истории Греции, Рима, стран Запада за период от 600 г. до Р.Х. до настоящего времени показывают, что демократические

⁶⁵ Полное развитие и фактическое подтверждение всех положений этого очерка см.: Sorokin P. *The Ways and Power of Love*. (Boston: Beacon Press, 1954).

режимы едва ли отличались от автократических меньшей степенью воинственности, беспорядков и распространения преступности⁶⁶.

Более того, и образование в его современной форме никогда не было панацеей от международных войн, гражданских раздоров и преступлений. С X в. до нашего времени образование добилось громадных успехов. Количество школ всех видов, процент грамотности и число научных открытий и изобретений резко возросли. Однако количество и «смертность» войн, кровавых революций и тяжких преступлений не уменьшились. Наоборот, в XX столетии они достигли ни с чем не сравнимого уровня, тем самым превратив это столетие - самое научное и самое образованное из двадцати пяти прошедших веков греко-римской и западно-европейской истории - и в самое кровавое из них»⁶⁷.

Точно так же и огромный прогресс в области познания и освоения всех видов физической энергии не дал человеку длительного мира. Скорее, он еще больше увеличил шансы человека быть уничтоженным во всякого рода общественных конфликтах.

Даже поверхностная религия, чисто словесная и ритуалистичная, мало что может дать в решении этой задачи, если такая «облегченная» религия не включает в себя деяний бескорыстной любви. Иисус, Св. Иаков и Св. Павел совершенно справедливо учили, что «вера без дел мертва» и что «во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью». Так как систематическое соблюдение заповедей любви гораздо труднее, чем простое «словесно-ритуальное» исповедание веры, истинно верующие, те, кто неизменно осуществляют свои моральные заповеди, всегда составляли незначительное меньшинство в любой религиозной группе. Из миллионов христиан лишь немногие всегда поступают в соответствии с такими поучениями Нагорной проповеди, как «любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас», «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую», или с большинством других поучений этой проповеди. Сказанное справедливо и относительно приверженцев других религий, насчитывающих миллионы последователей. Изучив свидетельства о 73 обращенных известным евангелистом, мы установили, что только один из этих сошедших с «конвейера обращения» заметно изменил свое внешнее поведение в сторону альтруизма. Этим глубоким разрывом между высокими поучениями и низменными поступками объясняются скромные результаты религии в предупреждении конфликтов. Поскольку этот разрыв на протяжении нескольких последних столетий, по-видимому, все более углубляется, то у словесной религии мало шансов достичь этой цели в будущем.

Наконец, то же самое можно сказать и о других «магических» рецептах избавления от смертоносных форм социальных конфликтов.

⁶⁶ Доказательство см.: *Dynamics*. Vol. III. chs. 9-14.

⁶⁷ Доказательство см.: Sorokin P. *Reconstruction of Humanit.* (Boston: Beacon Press, 1948, chs. 1-3).

Установление коммунистической или социалистической, или капиталистической форм организации экономики также не может выполнить эту задачу, ведь ни одно из обществ с такими типами экономики, известных в истории, не свободно от описываемой борьбы. Не более обнадеживающей является вера в установление международного и внутреннего мира средствами «массового насилия» с помощью ядерного и других «ультимативных» методов войны. Эта, практикуемая в течение тысячелетия, политика «мира посредством войны» или по принципу римлян, *si vis pacem, para bellum* (хочешь мира – готовься к войне), не дала человечеству даже относительно продолжительных периодов мира. Последние исследования показывают, что в греко-римской и евро-американской истории военные инциденты происходили в среднем каждые 2-4 года, в то время как серьезные внутренние беспорядки имели место каждые 5-17 лет. Наконец, те же исследования обнаруживают, что с каждой новой войной изобретались все более смертоносные средства; масштаб, разрушительность и потери убитыми и ранеными в войнах и революциях неизменно возрастали, а не снижались. Эти «зловещие» факты в достаточной степени демонстрируют безнадежность упомянутых политических курсов для достижения длительного мира.

Незабываемый урок катастрофы этого века убедительно показывает, что без увеличения «производства, накопления и распространения» энергии неэгоистической любви, никакие другие средства не смогут ни предотвратить будущие самоубийственные войны, ни установить гармоничное устройство человеческого универсума. Таинственные силы истории, кажется, предъявили человеку ультиматум: погибни от своих собственных рук или поднимись на более высокий моральный уровень посредством благодати творческой любви. Эта ситуация объясняет, почему сейчас начато серьезное изучение этой энергии и почему она, вероятно, станет наиболее важной областью исследований в будущем.

2. Многообразие творческой любви

«Все это может быть верно», - часто говорят мне мои скептически настроенные друзья, - «но где доказательства, что эта энергия любви может работать? И если даже так, как мы сможем увеличить ее производство, накопление и распространение в человеческом обществе»? Мой ответ на эти трудные вопросы следующий: имеющееся у нас знание об этой энергии пока весьма незначительно. Наше «ноу-хау» ее эффективного производства и применения также очень скудно. И все-таки даже такое незначительное знание и скудное «ноу-хау» достаточно подтверждают гипотезу, что «благодать любви» является одной из трех высочайших энергий, известных человеку (наряду с истиной и красотой).

Эта энергия или сила отличается и не может быть сведена к скалярным физическим величинам, называемым «сила» (*force*), «работа»

(work), «мощность» (power), «энергия» (energy). Ее свойства скорее качественные, чем количественные. Пока у нас нет какой-либо единицы этой энергии (подобно эргу в физике) для ее точного измерения. Вследствие этого мы можем только очень грубо оценить ее в тех случаях, когда ее (а) интенсивность, (b) экстенсивность, (c) чистота, (d) длительность, (e) адекватность «заметно больше или меньше». Хотя эти величины (a, b, c, d, e) и называются «измерениями любви», они отличаются от размерностей «силы» или «энергии» в физике, выраженных формулами: MLT_T и ML_T). Более того, мы не знаем, применимы ли закон сохранения энергии и другие физические законы к энергии любви. Термин «энергия» используется нами в его общем значении, как «способность произвести действие или вызвать эффект».

Эта энергия любви проявляется как бесконечный универсум, который неисчерпаем качественно и количественно. Она как айсберг: только малая часть его видима, эмпирически воспринимаема и наблюдаема. Из многих форм существования этой энергии мы можем отметить здесь космическо-онтологический, биологический и психологический ее аспекты.

Космическо-онтологическая концепция энергии любви

В космическо-онтологическом аспекте альтруистическая любовь, или Добро, наряду с Истиной и Красотой, считалась одной из трех высших форм космической энергии, или реальности, или ценности, действующей не только в человеческом обществе, но и во всем космосе. Подобно христианской Троице - Отец, Сын и Св. Дух - Любовь, Истина и Красота являются величайшими ценностями, или энергиями, неразделимыми, но отличными друг от друга.

По этой причине подлинная истина всегда добра и прекрасна, подлинная красота неизменно истинна и добра и подлинная любовь всегда истинна и прекрасна. Потенциально каждая из них содержит две другие. В этой троице любовь понимается как унифицирующая, интегрирующая и гармонизирующая космическая сила, которая противодействует дезинтегрирующим силам хаоса, объединяет то, что разделяется враждой, строит то, что разрушается раздором; создает и поддерживает великий порядок во всем универсуме. Подобная формула «Бог есть любовь» и «Любовь есть Бог», присутствующая практически во всех великих религиях, является вариацией этой космической концепции неэгоистической любви.

Вечная космическая борьба между Ахура-Маздой - добрым космическим творцом и его противоположностью Ариманом - злым космическим разрушителем в зороастризме; и вообще добрый Бог как благодетель, в противоположность злему Сатане-

разрушителю, во многих религиях является еще одной вариацией той же онтологической концепции любви. Теория Эмпедокла, в которой «все вещи то сходятся воедино под влиянием Любви, то все они расходятся во враждебности Борьбы», развитая многими последующими мыслителями, включая Ф. Достоевского, Л. Толстого, В. Соловьева и М. Ганди, утверждает третью разновидность этой онтологической концепции.

В соответствии с ней, все эмпирические формы неэгоистической любви в физическом, биологическом и человеческом мирах - лишь проявления мистической космической любви.

Эмпирический биологический альтруизм

В качестве эмпирического феномена альтруистическая любовь означает специфическое поведение живых форм, стремящихся - инстинктивно или сознательно - быть полезными другим организмам. В растительном и животном мире она имеет во многом инстинктивно-рефлекторный характер. Там она проявляет себя в бесчисленных действиях и противодействиях сотрудничества и помощи, во всяком случае, настолько же постоянных и общих, как действия и противодействия в борьбе за существование.

Начиная с репродуктивной деятельности одноклеточных и многоклеточных организмов и акций родительской заботы о беспомощном новорожденном потомстве, и кончая тысячами различных форм оказания помощи, «инстинктивно-рефлекторный альтруизм» среди животных и растительных организмов утверждает себя, по меньшей мере, как общий и значительный фактор их жизни и эволюции, как фактор борьбы за существование. Без минимума помощи и сотрудничества само выживание и воспроизводство практически всех видов едва ли возможны. Это особенно верно для таких видов, как *Homo sapiens*, чьи детеныши рождаются беспомощными и требуют заботы об их выживании в течение нескольких месяцев или лет. В этом смысле альтруистические силы сотрудничества биологически являются более важными и жизненными, чем антагонистические силы.

Среди организмов наблюдается относительное равновесие между инстинктивно-рефлекторными альтруистическими стремлениями и бездейственными, эгоистическими. Тем не менее, в конечном счете, альтруистические стимулы, сосредоточенные на интересах группы, представляются более сильными, чем стимулы эгоистической природы.

Альтруистическая любовь в человеческом обществе: ее психологические и поведенческие характеристики

В человеческом обществе альтруистическая любовь проявляется одновременно как специфический психологический опыт, внешнее

поведение и социальное взаимоотношение. Несмотря на большое разнообразие конкретных форм альтруистического опыта, поведения и взаимоотношения, все подлинные альтруистические переживания и действия имеют две общие характеристики. Во-первых, это или «Я» любящего индивида стремится к слиянию и идентификации с любимым «Ты»; во-вторых, все любимые индивиды рассматриваются и воспринимаются как высшая ценность, а не просто как средство для чего-либо и кого-либо. Чем искреннее и чище альтруистическая любовь, тем заметнее в ней эти качества. В опыте и поведении слабовольного или в псевдоальтруизме эти свойства утрачиваются.

В зависимости от различных комбинаций эмоционального, волевого и интеллектуального элементов альтруистическая любовь в своей психологической характеристике различается «тональными качествами», или «цветами». Они выражаются такими понятиями, как сочувствие, симпатия, доброта, дружба, преданность, благоговение, доброжелательность, восхищение, уважение и другие. Все эти формы противоположны формам психологического опыта враждебного характера, которые выражаются такими понятиями, как ненависть, враждебность, неприязнь, антипатия, зависть и т.п. Если альтруистическая любовь остается на уровне чисто психологического опыта и не проявляет себя в соответствующих очевидных альтруистических действиях, тогда она становится «неосуществленной» или не «полностью реализованной» любовью. Такая чисто «психологическая» или «идеологическая», или «словесно выраженная» любовь часто оказывается псевдолюбовью или даже «лицемерным альтруизмом». Феномены такого рода «неосуществленной» любви, т.е. «психологической» и «поведенческой» любви, встречаются намного чаще в человеческом обществе, чем феномены «осуществленной» любви. В человеческом обществе встречаются миллионы «идеологических» или «словесно выраженных» альтруистов и сравнительно мало истинных, «состоявшихся» альтруистов, которые реализуют в своей практике благородные альтруистические заповеди. Как социальное отношение любовь участвует во всех взаимодействиях между двумя и более субъектами, где ценностные стремления и реальные потребности одного разделяются и поддерживаются другими. Следовательно, все взаимодействия такого рода могут рассматриваться как «работающие» от любви-энергии на различных уровнях чистоты, интенсивности, длительности и адекватности.

Альтруистическая и сексуальная любовь

Если в сексуальной любви эго партнеров сливаются в одно любящее «мы» и если партнеры рассматривают друг друга и обращаются друг с другом как с высшей ценностью, то сексуальная любовь становится одной из форм альтруистической любви. Когда эти характеристики отсутствуют

и когда сексуальные партнеры рассматривают и относятся друг к другу просто как к средству для получения удовольствия или вознаграждения, тогда сексуальная любовь превращается во взаимоотношение, лишенное альтруистической любви. Если сексуальные отношения включают в себя элемент принуждения одного партнера другим (как в случае изнасилования и т.д.) или элемент купли и продажи услуг (как в случае проституции и «коммерческих» браков), то сексуальная связь становится формой враждебных отношений, противоположных альтруистической любви.

Пять измерений альтруистической любви

Чтобы адекватно описывать и приближенно оценивать время от времени конкретные феномены альтруистической любви с их огромной сложностью, многомерностью и качественно-количественным многообразием, их можно свести к пяти основным «измерениям» - интенсивности, экстенсивности, длительности, чистоте и адекватности субъективных альтруистических целей с их объективными результатами.

(a) По интенсивности психологическо-поведенческо-социальная любовь ранжируется от нуля до бесконечности, от богача, подающего несколько центов голодному, или чисто словесной напыщенной любви, до добровольного пожертвования собственной жизни - «тела и души» для благополучия любимого субъекта. (b) По экстенсивности любовь колеблется от нулевой точки себялюбия (эгоизм) до любви ко всему человечеству, всем живущим созданиям и всему универсуму, (c) По длительности альтруистическая любовь изменяется от кратчайшего возможного момента до нескольких лет, десятилетий, часто всей жизни индивида или группы. (d) По чистоте любовь варьируется от чистой любви, мотивированной исключительно любовью ради любви или любовью одного человека ради другого, не принимая во внимание какие-либо утилитарные или гедонистические мотивы, до любви «грязной», мотивированной эгоистическими ожиданиями приключения, пользы, удовольствия или выгоды от такой «нечистой» любви. Чистая любовь не признает ни сделок, ни вознаграждений. Она ничего не просит взамен. Нагорная проповедь Иисуса и послание Св. Павла (I Кор. 13) прекрасно описывают возвышенную любовь. Все формы «продажной любви», включая гетеросексуальную, в которой сексуальный партнер любим только потому, что он или она дает удовольствие или вознаграждение, являются примерами «грязной» любви. Иногда такая любовь, лишенная альтруистических элементов, вырождается в отношение вражды и ненависти, (e) Адекватность любви колеблется от «слепой» до «мудрой» любви. В неадекватной любви всегда имеется расхождение между субъективными мотивами и целями любви и объективными последствиями неумных или неадекватных действий, посредством которых любовь

реализуется. Мать может страстно любить свое дитя и с готовностью пожертвовать чем-либо для блага ребенка, но реализуя свою любовь посредством неверных действий и средств, она может испортить ребенка и подвергнуть опасности его благополучие. Все формы такой слепой любви принципиально обусловлены недостатком научного знания о том, какие действия и средства могут или какие не могут дать ожидаемые результаты в отношении любимых людей. Даже самая чистая и самая сильная любовь может быть слепой, если она проявляет себя в ошибочных с точки зрения науки действиях.

Таковы пять основных «измерений» неэгоистической любви. Чем выше чья-либо эмпирическая любовь в каждой и во всех этих величинах, тем больше она количественно и тем возвышеннее качественно.

Альтруистическая любовь: «Эрос и Агапе»

Некоторые выдающиеся религиозные, философские и этические мыслители представляют альтруистическую любовь как эгоцентричный эрос, в то же время другие рассматривают ее как неэгоистическую или выходящую за пределы эго агапе (ego-transcending agape). Концепция любви-эроса предполагает, что субъект, который не любит самого себя или свое собственное эго, не может любить и никого другого. Следовательно, чтобы быть альтруистом, нет необходимости в трансценденции или подавлении своего эго и желания блага для самого себя. Необходимо лишь быть «просвещенным» относительно своих подлинных интересов, чтобы удержать эго или ее от эксцессов «непросвещенного эгоизма» и чтобы сотрудничать с другими индивидами для взаимной пользы. Эгоцентричный эрос, таким образом, является утилитарным, гедонистическим и «рациональным» по своей природе. Он придерживается правил: «живи и давай жить другим», «помогай другим, чтобы другие помогли тебе», «не делай вреда другим, чтобы не вредили тебе». Такая любовь-эрос способна к различению: она награждает только тех, кто ее заслуживает и отвечает на нее взаимностью. В противоположность эросу любовь-агапе - это неэгоистическая самоотверженная любовь, которая «не ищет своего» и свободно изливает себя. Возможно, она приходит к человечеству свыше (от ее космического источника, или Бога). Будучи неистощима в своем богатстве, как солнце, агапе светит и спасает грешников не меньше, чем целомудрие. В этом смысле она неразборчива, непостижима и непонятна для эгоцентричного «рационального» ума. Различающий эрос любит свой объект или субъект за его добродетель и его достоинства; неразличающая агапе своей любовью создает ценность и добродетель даже в лишенном прежде ценности объекте или субъекте. Две описанные формы неэгоистической любви - и их смешанные формы - всегда оказывали влияние на историю человеческого общества. Эрос и смешанная форма любви, по-видимому, встречаются более часто и более

обычны, чем любовь-агапе. С другой стороны, почти все величайшие апостолы любви, от Будды и Иисуса до Ганди, проповедовали и сами следовали скорее агапе, чем эросу. Возможно, это объясняет до некоторой степени огромное влияние таких апостолов на миллионы людей и на ход человеческой истории.

3. Энергия неэгоистической любви

Хотя существующее научное знание об альтруистической любви совсем незначительно, тем не менее можно с уверенностью утверждать, что энергия неэгоистической любви потенциально представляет собой гигантскую созидательную, восстанавливающую и исцеляющую силу. Если ее будут лучше понимать, почтительно воспринимать и мудро использовать, она сможет существенно помочь в освобождении человечества от его самых тяжелых недугов - войн, преступлений, безумия, нищеты и пороков.

В течение последних нескольких десятилетий биология, психология, социология и другие отрасли науки неуклонно сближались в направлении этих выводов. Стремительный рост числа данных убедительно демонстрирует созидательную и восстанавливающую функции любви в витальной, ментальной, моральной и социальной жизни индивидов, обществ и всего человечества. Вот несколько типичных примеров созидательных и целительных функций неэгоистической любви, вполне установленных и постоянно действующих в человеческом обществе.

Биологические функции любви-энергии

Биологический аспект любви-энергии проявляет себя повсюду в природе и в основном процессе жизни. Часто называемый «жизненной энергией», он таинственным образом объединяет различные неорганические энергии в поразительное единство живого одноклеточного или многоклеточного организма. Это таинственное созидание живых форм из неорганических элементов может рассматриваться как первое биологическое проявление эм-педокловой энергии любви. Зарождение практически всех одноклеточных организмов из родительской клетки либо посредством деления родительской клетки на четыре новых индивида (зооспоры), либо на 32 или на 64 микрозоида с последующим соединением гамет в новый организм является еще одним проявлением «биологической любви-энергии»; «двое на какой-то период связаны в ассоциацию взаимодействия», «жизнь одного либо другого в какой-то период зависит от потенциального, или действительного, бытия другого». Без такого взаимодействия, без родительской клетки, доставляющей жизненные ткани в новый организм, без метаболического и физиологического обмена между родительской и дочерней клетками появление нового организма, так же

как и само продолжение жизни, станет невозможным. Сотрудничество двух организмов в половом воспроизводстве многоклеточных организмов, сопровождаемое чувством биологического влечения между ними, является очевидной формой этой «биологической любви», необходимой для поддержания соответствующих видов и благодаря этому самой жизни. Родительская забота о потомке в период его беспомощности, забота, которая у некоторых видов, подобно *Homo sapiens*, должна продолжаться несколько лет, - наиболее очевидное проявление биологической любви-энергии. Без нее такие виды просто вымерли бы. Различная кооперация и взаимная помощь, функционирующие практически среди всех видов и необходимые для их выживания, - еще более ощутимые и унинереальные проявления биологической любви-энергии. Эта кооперация, взаимная помощь, «стадный или социальный инстинкт», «сочувствие», «симпатия» рассматриваются как «фундаментальная характеристика феномена жизни», универсальная и основная черта «борьбы за существование».

Короче, без функционирования биологической ипостаси любви-энергии ни сама жизнь, ни ее преемственность, ни сохранение и выживание видов, ни эволюция жизни, ни возникновение и эволюция *Homo sapiens* невозможны.

Любовь и самоубийство

Энергия любви, дающая жизнь и поддерживающая ее, поразительно проявляется в феноменах самоубийства. Мы знаем теперь, что главной причиной так называемого «эгоистичного», или «аномического» самоубийства выступает психосоциальная изоляция индивида, его состояние одиночества, отсутствие любви и заботы. Всякий раз, когда резко прерываются интимные привязанности индивида к другим субъектам, когда он становится человеческим атомом в универсуме, лишенным привязанности и преданности, возможность совершения им самоубийства возрастает. Когда любовь и привязанность индивида к окружающим его людям умножается и усиливается, вероятность самоубийства уменьшается. По этой причине среди разведенных, овдовевших и холостых уровень самоубийств выше, чем среди состоящих в браке, а у последних он выше в бездетном браке, чем у имеющих детей. По той же причине атеисты (не принадлежащие ни к какой религиозной организации) более часто являются жертвами самоубийства, чем истинно верующие: среди верующих восточно-православной церкви, католиков и иудеев коэффициент самоубийств ниже, чем у более индивидуалистичных протестантов и атеистов (менее тесно связанных между собой в религиозное сообщество). Это показывает, что без минимума любви жизнь для людей, заключенных в своих эгоистичных раковинах, становится просто бесполезным бременем.

Любовь, долголетие и здоровье

Энергия любви проявляет свои живительные свойства во многих других формах. При прочих равных условиях, из двух субъектов с идентичными биологическими организмами добрый и приветливый человек имеет тенденцию к более продолжительной жизни и лучшему здоровью, чем недобрый, и особенно одержимый ненавистью человек. Любовь в ее различных формах оказывается одним из наиболее важных факторов долголетия и хорошего здоровья; быть любимым другими и любить других, по-видимому, важнейший фактор жизнеспособности.

Важным свидетельством этого является продолжительность жизни христианских святых. Подавляющее большинство их были возвышенными альтруистами. Мое исследование 3090 христианских и католических святых и 415 русских православных святых с начала христианства до настоящего времени показало, что они имели более продолжительную жизнь, чем их чуждые святости и менее альтруистичные современники. Хотя жизнь 37% этих святых была прервана из-за преждевременной мученической смерти, хотя большинство жило аскетично, отвергая удовлетворение многих телесных нужд, хотя многие обитали в негигиенических условиях и средняя продолжительность жизни в течение столетий, предшествовавших XIX в., была значительно меньше, чем продолжительность жизни населения США в 1920 г., несмотря на все эти неблагоприятные условия, продолжительность жизни святых как группы была в несколько раз выше, чем продолжительность жизни американцев в 1920 г.

Исцеляющая сила любви

Тот факт, что любовь имеет целительную силу, подтверждается огромной массой данных, демонстрирующих исцеляющую энергию в отношении некоторых физических и ментальных расстройств. Современная психосоматическая медицина обоснованно рассматривает сильные эмоциональные нарушения, особенно агрессивного, враждебного и антагонистического типа, как один из основных факторов кардиососудистых, респираторных, гаст-рокишечных, выделительных, кожных, эндокринных и мочеполовых нарушений, а также эпилепсии и головных болей. Великий анатом Джон Хантер известен тем, что он сказал по поводу своей ангины: «Моя жизнь находится во власти любого мошенника, который сможет меня рассердить». Среди прочего, враждебная, раздраженная и недружелюбная эмоция лишает человека душевного спокойствия и в связи с этим (и другими путями) подрывает его здоровье и жизнеспособность. И наоборот, эмоции любви, симпатии и дружбы способствуют созданию душевного покоя, самообладания в отношениях с окружающими и миром вообще; по этой и иным причинам

такие эмоции оказывают живительный и целительный эффекты на организм при тех или иных нарушениях его деятельности.

Для детей материнская любовь есть жизненная необходимость. Лишенные теплоты любви, они слабеют и умирают так же быстро, как и от инфекции, голода или неподходящей диеты. Одно из последних исследований по этой линии проведено Рене А. Шпицем. Он снял фильм о смерти 34 подкидышей в приюте, которые имели там уход и все необходимое, но не имели материнской любви. Ее отсутствие стало достаточным основанием для их смерти. Весь процесс угасания их жизнеспособности был заснят д-ром Шпицем и может быть рассмотрен и прослежен исследователем. Через три месяца разлученные с родителями дети потеряли аппетит, не могли спать; они съеживались, хныкали и дрожали. Еще через два месяца они стали выглядеть идиотами. 27 подкидышей умерли в течение первого года жизни, семь - в течение второго года. 31 жили дольше, но «так изменились, что впоследствии они могли классифицироваться только как «идиоты».

Целительная сила любви особенно важна в *предупреждении и лечении ментальных и моральных нарушений*. Самым важным условием превращения новорожденных детей в нравственно и умственно здоровые человеческие существа является благодать любви в обеих формах - возможность любить и быть любимыми. Обделенность любовью в детстве приводит обычно этих несчастных к моральным и ментальным расстройствам.

В наш век психоневрозов и роста преступности несовершеннолетних, общества квакеров, меннонитов и гуттеритов в США дают либо самый низкий процент правонарушителей, преступников и умственно отсталых, либо вообще не сталкиваются с этой проблемой. Главная причина в том, что эти общества пытаются практиковать во взаимоотношениях своих членов наставления Нагорной проповеди; они не только проповедуют любовь, но и реализуют ее в своем повседневном поведении. Никто из членов этих обществ не лишен любви, и все они объединены в одно истинное братство.

Сила любви, симпатии, сочувствия и понимания является, видимо, главным исцеляющим фактором в различных видах терапии ментальных расстройств. Насколько целительны различные психиатрические методы в действительности, чрезвычайно трудно установить. Трудности связаны с отсутствием объективных критериев улучшения, диагноза, способов фиксации и т.д. Многие попытки оценить результаты лечения различными методами психотерапии дают противоречивые результаты - от очень низкого процента пациентов с временным и незначительным улучшением - примерно до 40-60% случаев психоневротических, сексуальных и личностных расстройств до гораздо более низкого процента в эпилепсии, мигренях, заикании, хроническом алкоголизме и психозах.

Несмотря на неопределенность и противоречивость результатов

лечения с помощью различных психиатрических методов, в одном жизненно важном пункте психиатры достигли существенного согласия, а именно в том, что основным исцеляющим средством во всех психиатрических методиках являются «прием» пациента терапевтом, взаимоотношения эмпатии, симпатии, доброты и любви, устанавливающиеся между терапевтом и пациентом. Другими словами, сущность лечебной терапии состоит в том, чтобы терапевт подвергал пациента «облучению» пониманием, добротой и любовью вместо того, чтобы создавать для него атмосферу отверженности, вражды, порицания и наказания, в которой обычно живет пациент.

Резюмируя свое исследование данных выздоровления пациентов, подвергнутых различным психиатрическим терапиям, К.Е. Аппель заключает: «Терапевтическая статистика позволяет утверждать... что любая терапия (в смысле дружеского общения между врачом и пациентом) действует скорее как принцип, чем как модель. Вообще в самом процессе терапии заключается нечто фундаментально эффективное, что действует независимо от методов».

К такому же заключению пришел Ф.Е. Фидлер в своих исследованиях эффективности различных психиатрических методов и особенно «идеального терапевтического отношения». Эти исследования показывают, что, несмотря на широкие различия в теориях и специальных приемах различных психиатрических методов, результаты лечения у специалистов по психиатрии довольно сходны и что выдающиеся психиатры различных школ единогласны в вопросе о том, что является наилучшим или «идеальным психиатрическим отношением». Оно характеризуется полной эмпатией между пациентом и терапевтом, хорошим взаимопониманием и атмосферой взаимного доверия и конфиденциальности. Терапевт глубоко вникает в проблемы пациента; пациент чувствует себя свободно, высказывая то, что ему хочется высказать. Терапевт принимает все чувства, которые выражает пациент, как совершенно нормальные и понятные (согласно старому правилу: все понять - значит все простить). Пациент принимает на себя активную роль в своем собственном выздоровлении. Другими словами, существует полное взаимопонимание и симпатия между сторонами, включенными в терапию.

В противоположность этому идеальному терапевтическому отношению, наихудшую и наименее эффективную терапию представляет наказывающий терапевт, который заставляет пациента чувствовать себя отверженным и малоуважаемым из-за безликого, холодного, часто враждебного отношения, из-за обращения с пациентом, как с ребенком или как с безответственным, опасным, глупым или стоящим ниже него субъектом. К.Р. Роджерс описывает процесс лечения следующим образом:

«Клиент подвигается от восприятия себя как недостойного, неприемлемого, нелюбимого субъекта к представлению, что в этом ограниченном взаимоотношении с терапевтом он принят, уважаем и

любим. Быть любимым, возможно, имеет здесь глубочайшее и существеннейшее значение, такое же, как быть глубоко понятым и глубоко принятым».

Похожие умозаключения делают компетентные терапевты практически во всех школах психиатрии.

Поскольку действительно исцеляющий фактор в ментальных заболеваниях - это любовь в ее различных формах, многие выдающиеся апостолы любви были способны излечивать ментальные расстройства у множества людей, хотя эти альтруисты и не имели никакой специальной психиатрической подготовки. Их возвышенная любовь и сверхсознание мудрости были превосходной заменой «недостатка любви или ее отсутствия» у обычных профессионально подготовленных психиатров. Действительно, для успешного лечения особенно серьезных ментальных расстройств просто слепая неадекватная любовь или слишком сухая «интеллектуализированная» любовь недостаточна. Где-то уже отмечалось, что истинно творческая и исцеляющая любовь должна быть не только чистой и сильной, но также «адекватной» или мудрой, выбирая адекватные средства для реализации своей прекрасной цели. Иначе она потерпит неудачу и принесет больше вреда, чем пользы. Хотя любовь, по-видимому, является главным исцеляющим фактором в терапии, она должна быть адекватной и мудрой любовью, руководствующейся духом высокого сознания или научной подготовкой терапевта. Необходимость адекватной научной подготовки отнюдь не аннулируется тезисом, что любовь - это главный фактор.

Любовь как витамин для здорового роста детей

Любовь не только лечит и оздоравливает ум и организм индивида, но и проявляет себя как решающий фактор жизненного, ментального, морального и социального благополучия и развития индивида. Нежеланные, нелюбимые, отверженные дети, лишенные в раннем возрасте блага любви, рано умирают или вырастают изломанной «человеческой порослью». Они подобны саженцам в неподготовленной почве, лишенным необходимых ингредиентов для нормального роста и жизнедеятельности. Если в этих условиях такие саженцы не умирают, то они растут чахлыми, уродливыми, слабыми и безобразными. Младенцы и дети, не освященные благодатью любви своей семьи, партнеров в играх и соседей, вырастают несчастными, умственно отсталыми и часто преступными человеческими существами. Любить и быть любимым, по-видимому, - самый важный «витамин», необходимый для здорового роста индивида и счастливого течения его жизни.

Это вполне подтверждается двумя разными группами данных. С одной стороны, дети нелюбимые, нежеланные и отверженные своими родителями, братьями или сестрами и др. составляют гораздо более

высокую долю несовершеннолетних правонарушителей, взрослых преступников или же физически и умственно отсталых, чем дети, которые достаточно любимы членами своей семьи и партнерами в играх. Нелюбимые и нелюбящие дети дают более высокую долю извращенных, враждебно настроенных и неуравновешенных взрослых, чем дети, выросшие под сенью благотворящей любви. Данные, подтверждающие это обобщение, существенны и адекватны. С другой стороны, почти все великие альтруисты, которые спокойно, без трагедий или внезапных обращений выростали в апостолов любви, вышли из гармоничных семей, где они были желанными и любимыми.

И позитивные, и негативные группы фактов подтверждают, насколько необходимо благоденствие любви в формировании здоровой, цельной и творческой личности.

Целый корпус существующих данных, иллюстрированный вышеприведенными примерами, едва ли оставляет сомнение в весьма благотворных биологических функциях, выполняемых энергией любви в жизни человека и эволюции других видов. Без этой энергии фактор борьбы за существование был бы совершенно не способен производить эволюцию живых форм от простейших одноклеточных организмов до *Нота дартлен5*. Еще менее мог бы он производить и поддерживать самое чудо жизни и его созидательные преобразования.

Умиротворяющая и гармонизирующая функции любви

Кроме биологических функций, энергия любви служит человечеству многими другими способами. Так, она была - и может быть еще в большей мере - наилучшим «гасителем» межчеловеческой агрессии, вражды и неурядиц. Следующий случай, имевший место в действительности, является типичной иллюстрацией этой роли любви.

Когда пожилая квакерша вошла в свою комнату в парижском отеле, она обнаружила грабителя, обыскивающего ящики бюро, где она хранила драгоценности и деньги. У него было ружье, которым он размахивал. Она спокойно предложила ему пройти вперед и сама помогла найти то, что у нее имелось. Она даже рассказала ему о нескольких местах, где хранились ценности, которые он не заметил. Вдруг мужчина издал хриплый крик и выбежал из комнаты, ничего не взяв. На следующий день она получила письмо, в котором было сказано: «Я не боюсь ненависти. Но ваша доброта и любовь обезоружили меня».

Многие из нас наблюдали и время от времени плодотворно использовали этот «метод симпатии и добрых дел» для умиротворения наших возбужденных детей во время их ссор, для исправления их дурного поведения, для улучшения неприязненных взаимоотношений с окружающими. Эти наблюдения и опыты убедительно свидетельствуют, что дружелюбные слова и поступки довольно часто более эффективны в

прекращении агрессии и превращении антагонистических взаимоотношений в Дружеские, чем угрозы, встречная агрессия, ненависть, наказание и другие враждебные действия и противодействия.

Это заключение вполне подтверждается экспериментальными работами Гарвардского исследовательского центра творческого альтруизма. Для экспериментальной проверки этой старой истины мы взяли пять пар студентов с сильной взаимной неприязнью друг к другу. Мы поставили перед ними задачу изменить за три месяца с помощью метода «добрых дел» свои враждебные отношения на дружественные. Мы убедили по одному партнеру от каждой пары начать оказывать другому партнеру небольшие дружеские услуги, вроде приглашения на ланч, в кино, на танцы или предложения помочь в домашней работе и т.д. Вначале эти услуги выполнялись без энтузиазма со стороны исполнителя и несколько раз отвергались партнером. Однако при повторении они начали терять враждебность и со временем заменили ее теплой дружбой в четырех парах и «безразличием» пятой пары.

Подобные эксперименты, выполненные между взаимно враждебными сиделками и пациентами в Бостонской психиатрической больнице, дали сходные результаты.

Любовь порождает любовь, ненависть рождает ненависть

Следующее доказательство гармонизирующей силы неэгоистической любви представлено бесчисленными фактами, показывающими, что такая любовь является, по крайней мере, столь же «заразительной», как и ненависть, и что любовь влияет на человеческое поведение так же ощутимо, как и ненависть. Если и когда индивид или группы индивидов обращаются к другим субъектам или группам в дружественной манере, то и ответ на такое обращение в подавляющем большинстве случаев обыкновенно благоприятный. И частота дружелюбных реакций на дружелюбное обращение, по крайней мере, так же велика, как и частота враждебной реакции на агрессивный подход.

Из множества наблюдений такого единообразия здесь мы можем отметить лишь несколько типичных случаев. Д-ра Р.У. Хайд и Г. Эйхорн изучали подходы и реакции группы пациентов в Бостонской психиатрической больнице и получили следующие результаты: на дружественные обращения респонденты реагировали в дружелюбной манере в 73% случаев общения, в 16% они реагировали в агрессивной манере, в 11% - нейтрально. На агрессивные обращения респонденты отвечали агрессивно в 69%, дружелюбно - в 25% и индифферентно - в 6% случаев. Исследователи отмечают, что 16% агрессивных реакций на дружественные обращения, возможно, обусловлены «поверхностно-дружелюбным подходом, скрывающим невыраженную явно тенденцию враждебности или незаинтересованности». Более того, дружелюбная

реакция на мнимо агрессивное обращение «могла быть принята реципиентами как похвала относительно их сексуальных возможностей». Какова бы ни была причина агрессивной реакции на дружелюбный подход и дружелюбной реакции на агрессивное обращение, принцип, согласно которому любовь вызывает любовь, и вызывает ее так же часто, как ненависть вызывает ненависть, ясен из этих данных. Доля дружелюбных реакций на дружелюбное обращение даже немного выше доли недружелюбной реакции на недружелюбное обращение.

В моем исследовании взаимоотношений, связывающих каждого из 548 студентов Гарварда и Радклиффа с его (или ее) «лучшим другом», дружба была инициирована в 23,7% случаев проявлением доброты, помощи, симпатии и заботы одной или обеих сторон; в остальных 76,3% случаев это было обусловлено сходством характеров, взаимной дополняемостью ценностных ориентации и жизненного опыта участников. Не было ни единого случая дружбы, инициированной агрессией одной или обеих сторон. Враждебные отношения между одним из этих студентов и его (или ее) «худшим врагом» в 48,1% случаев начались акцией агрессии или недружелюбия со стороны одного или обоих участников отношений. И этим вновь подтверждается: дружелюбие пробуждает дружелюбие, а агрессия порождает вражду.

В другом, более детальном исследовании того, как начиналась и развивалась дружба с «лучшим другом» каждого из 73 студентов Гарварда и Радклиффа и как росла враждебность во взаимоотношениях со «злейшим врагом» каждого из них, результаты довольно схожи с уже приведенными: в 24,2% начало дружеским взаимоотношениям было положено акциями доброты, великодушия, помощи, симпатии с одной или с обеих сторон; 42,7% враждебных взаимоотношений были инициированы агрессивностью и враждебностью действий одной или обеих сторон. Здесь вновь возникновение и развитие взаимоотношений дружбы и вражды подчинено формуле: «Любовь пробуждает любовь, вражда - вражду».

В большом количестве других исследований правило любви, пробуждающей любовь, всякий раз получало все новые и новые подтверждения. Правило это означает, что любая подлинная (и адекватная) любовь или дружба эффективно (хотя и не всегда) изменяет человеческий разум и внешнее поведение людей в дружественном направлении по отношению к дружелюбно действующему субъекту (ам). В этой внутренней и внешней трансформации сила любви, по-видимому, так же эффективна, как и сила ненависти или вражды.

Облагораживающая энергия любви

Энергия любви проявляется, кроме того, во множестве случаев обращения преступников в честных людей, обычных грешников - в нравственных героев и святых. У истоков значительной части таких

реальных обращений обнаруживаются проявления нежданной доброты или незаслуженной любви к будущему новообращенному, особенно когда он имел основания ожидать ненависти, страха или мести со стороны другого человека. Типичный образец такого рода стремительности в альтруистическом и духовном обращении великолепно описан Виктором Гюго в романе «Отверженные». Бывший каторжник Жан Вальжан, ожесточенный против всего мира, грабит доброго священника, который оказывал ему гостеприимство. Пойманного с поличным Жана Вальжана приводят назад к священнику для подтверждения, что вещи были взяты у него. Заявление священника в полицию, что он сам отдал эти вещи Жану Вальжану, сначала ошеломляет бывшего каторжника, потом потрясает его до глубины души. Шок бесповоротно приводит этого человека на путь последующего преобразования.

В различных формах такой образ действий часто оказывается самым мощным, ускоряющим моральное облагораживание стимулом. Так, среди святых отшельников известны некоторые случаи, довольно сходные с историей Жана Вальжана. Мудрость Отцов Пустынников обобщила все это в виде следующего правила: «Невозможно грубостью и суровостью так просто отвратить человека от его (дурного) намерения: но кротостью должен ты его привлечь к тебе». Иисус учил: «Возлюбите врагов ваших» и «Воздавайте ненавидящим вас любовью»; таковы и наставления даосизма, индуизма, буддизма и большинства великих религий и этических систем, как и нравственные учения Л. Толстого, Ф. Достоевского и М. Ганди, - все они в числе наиболее действенных, проверенных и достоверных воспитательных исцеляющих наставлений. Конечно, эти наставления, как и любая терапия, не являются безусловно успешными; случаи несостоятельности правила, конечно, известны; но в альтруистических целях оно работает гораздо чаще, чем противоположное правило отмщения, ненавистнического возмездия, наказания, принуждения, страха и враждебности.

Один из бедных пациентов д-ра Ф. Гааза (лечившийся бесплатно) украл его часы и затем был пойман. Д-р Гааз сказал полиции, что он сам дал часы вору, потом он пригласил вора к себе, говорил с ним приветливо и дал ему денег. Пациент был полностью исцелен от своих антисоциальных тенденций.

От 3 до 7% живущих в так называемом американском добрососедстве стали альтруистами благодаря стремительной, необычной и неожиданной доброжелательности, проявленной к ним. Среди студентов Гарварда и Радклиффа 2,3% испытали позитивное влияние неожиданно добрых дел. 2,9% из 73 Бостонских обращенных были обращены благодаря доброте веривших в них людей. В 37% изученных случаев студенты Гарварда и Радклиффа упомянули благодарность как фактор в пробуждении религиозных и нравственных чувств.

В современной психотерапии, как мы видели, метод

доброжелательного отношения к пациенту является основным правилом для каждого компетентного психиатра. Более того, метод любви используется в любой приносящей успех методике нравственного и социального воспитания нормального ребенка.

Стремительная, порывистая доброта в эффективной или неявной форме, - повседневный случай. Начиная с повседневного альтруизма членов всех благополучных семей, где метод любви и добрых дел используется как принципиальное отношение членов семьи друг к другу, и кончая сотнями подлинно социализирующих взаимоотношений между индивидами и группами, терапия все преодолевающей доброжелательности была одной из главных сил, поддерживающих необходимый минимум справедливости, мира, гармонии и альтруизма во всех обществах и во все времена.

Любовь как творческая сила в социальных движениях

Наряду с представлением любви как главной движущей силы жизни и биологической эволюции, мы рассматривали пока, главным образом, влияние любви на индивидов и на межличностные отношения. К счастью, энергия любви не ограничивается этим влиянием. Она выходит за пределы индивидуальных отношений и обстоятельств; воздействует на социальную и культурную жизнь человечества. Любовь действует как движущая сила творческого прогресса, направляя человека к вечной, более полной истине; вечной, более достойной добродетели; вечной, более чистой красоте; вечной, более ценной свободе и вечным, более прекрасным формам социальной жизни и социальных институтов. На всем протяжении истории каждый позитивный шаг в этом направлении был вдохновлен и «создан энергией» любви, в то время как движение в противоположном направлении от этих ценностей было порождено ненавистью.

Давайте рассмотрим несколько случаев влияния любви на массовые социальные движения. Мы начнем с конкретных вопросов: Может ли ненасильственная энергия любви остановить войну и обеспечить мир? Может ли мирная сила любви способствовать проведению значительных социальных реформ и конструктивных изменений? Может ли она состязаться с социальными реформами, вдохновляемыми ненавистью и связанными с применением насилия и кровавой борьбой враждующих партий?

Любовь способна остановить войну

Ряд точно описанных исторических событий дает ответ на эти вопросы. Как первое доказательство силы любви относительно войны и мира может быть отмечен эксперимент Ашоки. После вступления на трон в 273 г. до Р.Х. Ашока, подобно его предшественникам, провел первые 12

лет своего правления в войнах за консолидацию Индийской империи. Из надписей, сделанных по распоряжению Ашоки, мы узнаем, что ужасы войн пробудили в нем проникновенное раскаяние, чувство глубокого стыда и понимание абсолютной тщетности войны как средства умиротворения и социального совершенствования. В результате в 259 г. до Р.Х. он вступил в качестве монаха в Буддийский орден. Эта дата отмечает полное преобразование как самого Ашоки, так и его политики. Удачливый император-завоеватель превратился в усердного апостола мира, сострадания, любви и добрых деяний. Он начал проповедовать, применять и проводить «политику добра, милосердия, терпимости, правдивости, чистоты и вежливости», особенно по отношению к покоренным народам, и политику освобождения от «лишений, насилия, жестокости, страха, самонадеянности и зависти». Ему удалось обеспечить мир почти на 70 лет. Учитывая, что столь долгий период мира случался лишь трижды за всю историю Греции, Рима и 13 европейских стран, достижение Ашоки решительно наводит на мысль, что политика подлинного дружелюбия может обеспечить продолжительный мир более успешно, чем политика ненависти и агрессии, которой, к несчастью, еще придерживаются правительства в наше время.

С давних времен и до сих пор этой разбойной политике «мира посредством вооруженной силы», устрашения, принуждения и разрушения следовало подавляющее большинство правительств. Несмотря на прославление и бесконечное воспроизведение такой «заряженной ненавистью» политики в прошлом и настоящем, она не дала человечеству ни продолжительного мира, ни даже относительно длительных мирных периодов. В результате многократного применения грабительской и ненавистнической политики в течение тысячелетий человечество двадцатого века оказалось в самом кровавом, самом воинствующем, самом негуманном и самом разрушительном столетии из всех прошедших двадцати пяти веков.

Плодотворность воодушевленной любовью перестройки

Внутренняя политика Ашоки также была очень успешной. В его царствование без насилия и кровавых потерь успешно была проведена одна из величайших перестроек в истории человечества - витальная, социальная, экономическая, политическая, законодательная, ментальная, духовная и эстетическая. Для своего времени и для всех времен реорганизация Ашоки была глубже, величественнее и шире, чем любая другая, проведенная путем кровавых революций и насилия. Кроме того, успех Ашоки во внутренней политике не случаен. Это был выпадающий из общего правила случай, когда реорганизация, воодушевленная любовью, стремящаяся к реальному благополучию народа и осуществляющая ее мирными средствами, оказалась более успешной и принесла более

устойчивые позитивные результаты, чем социальная реконструкция, вдохновленная ненавистью и осуществленная, главным образом, посредством насилия и кровопролития. И хотя в наш век насилия и кровопролитий эта истина полностью игнорируется, она не перестает быть от этого менее достоверной. События нашего века также убедительно свидетельствуют в пользу ее достоверности, в дополнение к мирным реформам и кровавым революциям прошлого. Они доказывают это и позитивно, и негативно. Безграничное насилие и ненавистническая политика в периоды I и II Мировых войн, корейской войны, китайской, русской, фашистской и гитлеровской революций поразительно отчетливо демонстрируют полную тщетность попыток привести человечество ко всеобщему благосостоянию через ненависть, войны и революции.

Свидетельства этих войн и революций подтверждаются также войнами и революциями прошлого. Начиная с древнейшего свидетельства о египетской революции (около 3000 г. до н.э.) и кончая последними революциями, все убеждает в полной тщетности движимого ненавистью массового насилия в деле реализации идеи благополучия человечества.

С другой стороны, негативные данные о войнах и революциях подтверждаются свидетельствами о плодотворности мирной и воодушевляемой любовью постепенной социальной перестройки.

Поразительные исторические прецеденты такой перестройки обеспечиваются, прежде всего, благодаря мирному преобразованию людей, культур и социальных институтов основателями, апостолами и первыми последователями религий и этики любви, сострадания и взаимопомощи. В конце концов, Иисус, Будда, Махавира, Лао-цзы, Конфуций и Франциск Ассизский не имели ни оружия, ни физической силы, ни богатства, ни любого из обычных земных средств, чтобы оказывать влияние на миллионы и определять исторические судьбы наций и культур. И не для приобретения власти они апеллировали к ненависти, зависти, жадности и другим эгоистическим страстям человеческих существ. Даже физически тела их не были телами тяжеловесов-чемпионов. И тем не менее, вместе с немногочисленными последователями они придавали новые формы мышлению и поведению несметных миллионов, преобразовывали культуры и социальные институты и существенно влияли на ход истории. Никто из величайших завоевателей и революционных лидеров не может даже отдаленно состязаться с этими апостолами любви в значительности и долговечности изменений, ставших реальностью благодаря их деятельности. Равно и более значительные, великие апостолы любви преуспели в разработке гигантских и необратимых перемен по «восходящей» к созидательной любви, вместо гораздо более легкого «нисходящего» направления к ненависти и кровавой борьбе.

Если хотя бы на один момент мы представим христианство устраненным из исторической жизни, социальных институтов и культуры

Запада; конфуцианство, даосизм и буддизм - из жизни и культуры Китая; индуизм, буддизм и джайнизм из социокультурного универсума Индии - останется лишь хаотическая масса развалин от культуры, социальных систем и исторической жизни этих стран. Без этих этико-религиозных систем вся история этих стран непонятна.

Более того, без гигантского потока возвышенной любви, излитой ее апостолами, человечество крайне нуждалось бы в самом минимуме моральных устоев, необходимых для существования и выживания. *Bellum omnium contra omnes* (война всех против всех) и самоубийственное взаимное истребление стало бы участью человечества, если бы не эта возвышенная любовь.

И как, с помощью какой силы, моральные лидеры были способны оказывать такое огромное влияние? Только благодаря благодати возвышенной любви они были благословенны, и благодаря мудрости любви были они замечены и признаны их ближними. Как уже говорилось, они не командовали какой-либо вооруженной силой или государственной структурой; они не обладали богатством и тем, что ему сопутствует; они не были ни великими учеными-интеллектуалами, ни искусными художниками. Их единственным оружием была мистическая энергия любви. Поэтому их влияние символизирует бесспорное проявление поистине безграничной силы любви.

Благодаря этой энергии любви они и сегодня облагораживают, поддерживают и воссоздают биологическую, социальную и культурную жизнь человечества. Благодаря этой энергии любви они нейтрализуют и ограничивают разрушительное влияние сил борьбы.

Энергия любви не ответственна за кровавые движения и смерть, совершаемые часто именем Иисуса, Будды или других гениев созидательной любви. Религиозные войны и преследования, религиозные политические механизмы и их великие инквизиторы не имели ничего общего с учениями и деятельностью великих апостолов любви. В любом случае, механизмы бюрократической инквизиции, войн, преследований, нетерпимости и лицемерия отрицают и искажают силы любви основателей великих религий любви. Войнаственные деяния таких механизмов, это, главным образом, проявления эгоцентрического господства, а не сил любви.

Последние преобразования в Индии могут служить современным образцом перестройки, воодушевленной и «питаемой» силой любви. Она была начата и проведена под руководством Ганди и его соратников. В основе их политики была созидательная любовь, самая чистая и прекрасная. Ненависть и вражда были полностью исключены из их движения, как и насильственные средства и методы. На протяжении всей своей истории движение, руководимое Ганди, было мирным и организованным, а его конструктивные результаты подлинно поразительны. Оно добилось полной политической независимости для 400

млн жителей Индии. Один этот результат превосходит политические достижения практически любой насильственной революции, известной в истории человечества. Движение Ганди преуспело в освобождении и уравнивании около 60 млн отверженных в Индии; вряд ли можно сравнить все это с «освобождением» в результате любой насильственной революции.

Помимо неопределимо плодотворного преобразования Индии, это движение получило огромный отклик во всем мире.

Энергия любви продолжает жить в Индии, воплощаясь в деятельности одного из последователей Ганди, «святого» Ахарья Винола Бхаве. Осуществляя принципы любви, вызывая лишь к доброте человеческой натуры, этот кроткий аскет уже достиг поразительных результатов в своем «крестовом походе одного человека».

Плодотворность социальных реформ, вдохновленных любовью, а не ненавистью, демонстрируется практически всеми подобными преобразованиями в истории разных стран. «Великие реформы» 1861-1865 гг. в России, которые освободил! крепостных и основательно реорганизовали политические, социальные, экономические и культурные институты, являются еще одним примером весьма успешного мирного преобразования. Европеизация Японии и фундаментальная реорганизация ее институтов, методично проведенная в течение второй половины девятнадцатого и в начале двадцатого века - еще один пример плодотворного преобразования. Его позитивный успех особенно очевиден, если сравнить его с насильственным опытом Японии по преобразованию своей страны и Азии как «сферы совместного преуспеяния». Начиная с атаки на Пирл Харбор, эта «реконструкция», совершенная средствами неограниченного кровопролития, вылилась в катастрофическое поражение Японии и убийственное опустошение Китая и других азиатских стран. Все это свидетельствует о том, что насилие и разрушение «не окупается».

Если войны и революции и несут с собой что-то доброе, то оно обусловлено потоком неэгоистической любви и бескорыстного желания помочь всем, страдающим от последствий большинства этих войн и великих революций. Иначе говоря, большинство позитивных результатов насильственных движений достигается путем грабежа других групп, ценой их страдания, подрыва благополучия и часто ценой самой их жизни. Большинство «достижений» войн и революций приобретаются грабежом потерпевшей поражение стороны победившей группой.

В то время как победившая правящая группировка получает выгоды от войны или насильственной революции, основная масса населения обеих сражающихся сторон должна нести издержки. И чем кровопролитнее борьба, тем выше цена жизни, достоинства и счастья - для широких масс. В затяжных и кровавых сражениях жизненные, экономические, ментальные и моральные потери широких слоев с обеих сторон обычно далеко превосходят их приобретения. В то время как небольшие правящие группы

Чингиз-хана или Наполеона, Мария или Суллы, Цезаря или Антония, Кромвеля или Робеспьера, Ленина или Гитлера в течение короткого периода извлекали громадные прибыли из своих побед, благополучие огромных масс народов было разрушено борьбой. Иногда эти разрушения были непоправимы и, в конечном счете, приводили к упадку «истекавших кровью» наций и их культурно-творческой деятельности. Кровавые гражданские раздоры и Пелопонесская война привели к распаду Греции; дорогостоящие внешние и внутренние войны Мария и Суллы, Первый и Второй триумvirаты положили начало упадку Римской империи. Кровопролитие в период Французской революции и наполеоновские войны подготовили последующий упадок Франции.

То же можно сказать в отношении турецкой империи о войнах Сулеймана Великолепного или об упадке Древнего, Среднего и Нового царств в Египте. Наконец, кровавые революции и мировые войны нашего времени привели все человечество, особенно воинственный и беспокойный Запад (включая Россию), на грань апокалиптической катастрофы. Вдохновляемые ненавистью боины не способствуют росту социального благосостояния, не излечивают социальные недуги. Только мудро управляемые силы любви и свободного сотрудничества могут выполнять эти функции.

Любовь ограничивает катастрофы

В целом, можно сказать, что именно умиротворяющая сила любви оказывается главной силой, ограничивающей масштабы и разрушительную силу катастроф, угрожающих самому существованию жизни народов. Систематическое изучение всех катастроф, имевших место в истории Древнего Египта, Вавилона, Китая, Индии, Персии, Израиля, Греции, Рима, равно как и стран Запада, показывает, что все они в конце концов преодолевались с помощью альтруистического облагораживания культуры и социальных институтов соответствующих наций. Такое облагораживание часто возникало и распространялось или в виде новой религии любви и сострадания, подобно буддизму, джайнизму или христианству, или как моральное и духовное обогащение старой религии и ее моральных заповедей. Мы не должны забывать, что практически все великие религии возникли при катастрофических обстоятельствах и в первый период их существования были, прежде всего и более всего, моральными социальными движениями, вдохновляемыми симпатией, состраданием, Евангелием любви. Их распространение способствовало нравственному возрождению деморализованного общества. Лишь позднее эти движения были отягощены комплексом теологических догматов и впечатляющих ритуалов. Это одинаково верно для возникновения и первоначального периода распространения конфуцианства, даосизма, зороастризма, иудаизма, христианства и других этико-религиозных

движений⁶⁸.

Любовь увеличивает продолжительность жизни обществ

Любовь-энергия увеличивает долголетие не только индивидов, но и продолжительность жизни обществ и других социальных образований. Социальные организмы, основанные, главным образом, на ненависти, завоевании, принуждении, подобно империям Александра Великого, Цезаря, Чингиз-хана, Тамерлана, Наполеона, Гитлера, имели, как правило, очень короткую жизнь - несколько лет, десятилетий, редко несколько столетий. Так было и в отношении различных социальных устройств, в жизни которых неэгоистическая любовь играет незначительную роль. Поэтому средняя продолжительность жизни малых экономических предприятий, таких как аптеки, скобяные или бакалейные магазины, в этой стране [Америке] составляет всего около четырех лет. Большие торговые фирмы (участвовавшие в американском и европейском товарообмене) существуют в среднем примерно около 29 лет. Даже период жизни большинства государств редко выходит за пределы одного или двух столетий. Наиболее долгоживущие структуры - это великие этико-религиозные организмы, такие как даосизм, конфуцианство, индуизм, буддизм, иудаизм, джайнизм, христианство и магометанство. Все они уже просуществовали более одного тысячелетия, некоторые - более двух тысячелетий, и нет явных признаков их разложения в обозримом будущем. Секрет их долголетия лежит, возможно, в их приверженности альтруистическому воспитанию человечества и, в целом, культивированию любви в человеческом мире.

4. Любовь как высшая форма человеческих взаимоотношений

Несомненно, самое прекрасное, самое достойное и самое счастливое человеческое общество - это общество индивидов, связанных взаимоотношениями любви. Это самое свободное общество, ибо истинный смысл слов «Я люблю находиться здесь» или «Я люблю делать это», или «Я люблю быть участником» - это высочайшее выражение открытого желания, действия и предпочтения субъекта. Это самое счастливое общество, потому что любящие и любимые являют собой высшее воплощение счастья в человеческих взаимоотношениях. Это самое мирное и гармоничное, а также самое творческое, самое прекрасное и достойное общество.

Недостаточно сказать только, что взаимоотношение любви является наилучшим из возможного, его минимум абсолютно необходим для долгого и радостного существования человеческого общества и социальной жизни в целом. Общество, связанное лишь узами принуждения, - едва ли

⁶⁸ См.: Sorokin P. *Man and Society in Calamity*, Chs. X, XI, XII.

не наихудшая «тюрьма». Заключенные всегда стремятся убежать из нее. Это социальный притон, едва ли достойный проживания в нем. Если бы человеку было суждено жить в такой универсальной тюрьме, то само его существование и его социальная жизнь были бы просто невозможны. Платон и Аристотель были совершенно правы в своем утверждении, что истинная дружба и любовь являются самым жизненным материалом во всех подлинно социальных взаимоотношениях.

5. Любовная энергия в познании, красоте, добре, свободе и счастье

Наконец, любовь представляет собой мощный источник абсолютной энергии, питающий все высочайшие ценности человеческой жизни: истины и познания, красоты и свободы, добра и счастья. Нельзя не видеть, что, например, *любовь к истине* делает поиск истины более действенным, радостным и неутомимым, чем погоня за истиной, стимулируемая принуждением или обусловленная договором. Большинство достоверных истин открылось человечеству скорее благодаря любви к истине, чем благодаря принуждению или обязательству. Любовь к истине не только стимулирует научные открытия, изобретения, философские и религиозные истины, но также прямо способствует нашему познанию и эрудиции. Благодаря сопереживанию, общению и участию в опыте всех, кто любим, любовь чрезвычайно обогащает наш скудный индивидуальный опыт. Этот основанный на сочувствии, сопереживании, любви путь обучения является, возможно, одним из самых надежных и эффективных методов познания и самым плодотворным путем к истине и знанию. Любовь в данном случае преобразует себя в истину и знание, значительно усиливая их энергию.

Подобным же образом любовь значительно увеличивает энергию красоты. В известном смысле любовь есть обязательный компонент красоты. То, что любят и на что смотрят любящими глазами, становится «привлекательным», т.е. прекрасным. И наоборот, нелюбимое оказывается «непривлекательным», часто безобразным. Поскольку любовный опыт прекрасен по самой своей природе, все, к чему прикасается любовь, становится прекрасным. Любовь побуждает к поиску красоты и является неисчерпаемым источником энергии самой красоты. Благодаря фактору красоты любовь заметно влияет на нашу жизнь и ход истории. Энергия любви проникла и воплотилась в феноменах всех изящных искусств, начиная с наслаждения закатом солнца и красотой возлюбленной и кончая эпическими поэмами Гомера, трагедиями Шекспира, музыкой Бетховена и Баха, скульптурой Микеланджело, всеми великими произведениями живописи и шедеврами архитектуры.

Любовь к свободе также была побудительной силой во всех освободительных движениях истории человечества. Более того, опыт

любви есть свобода в ее лучшем и наиболее возвышенном выражении. Любить что-то означает действовать свободно, без принуждения или искусственной стимуляции. Быть свободным означает делать то, что любишь делать. В этом смысле любовь и истинная свобода - синонимы. Принуждение есть отрицание любви. Где есть любовь, там нет принуждения, где есть принуждение, там нет любви. И чем больше любви, тем больше свободы. Без любви все Билли о правах и все конституционные гарантии свободы есть пустая шелуха.

Нет необходимости доказывать, что любовь является сердцем и душой самой этической добродетели и всех великих религий. Их центральной заповедью всегда была любовь к Богу и ближнему. Их главная истина - «Бог есть Любовь» и «Любовь есть Бог». Без любви нет морали и нет религии. Если поток любви в религии или этике иссякает, они становятся пустыми и мертвыми.

Наконец, любовный опыт есть высшая форма счастья.

Любовь «все переносит... никогда не перестает». Любовь не боится ничего и никого. Когда любовь безгранична и чиста, она есть «мир Бога, который движется все понимая».

Любой опыт любящего и любимого, каким бы незамысловатым или непристойным он ни был, уже является счастливым опытом, «моментом солнечного сияния» в нашей серой жизни. Опыт великой любви - это высшее блаженство человеческой жизни. И любая жизнь, лишенная любви, есть просто жалкое существование. Такая жизнь становится часто невыносимой и ведет свою жертву к самоубийству.

Следовательно, энергия любви генерируется, вдохновляет, укрепляет и управляет во всех индивидуальных и коллективных действиях осуществления истины и знания, добра и справедливости, красоты и свободы, или *summum bonum*⁶⁹ и счастья в течение всей созидательной истории человечества. Осмысливая должным образом все проявления энергии любви, можно лишь согласиться с вновь заявленной Ганди и Достоевским старой истиной о могуществе любви. Достоевский мудро советует: «Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемирною любовью... Пред иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: «взять ли силой или смиренной любовью?» Всегда решай: «возьму смиренной любовью». Решишься так раз навсегда, и весь мир покорить сможешь. Смирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего.»

⁶⁹ *summum bonus* – высшее благо (лат.)

6. Производство, накопление и распределение любовной энергии

Если альтруистическое преобразование человека и человеческого универсума является сегодня историческим приоритетом и творческая, неэгоистическая любовь действительно представляет собой одну из высочайших известных энергий, то, следовательно, величайшая задача человечества на этом историческом этапе состоит в увеличении производства, накопления и использования этой энергии. Подобно пище, теплу, электричеству и другим формам энергии, любовная энергия не вырастает сама по себе: каким-то путем она должна быть произведена или, по крайней мере, собрана из «природного» источника и сохранена для того, чтобы все существующие общества могли пользоваться ею хотя бы минимально. Без минимального сотрудничества людей, их доброй воли взаимной помощи никакое общество не может выжить даже в течение нескольких дней, недель или месяцев; оно немедленно начало бы разрушаться от непрерывной напряженности, конфликтов и гражданских войн. Ни порядок, ни безопасность, ни спокойная работа по обеспечению средств существования невозможны в обществе людей, движимых лишь стремлением к эгоистичным удовольствиям, а также ненавистью и жадностью, не обуздываемых энергией любви.

Основное различие между производством любви и производством других более осязаемых энергий в том, что в технологически развитых обществах огромное количество времени, средств и коллективных усилий посвящается организованному производству физических энергий, основанному на знании физических, химических и биологических явлений. В противоположность этому, современной технологии производства любви практически во всех обществах уделяется мало внимания, времени и усилий; технология эта еще остается в самой рудиментарной форме, соответствует примитивной ручной технологии материального производства в племенах, не знавших письменности. Мы «собираем» и используем любовную энергию только в той степени, в какой она «натурально» производится в наших обществах.

Пришло время человечеству не только начать понимать природу, формы и причины любви, но и приложить усилия для разработки более эффективных способов ее производства. Мы уже понимаем, что «любовный товар» - самый необходимый предмет потребления для любого общества, что без его минимума никакие другие товары не могут быть получены в изобилии, и что сейчас он является товаром, от которого зависят самая жизнь и смерть человечества.

Ниже дается краткое изложение основ того, где, как и какими средствами любовная энергия производится в настоящее время.

(а) Любовь во всех ее формах возникает при взаимодействии

человеческих существ. Любая акция любви, оказанная А по отношению к В или взаимно, равно как любая любовная реакция А по отношению к агрессивной, оскорбительной, ненавистнической акции В - это производство любовной энергии во взаимодействии между людьми.

Чем более интенсивна, экстенсивна и долговечна, чиста и адекватна любовь, которая пульсирует в таких действиях, и чем они более многочисленны и продолжительны, тем больше любви производится («деление») в этих процессах взаимодействия.

(b) Любовь производится в этих взаимодействиях по большей части случайно, наряду с ненавистью и ее разновидностями. Едва ли существуют какие-либо гарантии или меры предосторожности, чтобы предотвратить в этих взаимодействиях производство ненависти вместо любви.

(c) Во всех этих взаимодействиях производство любви происходит, по большей части, «спонтанно» и «естественно», без особой помощи, советов, орудий или технических средств, чтобы сделать его более эффективным и производить большее количество и лучшее качество любовной энергии для отдельных групп и для всего человечества.

(d) Лишь немногие вдохновители и исполнители, «изобретатели и инженеры производства любви» - целенаправленно стремились улучшить в своих собственных взаимодействиях с другими людьми процесс производства любви, в основном посвящая себя решению этой задачи. Вот примеры таких «изобретателей и инженеров»:

1) Все великие апостолы любви и моральные наставники человечества: Христос, Будда, Св. Франциск Ассизский, Ганди и многие другие «производители любви», славные и добрые соседи и все те, кто привычно и бескорыстно исполнял деяния любви.

2) Многие великие религиозные наставники. Одной из главных ценностей их религии был этический или моральный кодекс любви, выраженный в форме «возлюбите врагов ваших» и других моральных заповедей даосизма или «почтительности, добродетельности и взаимного согласия» конфуцианства; или «сострадания и любви» индуизма, буддизма и джайнизма; или Десяти Заповедей иудаизма; или заповедей «Милосердия, Сострадания и Любви» магометанства; или самых возвышенных норм Нагорной проповеди в христианстве.

3) Все великие и малые творцы созидательных истин (науки, философии, научной технологии) и подлинной красоты (всех изящных искусств). Как я уже отмечал, значительная часть этих ценностей трансформировалась в ценности добра и любви: все те, кто несет человечеству истину и красоту, также способствуют более эффективному производству любви.

(e) Значительный вклад в производство любви и его совершенствование внесли помимо этих типов индивидов и некоторые социальные группы или институты. Такие группы или институты подобны малым сельскохозяйственным и промышленным (не

машинообрабатывающим) мастерским или фермам, которые работают для удовлетворения материальных нужд общины. Среди таких организаций наиболее заметное место занимает семья. Подобно мастерской, работающей на местный рынок, производство любви в семье было также ограничено ее рамками. Только косвенно и время от времени семья производила любовь, которая распространялась за ее пределы для человеческого «мирового рынка».

Есть и другие производящие любовь группы: это группы близких друзей, религиозные группы, которые ревностно стараются установить альтруистические взаимоотношения среди своих членов и частично с аутсайдерами; небольшие местные общины, школы и образовательные институты; профессиональные союзы, касты, ордены и другие сообщества, связанные обязательствами. В той степени, в какой члены каждой группы солидарны друг с другом, группа генерирует и некоторое количество любви. Большинство групп, однако, имеет тенденцию производить относительно слабый, замутненный, недолговечный, неэкстенсивный и неадекватный поток любви. И кроме того, такая любовь имеет тенденцию циркулировать большей частью или исключительно среди членов группы, часто занятых производством ненависти и вражды по отношению к некоему общему врагу или общей совместной эксплуатации аутсайдеров для выгоды группы. В результате некоторые группы производят больше ненависти, чем любви и солидарности. Все это говорит о недостатке организованного усилия для избыточного производства энергии любви. Сегодня это упущение угрожает самому будущему человечества. Отсюда жизненная необходимость решительного совершенствования производства любви. Следующие шаги могут помочь в решении этой задачи.

А. Увеличение числа творческих героев любви

Первый шаг в направлении расширения выработки лучшего качества любви заключается в том, чтобы увеличить среди нас количество выдающихся апостолов любви. Абсолютное влияние героических творцов любви, науки, красоты, религии далеко превосходит их непосредственное влияние, лицом к лицу. Как эстетические и другие следствия трудов Гомера, Шекспира, Баха или Бетховена, Платона или Ньютона повлияли на миллионы человеческих существ, точно так же абсолютный эффект жизни и деятельности таких великих альтруистов, как Будда, Иисус, Св. Франциск Ассизский и Ганди был почти безграничным и для производства любви, и для обогащения человечества. В течение веков и тысячелетий эта энергия непрерывно изливалась из этих «источников любви», распространялась среди миллионов, проникала в социальные институты и культуры и обеспечивала необходимый минимум солидарности в группах. Даже смерть героев любви не останавливала процесс производства любви, начатый при их жизни: после своей смерти Будда и Иисус, возможно,

излучали больше любви, чем при жизни. Это означает, что энергия любви так же вечна, как и любая другая форма энергии.

Данные наблюдения показывают, что количественный рост героев любви подразумевает расширение выработки любви, а не просто увеличение числа альтруистически ориентированных личностей.

В этом и заключается огромное значение таких героев любви. Они появляются в разные исторические периоды и в разных обществах. То как религиозные лидеры, то как благочестивые аристократы, то как отшельники, то как монахи, то как социальные реформаторы, то лишь как хорошие соседи или заботливые жены и мужья. Внешний облик этих героев может меняться, но их истинная функция остается той же самой: они действуют как энергетические установки, производящие энергию любви для человечества.

В. Увеличение числа творческих героев Истины и Красоты

Каждый великий творец в сферах науки, философии, религии, техники или изящных искусств является гигантской энергетической установкой, генерирующей энергии истины и красоты. Поскольку эти энергии открыты для трансформации в энергию любви (*и vice versa*), постольку увеличение числа этих героев истины и красоты приводит непосредственно к увеличению производства любви (*и vice versa*⁷⁰). Поэтому все меры, которые способствуют увеличению *конструктивного* творчества в сферах истины и красоты, ведут одновременно к увеличению творчества в сфере добра.

С. Увеличение производства любви обыкновенными людьми

Хотя рост производства любви, обеспечиваемый деятельностью героев добра, истины и красоты, и значителен, все же он недостаточен. Результаты могли бы быть более впечатляющими, если бы параллельно расширялось скромное участие в производстве любви обыкновенных людей и групп.

Если бы множество простых смертных воздержались от убийства других человеческих существ, если бы им удалось сократить хотя бы наполовину свои повседневные ненавистнические поступки и удвоить хорошие дела, такое скромное усовершенствование в их моральном поведении чрезвычайно расширило бы выработку любви и уменьшило производство ненависти, и тем самым человечество получило бы возможность подняться на новый, более высокий уровень своего этического и социального развития. Такое скромное возвышение этического поведения простых смертных было бы вполне достаточным для предотвращения новых катастрофических войн и чрезвычайно приблизило

⁷⁰ Vice versa – наоборот (лат.)

человечество к социальной гармонии.

D. Увеличение производства любви социальными группами и институтами

Возрастание производства любви рядовыми людьми возможно, если этот рост происходит также в группах или институтах, к которым они принадлежат. Как правило, альтруизация индивида возможна только через альтруизацию этих групп или институтов и, *и vice versa*, альтруизация институтов или групп возможна только через альтруизацию входящих в них индивидов.

Если внутри каждой группы возрастают взаимоотношения любви между ее участниками, то производство любви группой и ее участниками увеличивается. До настоящего времени возрастающее производство любви внутри группы часто сопровождалось увеличением дискриминации и антагонизма по отношению к внешним группам и индивидам. Это приводит к прекращению роста производства любви внутри группы. В результате человечество в целом получило мало пользы от этого двойственного процесса, так как росту производства любви внутри группы сопутствует рост ненависти, направленной на внешний по отношению к группе мир.

Этот взаимоуничтожающий процесс является бессмысленным, он должен быть заменен увеличением любви внутри каждой группы без увеличения антагонизма по отношению к миру вне группы. В самом деле, возможно увеличить любовь членов семьи или группы по отношению друг к другу, не увеличивая антагонистическое противостояние к другим частям человеческого универсума. Когда такое изменение произойдет, рост производства любви в каждой группе приведет к увеличению ее доли в совокупной выработке любви всем человечеством.

E. Увеличение производства любви с помощью всеобщей культуры

В конце концов, все культурные системы науки, философии, религии, этики, права, изящных искусств, гуманистические и социальные дисциплины, как и прикладная технология во всех областях человеческой деятельности, должны пропитаться благодатью любви и освободиться от яда ненависти в гораздо большей степени, чем это было до сих пор.

Современная наука служит не только Богу Любви, но также Сатане ненависти и разрушения. Современная философия и псевдорелигия оказывают влияние на человеческие существа не только посредством морального облагораживания и любви, но едва ли в меньшей степени посредством ненависти и борьбы. Это особенно верно в применении к большинству произведений современных изящных искусств: литературы, музыки, живописи, скульптуры и драмы. Это также применимо к

современному праву и псевдоэтике, социальным теориям и гуманистическим идеологиям, не говоря уже о современной «технологии» физических, биологических и социальных наук. Все они играют двойственную роль в своем влиянии на индивидов и на группы. В одной роли они генерируют любовь, делают человеческие существа этически более благородными и более творческими, интегрируя их в одну человеческую семью уважающих и любящих друг друга ее членов. В другой роли они источают ненависть и разлад, этически деморализуют и унижают, интеллектуально разъединяют, уничтожают и убивают.

Если мы хотим повысить эффективность производства любви человечеством, то все главные культурные системы должны быть, очевидно, перестроены, чтобы излучать только позитивный свет любви и приостанавливать производство негативных излучений ненависти. Эта двойственная радиация была одной из принципиальных причин того, что позитивные влияния в значительной степени вытеснялись негативными, и в результате весь огромный прогресс научных открытий, технологических изобретений, философии, изящных искусств и других культурных систем оказался неэффективным в плане уменьшения ненависти и прекращения войн между людьми. Человечество XX в. не может похвастаться более высоким уровнем нравственного сознания по сравнению с каменным веком. Если мы сможем перестроить эти культурные системы так, чтобы исключить производство ими ненависти, мы гигантски расширим возможности производства любви человечеством.

Р. Резюме

Посредством восхождения по этим пяти ступеням человечество может увеличить производство любви, и значительно уменьшить генерирование ненависти. Итоговым результатом этого процесса будет количество любви-энергии, вполне достаточное для предотвращения кровавых столкновений или вражды в большом масштабе и построения гармоничного гуманистического строя более достойного и счастливого, чем какой-либо из существовавших ранее. Как только человечество или его лидеры серьезно решат построить такой порядок, им станет ясно, что план этот вполне реализуем, что это не утопическая мечта.

7. Накопление и распределение любви-энергии

Подобно другим формам энергии, любовь-энергия может также накапливаться или оседать (а) в индивидах, (b) в социальных институтах и (с) в культуре. Сохранение любовной энергии в индивидах делает их любовные действия и реакции спонтанно привычными, интериоризированными и укорененными до такой степени, что они становятся как бы их второй натурой. Если такова привычка индивида с

раннего детства и он следует ей в дальнейшем, то это составит в результате значительное накопление любви-энергии в индивидах и через их посредство в человечестве в целом.

Хранение любовной энергии в социальных институтах (или организованных группах) и в культуре будет достигнуто благодаря проникновению в культурные системы и институты - в их структуры и функции, их органы и средства распространения - благодати энергии любви. Созданные и реорганизованные в согласии с принципами любви, культурные системы и социальные институты станут множеством гигантских энергетических систем, непрерывно производящих любовь, сохраняющих ее и излучающих на все человеческие существа. Самым мягким, но в то же время и самым эффективным путем любовь, излучаемая культурными и социальными институтами, будет создавать постоянную атмосферу, питающую все человеческие существа от рождения до смерти. Совокупная величина любви, накопленная в индивидах, институтах и культуре, может быть достаточной для практических целей человечества: (а) для предотвращения и исключения преступлений, революций, войн и других форм конфликта, в основе которых лежат ненависть, зависть и несчастье; (б) для поддержания и роста творческой активности человека; (с) для уменьшения и, в конечном счете, исключения худших форм страдания, несчастья, одиночества, болезни и преждевременной смерти; (с!) для обеспечения каждому целостного мира дружественного, теплого и одухотворенного космоса.

Подобно другим формам энергии, накопленная любовь может быть также распределена в соответствии с особыми нуждами разных лиц и групп. Когда возникает срочная необходимость в передаче большого количества или необычайной интенсивности любви-энергии, когда надвигается катастрофа или ужасный конфликт, или когда необходимо погасить пожарище ненависти - именно накопление любви делает такую передачу возможной.

При посредстве различных общих и специальных факторов, через друзей, соседей и другие каналы ее распространения, любовь-энергия может быть направлена к тем группам и лицам, которые наиболее в ней нуждаются в данный момент.

Удар, наносимый индивиду каким-либо трагическим событием, лучше всего может быть смягчен сильной любовью, сфокусированной на нем его ближайшими друзьями, соседями или другими большими группами людей. Лицо или группа, которые страдают болезнью ненависти, душевной депрессией, стремлением к самоубийству, зачастую могут быть излечены концентрацией на них любви, которая понимает, прощает и лечит. В этих и тысячах подобных случаев любовь-энергия может излиться на человека, группу или в опасное место в таком изобилии и с такой интенсивностью, что угрожающее пожарище будет погашено, эпидемия ненависти излечена, катастрофа предотвращена. Жизнь для тех, кто

страдал - лиц и групп - снова станет достойной того, чтобы жить, и мир заново явится им, как чудо света и тепла.

Еще раз отметим, что в целом проблема производства, накопления и распределения любви не утопична, а вполне реальна.

8. Методы альтруистической трансформации

Наметить контуры моральной трансформации человечества эффективно помогают некоторые специальные приемы производства и накопления любви-энергии. При всей недостаточности наших знаний о них, существуют около 30 известных методов. С расширением исследования наше представление о них может углубляться и могут быть изобретены новые приемы. Известные приемы широко ранжируются по сложности от самых простых до самых утонченных. В качестве примеров наиболее простых из них могут быть отмечены различные химические, физические и биотические факторы. Среди них: тренинг осанки и контроль за вегетативной нервной системой; приемы формирования условных рефлексов, привычек, механические упражнения, наказания и награды. Более утонченные методы предполагают рациональное убеждение и научные доказательства, подкрепленные мобилизацией эмоциональных, моторных и волевых усилий человека; использование героических примеров; непосредственный жизненный опыт; вдохновляющее воздействие изящных искусств. Утонченные методики по развитию человеческого альтруизма включают стимуляцию: концентрацию, медитацию и самоанализ, и особенно комплексные методы йоги, дзен-буддизма, суфизма, соматофизические приемы православного христианства и методы, открытые основателями религий любви и великих монашеских орденов (Св. Василий Великий, Св. Бенедикт, Св. Франциск Ассизский, Св. Бернард, Св. Джон Климакус, Джон Кассиан, Св. Франсуа де Салес, Игнатий Лойола и др.). Создатели этих методов многое знали об эффективности процедур нравственной трансформации человека, иначе они не смогли бы стать признанными моральными наставниками человечества.

Три типа альтруистической трансформации

Тщательное изучение процесса альтруизации великих апостолов бескорыстной любви указывает, по крайней мере, на три различных пути становления такого апостола или, соответственно, три типа альтруистов: (а) «удачливые» (*fortunate*) альтруисты, которые с раннего детства, проявляют очень скромное эго, удачно интегрированный ряд моральных ценностей и правильно выбранные социальные аффилиации (*affiliation*) с добродетельными людьми и группами; их эго, ценности и аффилиации - все сосредоточено вокруг любви, высшей «самости» или Бога. Подобно

траве, спокойно и блаженно растут они в своем альтруистическом творчестве без всяких кризисов, катастроф или мучительных обращений. А. Швейцер, Джон Вул-ман, д-р Ф. Гааз и многие другие представляют собой образцы этого типа; (b) «катастрофические» (*catastrophic*) и «поздние» (*late*) альтруисты, чья жизнь резко разделяется на два периода: доальт-руистический, предшествующий их обращению, и альтруистический, следующий за полной трансформацией личности, подготовленной дезинтеграцией их эго, ценностей и групповых аффилиации и ускоренной катастрофами (болезнью, смертью любимой и т.д.) и другими событиями в их жизни. Процесс трансформации таких личностей является обычно очень трудным и болезненным и длится от нескольких месяцев до нескольких лет. В течение этого мучительного периода соответствующие лица вынуждены совершать трудную операцию по коренной ломке своих эго, ценностей и групповых аффилиации, подчиняя и сосредоточивая их вокруг высшей ценности любви. Когда этот процесс завершен и хорошо интериоризован, возникает новая альтруистическая личность, и ее рост продолжается до конца ее жизни. Будда, Св. Франциск Ассизский, Брат Джозеф, Игнатий Лойола, Св. Августин, Св. Павел и другие являют примеры этого типа; (c) наконец, промежуточный (*intermediary*) тип отмечен некоторыми чертами удачливого и позднекатастрофического типов. Св. Феодосии, Св. Василий Великий, М. Ганди, Св. Тереза, Шри Рама-кришна и другие являются образцами этого типа.

Главным фактором различий между образом жизни удачливого и позднекатастрофического альтруистов представляется тип семьи, из которой вышли эти два вида альтруистов, и тип групп, с которым они ассоциировались в детстве. Подавляющее большинство альтруистов удачливого типа вышли из гармоничных семей, пропитанных теплой и мудрой любовью, преданностью и уважением ее членов друг к другу. В дополнение к счастливой семье, некоторые удачливые альтруисты в детстве присоединялись к спокойным и добрым людям, к дружелюбным группам и мудрым лидерам. В семье, как и в группах ближайшего окружения, они получали изобилие любви, здоровый набор ценностей и глубоко укорененную моральную дисциплину. Их младенческое бытие формировалось таким образом, что они могли спокойно расти в своем альтруизме без какого-либо кризиса или обращения.

В противоположность удачливому пути альтруистического роста большинство катастрофических альтруистов вышли из дисгармоничных семей, заброшенных домов и районов, испытывая дефицит в любви, мудрости и дисциплине. В младенчестве и детстве они не имели реальной возможности быть хорошо интегрированными морально и социально. Поэтому позднее они не смогли стать альтруистами без болезненного кризиса или катастрофического обращения.

Удачливый, катастрофический и промежуточный пути

альтруистической трансформации проходили и проходят в альтруистических изменениях также и обыкновенные люди. Те из наших ближних, мужчин и женщин, кого с младенчества семья и другие группы одарили любящим сердцем, здоровым умом и мудрой дисциплиной, растут спокойно и приятно в атмосфере творческой любви. Без кризисов и конверсии они прогрессируют в своем моральном облагораживании. Те из наших современников, кто не имел счастья быть рожденным и воспитанным в счастливой семье, благополучном районе и здоровой окружающей среде, приходят к моральному облагораживанию, главным образом, пройдя трудный путь катастрофических альтруистов. Их альтруистическая трансформация гораздо более трудна и обычно менее успешна, чем у начинающих «удачливых альтруистов». Для морального обращения этого типа личности утонченные и самые деликатные методы альтруизации часто являются недостаточными: обычно болезненные кризисы, разочарования и катастрофы или более грубые методы принуждения оказываются необходимыми, чтобы они могли начать процесс своего обращения. Отдельно взятые, эти грубые стимулы редко приводят к моральному возвышению. Довольно часто вместо этого они деморализуют. Однако вместе с утонченными методами альтруизации, и в уместной исторической ситуации, они становятся «стремительными факторами» моральной трансформации многих катастрофических альтруистов.

Наконец, многие из нас следуют тропой «промежуточных» альтруистов, странствуя в поисках морального совершенства. Этими тремя путями значительная часть современного человечества движется к «позитивной моральной поляризации», необходимой для противостояния деструктивному процессу деморализации, или «негативной поляризации» другой части человечества.

Закон поляризации

Чтобы понять эти последние несколько утверждений, целесообразно сказать несколько слов о законе религиозной и моральной поляризации в периоды катастроф. В противоположность утверждению Фрейда, что бедствия и разочарования порождают только агрессию, и в противоположность старому утверждению, повторенному недавно Тойнби, что мы учимся страдая и что разочарования и катастрофы равно ведут к моральному и духовному облагораживанию человеческих существ, закон поляризации утверждает, что в зависимости от типа личности, разочарования и неудач вызывают противодействие часто посредством возросшего творческого усилия (глухота Бетховена, слепота Мильтона и т.д.) альтруистической трансформации (позитивная поляризация); но часто ведут и к самоубийству, душевному расстройству, звериной жестокости, росту эгоизма, немой покорности и циничному сенсуализму (негативная поляризация). Та же поляризация происходит в массовом масштабе, когда

катастрофы и невзгоды выпадают на долю больших коллективов. Некоторые из их членов становятся более агрессивными, жестокими, чувственными (*carpe diem*)⁷¹ или же ментально и морально разлагаются, в то время как представители другой части этого коллектива становятся более религиозными, моральными, альтруистичными и безгрешными, как это доказывается также нашими «катастрофическими альтруистами». Этот закон объясняет, почему периоды катастроф отмечены дезинтеграцией системы ценностей данного общества и ростом деморализации, преступности, войн и кровавых столкновений, с одной стороны, а с другой - созидательной реинтеграцией новой системы ценностей, особенно религиозных и этических, духовным и моральным совершенствованием позитивно поляризованного сегмента данной популяции. Как правило, все великие религиозные и моральные системы возникали и затем облагораживались, главным образом, в катастрофические периоды жизни общества, будь то Древний Египет, Китай, Индия, Израиль, греко-римская империя или страны Запада.

В предыдущей главе было показано, что эта поляризация происходит также и в настоящее время. Всеобъемлющая борьба между силами позитивной и негативной поляризации является поистине борьбой нашего века. Если в этом судьбоносном противостоянии силы позитивной поляризации, в конечном счете, будут превалировать над силами негативной поляризации, с человечеством будет все в порядке. Если силы деморализации и дезинтеграции победят, то будущее человечества окажется мрачным и неопределенным. Эта трагическая ситуация еще раз подчеркивает первостепенную важность задачи, которую предьявляет всем нам настоящая историческая ситуация, - задачи альтруистической трансформации человечества и всего человеческого универсума.

⁷¹ *Carpe diem* – лови день (лат.). Цитата из кн.: Гораций, Оды. 1, XI, 8.

***Книги Питирима Сорокина
американского периода (1923-1968),
изданные на русском языке:***

Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова: Пер. с англ.- М.: Политиздат, 1992.-543 с. - (Серия: Мыслители XX в.)

Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А.В. Липского. - М.: ТЕРРА, 1992.-303с.

Социологические теории современности / Пер. и предисл. С.В. Карпушиной; АН СССР. ИНИОН, Всесоюз. межведомств, центр наук о человеке при Президиуме АН СССР. - М., 1992. - 194 с.

Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии; статьи разных лет (Изд-е подготовил В.В.Сапов). - М.: Наука, 1994. - 560 с. (Серия: Социологическое наследие) (Статьи 1909-1944).

Социология Питурима Сорокина (1889-1968)

Мировоззрение Питурима Сорокина формировалось под влиянием мировой философии, социологии и религиозной мысли. Исходной научной парадигмой Сорокина была ориентация на рационалистическую философию. Его юность пришлась на чрезвычайно кризисный период в жизни России. Смена форм политической власти, становление новой социальной структуры, напряженные философские искания в культурной среде воздействовали на него таким образом, что его прежнее религиозное мировоззрение и система ценностей сменились позитивистской и эволюционистской философией, близкой идеологии эсеров. Особенно значительным было влияние позитивистов О. Конта и Э. Дюркгейма с их историко-эволюционным подходом к религии и стремлением создать моральную науку, которая будет выполнять религиозные функции. Характерными чертами позитивной эпохи Конт считал быстрое развитие материальной культуры, рост социальных чувств, победу альтруизма над эгоизмом. Последняя – проблема роста альтруизма в мире - стала одной из основных идей Сорокина, увенчивающих его интегральную теорию. Сорокин широко использовал в своих работах контовское понятие «социальная динамика». Именно работа по социальной и культурной динамике сделала его одним из ведущих макросоциологов XX в.

Впоследствии Сорокин во многом пересмотрел свое отношение к позитивизму как методологии социального познания. Прежде всего его не удовлетворяла идея исторического прогресса в ее интерпретации просветителями XVIII в. и некоторыми направлениями социальной мысли века XX. Сомнения в эвристической ценности парадигмы линейности прогресса были высказаны еще в XIX в., когда выдвигались идеи множественности, разнокачественное и цикличности развития культурных образований. Чтобы показать вклад Сорокина в теорию социальных циклов, я кратко остановлюсь на некоторых концептуальных особенностях теоретиков социальной цикличности.

Одним из основоположников теории циклического развития культурно-исторических типов в мировой социальной мысли является русский философ Н.Я. Данилевский (1822-1885). Понятие о типах организации, принятое сначала в ботанике и зоологии взамен принципа линейной группировки явлений, Данилевский распространил на историю, отметив, что без различения степеней и типов развития невозможна и естественная группировка исторических явлений⁷². Генерализующая идея Данилевского - построение типологии человеческой истории по категориям культурной деятельности. Цивилизации, в которых религия, политика, культура и экономика еще не выделились в особые категории культурной деятельности, он объединил в первичную группу (первые пять цивилизаций); последующие культурно-исторические типы, в зависимости

⁷² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

от количества категорий или оснований культурной деятельности в жизни данной цивилизации, он назвал одно-, двух или более- основными (Россию он рассматривал как составную часть и как гегемона будущего четырехосновного славянского типа).

Хотя типология Данилевского и была шагом вперед в концептуализации единого социального пространства, в своей «естественной» группировке исторических явлений по аналогии с природными этот автор оставался еще на платформе позитивистской методологии.

В ряду предшественников Сорокина, объединенных общим критическим отношением к идее линейности общественного прогресса и стремившихся переосмыслить и универсализировать историю человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций, такие теоретики общественного развития, как Шпеглер и Тойнби. Типология немецкого философа истории и культуры

О. Шпенглера (1880-1936), в отличие от таковой у Данилевского, включает восемь культур (начиная от египетской и кончая нарождающейся русско-сибирской), каждая из которых в пределах своего эволюционного цикла развития, от рождения до «заката», проходит два этапа развития. Духовно-культурные, качественные начала выявляются на первом этапе жизни цивилизации - этапе «собственно культуры», который сменяется вторым, количественным этапом - «цивилизацией». Разведение понятий культуры и цивилизации отражает меру отчуждения между этими этапами, выявляет специфические социальные механизмы угасания качественного культурного начала. Руководствуясь идеей самобытности культурного развития цивилизаций и априори постулируя невозможность постижения чужих культурных миров, Шпенглер представляет цивилизации в обособленных культурных пространствах, где все они обречены на гибель. Фатализм эволюционистской логики этой концепции, отождествляющей развитие и смену социальных и естественных форм, усиливал негативные, деморализующие импульсы в сознании современников. Тенденция рассмотрения культуры в качестве жертвы неудержимой экспансии бездушного техницизма современной цивилизации была близка к построениям культурологического направления «философии жизни», в частности таких виднейших культурологов, как К.Г. Юнг, И. Хейзинга, М. Хайдеггер.

Другое направление концептуализации духовного и культурного опыта человечества в рамках циклической традиции представлено в работах А.Дж. Тойнби (1889-1975). Этот известный английский историк предпринял попытку отойти от организмического понимания социума, сконцентрировав свое внимание на роли социокультурного фактора в становлении и развитии социальной системы. В отличие от Шпенглера, Тойнби считал, что научный метод, созданный для анализа неодушевленной природы, неприменим к историческим и социальным

процессам⁷³. В своей типологии, в качестве дискретных единиц, он выделял уже 21 цивилизацию. В основу классификации он положил три критерия - преемственность или «отеческо-сыновнее родство», институт «вселенской» церкви и зависимость от источника творческой силы.

В качестве объединяющего исторического начала, способствующего сближению высших ценностей и веры разных цивилизаций, Тойнби признавал четыре мировые религии - христианство, ислам, буддизм и индуизм - и их институты - «вселенские церкви». В то же время, именно духовный регресс церкви он считал ответственным за секуляризацию цивилизаций, которые, вследствие этого, лишь частично способны выразить «праведные социальные цели воли Господа» и потому их нужно судить с точки зрения условий, которые они сумели создать для жизни Души.

Концепция Тойнби разделяет общие недостатки концепций его предшественников - Данилевского и Шпенглера: по Тойнби, социум представляется рассеченным на относительно замкнутые культурно-эволюционные циклы, тем самым ограничивается возможность видения общества и его культуры как единого целого. Эта точка зрения очевидным образом противоречит и идее христианского универсализма, представляющей человечество в виде нерасторжимого духовного целого. Другое важное противоречие Тойнби как мыслителя, ориентированного на христианство, состоит в постулировании самого принципа циклического развития, несовместимого с основной идеей христианской эсхатологии.

Питирим Сорокин разработал свою теорию на основе синтеза традиционных религиозных и научных представлений, в отличие от многих ученых XIX и XX вв., строивших свои культурологические и социологические схемы на секулярном основании. В развитие мысли Данилевского об определяющем значении категорий культурной деятельности Сорокин представил социокультурную динамику достижений разных культурно-исторических типов в отдельных категориях культурной деятельности, от периода древней истории до настоящего времени, как процесс перемещения центров творческого лидерства человечества.

Вместе с тем, если у Данилевского в завершающей картине мира культурное господство Запада сменяется балансом влияний культурно-исторических типов Европейского Запада и Славянского союза, то Сорокин (спустя 70 лет) рассматривал европейское монополистическое лидерство как почти завершенное, в связи с расширением его рамок на четыре континента - Европу, Америку, Азию и Африку.

Что касается Тойнби, который был скорее не предшественником, а современником Сорокина, так как главные труды обоих социальных философов выходили в 30-х годах, то хотелось бы обратить внимание на близость их взглядов в отношении к религии. Оба философа признавали

⁷³ Тойнби Дж. Постигание истории. М., 1991, с. 16; первое изд-е на англ. яз. вышло в 12 т. в 1934-1961 гг.

позитивную роль как институциональных, так и неинституциональных религий в социальной жизни. В отличие от Шпенглера и культурологов «философии жизни», и Тойнби, и Сорокин смогли преодолеть в своем менталитете и своем творчестве отрицательное умонастроение. Особенностью современного общественного самосознания они считали осмысление человечеством себя как части целого, более широкого универсума, что требует, по их мнению, от человечества согласованности и нравственного совершенствования.

Типология Сорокина обладает большей генерализацией по сравнению с предшествующими, благодаря тому что Сорокин выдвигает одно совокупное основание для функционирования и смены социокультурных типов - те ценности и нормы, которые сформулированы в Нагорной проповеди и в основных моральных наставлениях всех мировых религий и этических систем. Эти ценности и нормы, считает Сорокин, универсальны, вечны и обязательны для всех обществ и индивидов, именно они управляют обществами прошлого и настоящего, и именно релятивизация и атомизация этих ценностей обусловили, по его логике, моральную анархию и снижение качества культуры в социокультурных системах чувственного типа, в том числе в доминирующей чувственной ментальности современной западной цивилизации.

Рассматривая исторический процесс как смену трех социокультурных типов (чувственного, религиозного, или идеационального, и интегрального) при доминировании одного из них, Сорокин определял каждый социокультурный тип как строй или порядок с присущей этому типу политической, экономической, социальной, культурной, религиозной и ментальной организацией, системой ценностей и типом личности.

Будущее мировой цивилизации Сорокин связывал с победой и утверждением интегрального типа культуры, ростки которого он наблюдал и идентифицировал, и который, по его мысли, объединит все лучшие черты предшествующих типов, но до тех пор конфликты культурных ценностей, индивидов, социальных общностей, институтов и образов жизни будут порождать кризисы. Анализируя социальное поведение человека в кризисном обществе на широком историческом и современном материале, Сорокин создал типологию поведения индивидов и социальных общностей в кризисные периоды, которую назвал законом позитивной и негативной поляризации.

Согласно этому закону, влияние войн, революций, стихийных бедствий, моров, землетрясений, наводнений, голода и других катастроф на религиозную и моральную жизнь индивидов и обществ состоит не в возрождении религиозности и моральном облагораживании или, напротив, в увеличении нерелигиозности и деморализации, но скорее в этико-религиозной поляризации. В период благоденствия для большинства

индивидов характерна поверхностная религиозность: оно ни очень грешно, ни очень свято. Во времена кризисов из этого большинства одна часть общества становится более религиозной и моральной (позитивный полюс), другая склонна к преступности и аморальна (негативный полюс). Таким образом, большинство уменьшается в пользу обоих полюсов – глубокой религиозности противостоит воинствующий атеизм и героическая мораль противостоит деморализации.

В зависимости от типа личности человек реагирует и преодолевает бедствия либо ростом творческих усилий и альтруистическим перевоплощением; либо умственным расстройством, самоубийством, ожесточением, ростом эгоизма, тупой покорностью судьбе, цинизмом. В обществе в целом в период кризиса, с одной стороны, увеличивается доля «святых», альтруистов, живущих в соответствии с моральными заповедями; с другой стороны, увеличивается доля аморальных, циничных, «звероподобных» личностей.

В качестве симптомов «негативной поляризации» современной цивилизации Сорокин указал на рост и распространение атеизма, материалистических, агностических и релятивистских философий, отвергающих догматы институциональных религий, потерю влияния и эффективного контроля над социальной жизнью, мышлением и поведением индивидов и групп, упадок институциональной религиозности как в «атеистических» коммунистических странах, так и в так называемых христианских странах Запада.

«Позитивная поляризация», по мнению Сорокина, имеет следующие признаки: выживание и рост религиозности в неблагоприятных условиях, сокращение атеистической пропаганды, «идеализация» диалектического материализма, рост неинституционализированной религиозности, использование современных средств коммуникации для религиозных целей, сотрудничество различных вероисповеданий, возникновение и развитие пацифистских и ненасильственных ассоциаций и движений, финансовая и нефинансовая гуманитарная помощь, предоставляемая частными лицами, общественными, правительственными и международными организациями.

Предсказывая рост и восходящее доминирование нового социокультурного интегрального цикла на мировой исторической сцене, Сорокин анализировал его проявления во всех областях человеческой деятельности, и там, где наука обычно довольствовалась поверхностной оценкой социокультурных явлений, ему удавалось подметить черты взаимного проникновения и интеграции разных мировоззренческих ориентации. Наиболее антагонистичными социальными общностями в первой половине нашего века были две противостоящие друг другу суперсистемы - Запад, в лице США и европейских стран, и Восток, в лице СССР и его сателлитов. Вопреки господствующему общественному мнению обоих лагерей, Сорокин предсказал окончание периода

изоляция в отношениях Востока и Запада, усиление взаимозависимости и взаимовлияния западных и восточных ценностей, культур, религий, социальных институтов и образов жизни, интегрирование капиталистического и коммунистического порядков и образов жизни и их позитивных ценностей, социальных институтов и типов личности. В области экономики, идеологии, искусства, науки, морали, религиозной жизни и т.д. он проследил конкретные проявления уменьшения правительственной регламентации в советском блоке и, наоборот, усиление ее в западном блоке.

Соглашаясь с диагнозом культурологов «философии жизни», считавших, что современное общество как на Западе, так и на Востоке находится в состоянии кризиса и распада, Сорокин поставил качественно иной прогноз: не гибель цивилизаций, а конец чувственного и начало нового интегрального цикла.

Разделяемая Сорокиным озабоченность западного общества катастрофическим развитием цивилизации, вопреки прогрессистским эйфорическим ожиданиям предшествующего периода интенсивного научного и экономического роста, стимулировала создание синтетической научной теории, которая, по его мнению, поможет предотвратить третью мировую войну и будет способствовать оздоровлению человечества. Недееспособность политических и экономических средств казалась очевидной; демократические режимы, как показывали исторические документы и свидетельства, были не менее воинственны, чем авторитарные. Высокая степень образованности в XX в. не помешала этому веку стать самым кровопролитным из последних двадцати пяти веков греко-римской и европейской истории. Поверхностная религия, которую исповедовала большая часть псевдоверующих, также не приносила успеха, слишком велика была пропасть между учением и применением заповедей в реальной жизни. Ни один из существующих в международной практике рецептов достижения мира не казался Сорокину эффективным.

С другой стороны, наличие некоей сверхчувственной силы, не учитываемой современной наукой, требовало изучения ее как научного феномена и использования в интересах человечества для прекращения межчеловеческой агрессии.

Внимание к этой проблеме явилось логическим результатом изучения характера современного кризиса, его причин, следствий и средств преодоления. Свои первые гипотезы он строил на основе существующих индуктивных доказательств, которые заключались в том, что без значительного увеличения бескорыстной созидательной любви в поведении, межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, институтах и культуре в целом мир невозможен. Сорокин не рассчитывал на финансовую помощь для своего «глупого» научного проекта (с точки зрения финансовой политики научных фондов, как он себе ее

представлял), и тем не менее, помощь совсем неожиданно была им получена от американского бизнесмена и мецената Эли Лилли, который предложил ее Сорокину, как одному «из немногих ученых, способных плодотворно исследовать проблемы нравственного и интеллектуального обновления растерянного и деморализованного сегодня человечества»⁷⁴. Благодаря финансовой поддержке, не прерывая преподавательской работы, Сорокин смог организовать в рамках Гарвардского университета Исследовательский центр по творческому альтруизму.

Феномен альтруистической любви до сих пор был вне поля зрения науки и рассматривался лишь как тема для проповеди или ненаучная спекуляция. Традиционный подход к альтруистической любви свидетельствовал, по мнению Сорокина, о чрезмерной сосредоточенности науки на патологических и негативных явлениях, типичной для чувственной социокультурной фазы. Для своего исследования альтруистической любви впервые в социологии Сорокин провел количественный анализ социометрических характеристик известных христианских святых (около 4600 персонален) и современных «носителей энергии любви» - добрых и хороших соседей (500 американцев). Для изучения проблемы собирались исторические и личные свидетельства и экспериментально проверялись гипотезы на студентах колледжей, пациентах больницы, нескольких группах взаимно антагонистичных индивидов. Результаты исследования позволили Сорокину сделать выводы, что альтруистическая любовь имеет целительную, умиротворяющую, гармонизирующую и облагораживающую силу, которая увеличивает здоровье и долголетие индивидов, институтов и обществ, и потому спасение человечества состоит в том, чтобы подняться на более высокий моральный уровень посредством благодати творческой любви.

Хотя о силе или энергии «благодати любви» знали с древних времен, тем не менее это знание редко соединялось с практикой повседневной альтруистической деятельности, и за последние столетия, по мере вытеснения религии наукой, практика эта имела тенденцию к сокращению.

Идеи «производства, накопления и распределения любви» индивидами, группами, институтами, всей культурой - как у современников Сорокина, так и в наше время - вызывают иронические усмешки, тем не менее приведенные Сорокиным убедительные свидетельства существования энергии любви заставляют пересмотреть многие стереотипы секулярного мышления современного человечества.

При том, что Сорокин ассимилировал некоторые религиозные понятия и ценности в корпус науки, его мировоззрение нельзя однозначно считать религиозным. Старший его современник, крупный русский философ С. Франк, характеризуя отношение русской интеллигенции к религии, писал: «Что касается ценностей религиозных, то в последнее время принято утверждать, что русская интеллигенция глубоко религиозна

⁷⁴ Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С. 199.

и лишь по недоразумению сама того не замечает; однако этот взгляд целиком покоится на неправильном словоупотреблении... При всем разнообразии религиозных воззрений, религия всегда означает веру в реальность абсолютно-ценного, признание начала, в котором слиты воедино реальная сила бытия и идеальная правда духа. Религиозное умонастроение сводится именно к сознанию космического, сверхчеловеческого значения высших ценностей, и всякое мировоззрение, для которого идеал имеет лишь относительный человеческий смысл, будет нерелигиозным и антирелигиозным...»⁷⁵.

Мысль С. Франка помогает правильно оценить соотношение религиозного и секулярного в теории Сорокина. Свидетельством не религиозности, пользуясь выражением Франка, а лишь «религиозного умонастроения» Сорокина является постулирование им Неопределенного Многообразия (вместо Бога и Царства Божия) в качестве истинной и абсолютной реальности.

Мир его детства, пронизанный христианской моралью, которая была еще усилена семейным ремеслом для нужд церкви, во многом определил его нравственные ценности. И хотя детская религиозность в годы учебы в церковной школе, а затем в Психоневрологическом институте и Санкт-Петербургском университете под напором социалистических идей была разрушена и заменена эволюционистской естественнонаучной философией, более поздние впечатления и пережитый мировоззренческий кризис 1917-1920-х годов заставили его вновь переосмыслить роль религии в собственной жизни и социальной жизни человечества.

Утверждая триадичность человеческой личности и путей познания, включая в научную схему познания возможность познания не только чувством и разумом, но и сверхчувственным-сверхрациональным путем, Сорокин опирался на научные доказательства в соответствии с правилами «хорошей науки». В качестве таковых он использовал личные документы и историко-культурные памятники о выдающихся ученых, музыкантах, философах, религиозных деятелях и других творцах. Количественный метод анализа, который он применял в других исследованиях социокультурной динамики, Сорокин распространил на область религии, которая никогда ранее не подвергалась подобным манипуляциям. Однако количественный метод играл подчиненную роль в его качественной модели социума.

Эмпирический материал подтверждал большую жизнестойкость и долголетие религиозных деятелей как группы, по сравнению не только с их современниками, но и с человечеством XX века. Хотя в течение последних тысячелетий произошел распад нескольких цивилизаций, но институт религии устоял. Анализ долголетия религиозных институтов говорил в пользу наибольшей продолжительности жизни не только субъектов, но и их идей.

⁷⁵ Франк С. Этика нигилизма. // Вехи. М., 1990. С. 180.

Исследования Сорокина в области религии внесли значительный вклад в изучение проблем нравственного сознания индивида и человечества как целого, - которое, возможно, получит развитие в современный кризисный период жизни России.

Неотъемлемый элемент интегральной социологии Сорокина и одновременно ее следствие - экуменизм. Неслучайно в этой связи то почтение, которое он высказывал попыткам построения интегральной мировоззренческой системы Шри Ау-робиндо. В этом отношении Сорокин является не одиноким мыслителем, а одним из представителей достаточно внушительного ряда философов, строивших свои системы на принципе интегративности: индийский ведантизм Вивекананды, русский космизм Н. Федорова, теории К. Циолковского, В. Вернадского и Тейяра де Шардена.

Продолжая тему влияний или истоков интегратизма П. Сорокина, нельзя не вспомнить и так называемый «русский духовный ренессанс начала XX века». Один из его ярких представителей, Н. Бердяев, рассматривал духовный кризис русской интеллигенции как «разрыв с русским просветительством, с позитивизмом в широком смысле слова, как провозглашение прав на потустороннее»⁷⁶.

Большое влияние на современников своей концепцией вселенской теократии оказал Вл. Соловьев, который, как и П. Сорокин, искал способы предотвращения мирового кризиса. Он также отвергал идеи, закрепляющие отчужденность внутри человеческого сообщества, и только глобальная целостность и единство на религиозной основе могли, по его мнению, предотвратить будущую катастрофу, которая ему виделась в образах христианского апокалипсиса.

Избранная Сорокиным в поисках истины философская установка опирается на традиции классического идеализма, где индивид сопричастен высшему разумному бытию. Сорокин-философ мог бы довольствоваться констатацией значимости религиозных заповедей как в прошлом, так и в будущем человечества, но Сорокин-пророк и активный творец видел свою задачу в его нравственном преображении силами наиболее могущественного современного инструмента - науки.

Задача, которую он поставил себе как ученый, соответствовала представлению о культуре и культурном творчестве как о многосторонней работе поднятия коллективного бытия на объективно высшую ступень, и с этих позиций культурное творчество означало совершенствование человеческой природы и воплощение в жизни идеальных ценностей.

Исходя из этой нравственной задачи, Сорокин поставил научную задачу изучения феномена альтруистической любви как средства преодоления социальных антагонизмов. Идея изменения ума, преобразования человека, совершающегося Божественной благодатью, была воспринята им, очевидно, из христианской традиции. Особое влияние на понимание этих вопросов Сорокиным оказала концепция божественной

⁷⁶ Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч. 2. С. 217-218.

благодати, первую и отчетливую редакцию которой связывают с именем блаж. Августина. Примечательно, что Сорокин опирался на мистическую традицию как церковного, так и внецерковного характера (например, на труды таких крупных мистиков, как Иоанн Скот Эриугена и Николай Кузанский), что может служить красноречивым свидетельством экуменического подхода к религиозно-духовной традиции.

Рассмотренный круг источников и влияний на формирование концепции русского социолога не умаляет ее определенной новизны и оригинальности. Одна из ее наиболее сильных сторон - органическое соединение принципов интегративности и цикличности развития социальных систем. В рамках социологии как научной дисциплины проблемы социокультурной динамики занимают все большее место, и в связи с огромным вкладом Питирима Сорокина в разработку этой проблематики повышается интерес к его творческому наследию.

Анализ творческого наследия Сорокина - грандиозная задача, которая не входит в мои намерения. Касаясь вопроса о значении наследия Сорокина в восприятии его современников, следует напомнить, что данный им прогноз конвергенции США и СССР в смешанный социокультурный тип, впервые прозвучавший в качестве доклада на XIX Международном социологическом конгрессе в 1961 г., имел такой исключительный успех, что вскоре был перепечатан ведущими социологическими и политологическими изданиями на нескольких языках. И хотя эти идеи неоднозначно воспринимались на его второй родине, в США, некоторые положения теории Сорокина оказали огромное влияние на американскую и мировую социологию. Читателей и слушателей впечатлял размах в использовании историко-культурной и социологической информации; популярность и восхищение умом оратора были таковы, что, по свидетельству его ученика Р. Мертона, эти лекции собирали от 800 до 1000 слушателей⁷⁷.

Мировую славу и репутацию ведущего современного социолога П. Сорокин заслужил благодаря главному труду его жизни - четырехтомной «Социальной и культурной динамике». В профессиональной среде этот труд не сразу нашел достаточное признание, и это побудило Сорокина обратиться к более широкой аудитории. «Интеллигентный читатель-непрофессионал» стал адресатом популярных адаптации «Динамики», в том числе настоящей книги, «Главные тенденции нашего времени», включившей его лекции и выступления 1958-1963 годов и изданной в США в 1964 г.

В небольшой статье нет возможности осветить в полном объеме творчество этого крупного мыслителя XX в., поэтому я хочу лишь способствовать продолжению знакомства российского читателя с творчеством Питирима Сорокина.

В заключение я хочу поблагодарить моих коллег, к.ф.н. П.М.

⁷⁷ Мертон Р. Фрагменты из воспоминаний // Социологические исследования. 1992. N 10.

Козыреву, к.и.н. А.Ш. Жвйтиа-швили, к.э.н. Ю.Н. Козырева и В.В. Сапова за помощь и поддержку в работе над книгой и подготовке ее к изданию.

В настоящее время первое издание этой книги Питирима Сорокина (Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1994) является библиографической редкостью, так как вышло оно тиражом в 300 экз. Второе издание значительно переработано по сравнению с первым и дополнено тремя приложениями - именованным указателем, словарем иноязычных слов и выражений и списком трудов П.А. Сорокина американского периода, опубликованных на русском языке.

Все подстрочные примечания принадлежат П.А. Сорокину и даются в авторской редакции. В ссылках на зарубежные издания названия книг даны на языке оригинала.

Цитаты, которые приводит автор, ссылаясь на советские издания, в частности на сочинения Ф.М. Достоевского, В.И. Ленина и публикации в журнале «Вопросы философии», уточнены и текст дан по русским изданиям.

Важные понятия и термины приводятся в тексте на языке оригинала в круглых скобках, при первом их употреблении.

В тексте сохранено соответствующее американской традиции употребление некоторых терминов и понятий во множественном числе, например, «политики», «практики», так как, по мнению переводчика, это отражает не только лингвистические, но и концептуальные особенности оригинала.

Русский эквивалент иноязычных слов и выражений дается в скобках в тех случаях, когда автор также приводит их английский эквивалент.

Т.С. Васильева

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ П.А. СОРОКИНА К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Глава первая

ТРИ ГЛАВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ...И

Перемещение творческого лидерства, упадок чувственного и возникновение интегрального нового строя. Чувственная, идеациональная и интегральная культуры. Эпохальная борьба между умирающим чувственным и возникающим интегральным строем в науке. Интегральная концепция истинной и абсолютной реальности. Интегральная теория познания и творчества. Роль сверхсознания в научных открытиях и творчестве. Интегральная теория познания человеческой личности. Борьба за существование творческой неэгоистической любви. Борьба между двумя социальными порядками в философии, религии, этике, политике, экономике, социальной жизни. Две тенденции в изящных искусствах. Воссоединение Истины-Добра-Красоты в возникающем интегральном строе.

Глава вторая

ДИАГНОЗ И ПРОГНОЗ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ.....88

Разделение между Востоком и Западом уменьшается. Перемещение творческого лидерства. Возможность возникновения нового интегрального строя на Западе и Востоке

Глава третья

ВЗАИМНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И СССР В СМЕШАННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ТИП..... 115

Три прогноза. Упадок реального капитализма. Социальный закон флуктуации тоталитаризма и свободы. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и Советской России: в естественных науках и технологии, в социальных и гуманитарных науках, философии, этике и криминальном праве, образовании, спорте и отдыхе, изящных искусствах, религии, браке и семье, экономической системе, социальных отношениях, политической системе. Заключение.

Глава четвертая

РЕЛИГИОЗНАЯ И МОРАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ..... 198

Единообразие поляризации в кризисе. Негативная религиозная поляризация. Негативная моральная поляризация. Позитивная религиозная поляризация. Позитивная моральная поляризация. Прогноз.

Глава пятая

МИСТИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ ЛЮБВИ..... 243

Новое поле исследования. Многообразие созидательной любви: ее космическо-онтологическая концепция, эмпирический биологический альтруизм, ее психосоциальные и поведенческие характеристики, альтруистическая и сексуальная любовь. Пять измерений альтруистической любви. Альтруистическая любовь как эрос и агапэ. Энергия неэгоистической любви: Биологические функции любви-энергии. Любовь и самоубийство. Любовь, долголетие и здоровье. Исцеляющая энергия любви. Любовь как витамин для здорового роста детей. Умиротворяющая и гармонизирующая функции любви. Любовь порождает любовь, ненависть рождает ненависть. Облагораживающая энергия любви. Любовь как творческая сила в социальных движениях. Любовь способна остановить войну. Плодотворность воодушевленной любовью перестройки. Любовь ограничивает катастрофы. Любовь увеличивает продолжительность жизни общества. Любовь как высшая форма человеческих взаимоотношений. Любовная энергия в познании, красоте, добре, свободе и счастье. Производство любовной энергии: посредством творческих героев любви, истины и красоты, обыкновенными людьми, социальными группами и институтами, всеобщей культурой. Накопление и распределение любви-энергии. Методы и три типа альтруистической трансформации. Закон поляризации.

ПРИЛОЖЕНИЯ.....	323
Именной указатель.....	323
Иноязычные слова и выражения.....	320
Книги Питирима Сорокина американского периода (1923-1968), изданные на русском языке.....	322
СОЦИОЛОГИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА (1889-1968) <i>(Т.С. Васильева)</i>	326

Научное издание **Сорокин** Питирим Александрович

ГЛАВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Утверждено к печати

Ученым советом Института социологии РАН

Заведующий редакцией «Наука - экономика, философия, право» *Т.В. Савич*

Редактор *Л.В. Пеняева*

Художник *Н.Н. Михайлова*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Г.В. Дубошицкая,*

Е.Л. Сысоева, Т.Н. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 22.10.97

Формат 70 X ЮО'/32- Гарнитура Тайме. Печать офсетная

Усл. печ.л. 14,3 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 14,4. Уч.-изд.л. 13,4

Тираж 2000 экз. Тип. зак. 3379

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

По вопросам приобретения книг

по издательским ценам

обращаться по адресу:

117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90;

тел. 334-98-59